

В.ВЫСОЦКИЙ: ВСЁ НЕ ТАК

Разберёмся
В.Высоцкий

Мемориальный
альманах—
антология

1991

Вахазар

Кроме свидетельств любви и уважения к памяти Владимира Высоцкого вы обнаружите в этой книге и следы "черных людей", неотступно следовавших за ним. На "полях" – небольшое "избранное" – стихотворения как широко популярные, так и менее известные почитателям творчества Высоцкого.

СРЕДИ АВТОРОВ:

В. Аксенов
 Б. Ахмадулина
 В. Берестов
 И. Бродский
 Ю. Визбор
 М. Влади
 А. Вознесенский
 А. Галич
 В. Гафт
 А. Герман
 В. Дашкевич
 В. Делоне
 А. Демидова
 В. Долина
 А. Жигулин
 Е. Камбурова
 Ю. Карякин
 Ю. Ким
 А. Макаревич
 В. Максимов
 Н. Матвеева
 А. Межиров
 А. Мень
 Б. Окуджава
 Д. Ольбрыхский
 Д. Самойлов
 А. Синявский
 А. Тарковский
 Ю. Трифонов
 В. Туриянский
 В. Туманов
 М. Ульянов
 Л. Филатов
 М. Шемякин
 В. Шкловский
 А. Шнитке
 Н. Эйдельман
 А. Эфрос
 и другие

84.P7/ B11

882-8

В. ВЫСОЦКИЙ: ВСЁ НЕ ТАК. Мемориальный альманах-антология/Редактор-составитель А. Базилевский. – М.: Вахазар, 1991. – 72 с.

ISBN 5-88190-005-7

В 4702010200-8-001 01-92
 D87(03)-92

Состав, проект оформления © 1990, 1991 Андрей Базилевский
 Серия © 1991 Издательство «Вахазар» при участии группы "Весть-ВИМО"

Редактор-корректор Д. Вешенный. Технический редактор Н. Денисенко.
 Подписано в печать 31.12.1991. Гарнитура "Таймс".

Формат 60x84 1/8. Объем 9,0 п. л. Тираж 20 000 экз. Печать офсетная.
 Зак. 297.

ПП «Чертановская типография» МГПО
 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а.

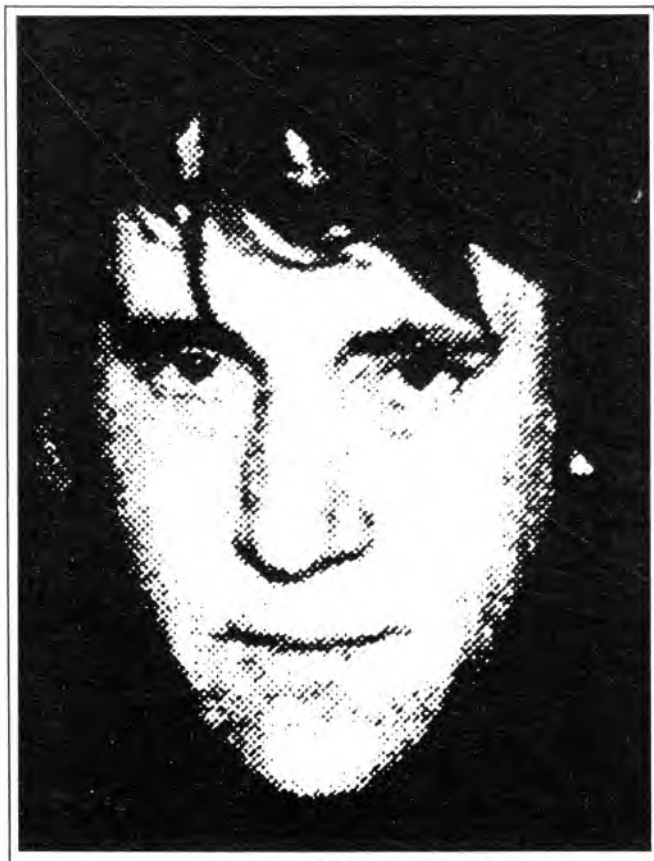
ДАНИЭЛЬ ОЛЬБРЫХСКИЙ
 Поминая Владимира
ВЫСОЦКОГО

«Вахазар» 1992

Я сюда пришел не для того,
чтобы кому-то нравиться.
Я пришел сюда, чтобы правду ответить.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Александр' (Alexander) written in a cursive style.

Ирина Руднева

*Не поминайте ни добром, ни лихом,
Зажгите молча тонкую свечу.
И пусть в округе будет очень тихо,
А вдалеке лишь музыки чуть-чуть.*

*Не надо слов ни хоровых, ни сольных,
Пусть время плещет*

сквозь его причал:

*Такие люди тишины достойны.
За нас за всех он криком открывал.*

Однажды!.. Начало довольно банальное. Но всё равно – однажды! Ночью! Я пошел купаться на реку. Один. Не потому, что было не с кем, а просто захотелось одному, вот и всё. На реке (опять банально... но... тем не менее), на реке никого не было. Была лунная дорожка, в которой очень красиво плавать, была тихая вода и было тепло. Только метрах в восьми от берега плавала полоса плотов. Буксир притащил их и оставил, а буксирщик пошёл пьянствовать с товарищами с пристани. Ему бы надо дальше, план ведь, и чем быстрее, тем больше заработает, а он пошел пьянствовать, то ли товарищей давно не видел, то ли время пришло. Вот! Пошёл он пьянствовать, а плоты колыхались на тихой воде, метрах в восьми от берега. Я, конечно, разделся – догола, конечно, разделся, попробовал воду пальцами ног и думаю: "Плоты какие-то? Поднырну под них и выплыву на чистое место, поплаваю, поотдываюсь, пофыркаю, а потом обратно поднырну и домой". Сказано – сделано. Хлюп! Несколько гребков, сильных таких, нервных – ночь, темно, страшно. Иду вверх – бум! – ударяюсь в бревно головой. Значит, мало! Ещё несколько гребков: снова – бум! Хуже дело. Гребу ещё, воздуху нет, и потихоньку голос какой-то гнусный говорит: "Гибнешь! Ой, гибнешь!" Хрена с два! Чтоб мне сгинуть, надо ещё смочь! А кровь в висках стучит – наверное, кислородное голодание. Я вверх – опять бревна. Всё. Смерть. На фига дома не сидел, пошел на реку за смертью?! А дома дожидаются, и коньяк стоит о трёх звёздочках. А я тут гибну, и не за грош, а по глупости гибну... Но вдруг в самый-самый последний момент перед смертью подумал: "Правой-то я сильнее грёб, вот и выгреб". Повернулся я, оттолкнулся, да и выскочил вверх, как летучая рыба, воздуху хватил и назад, а потом опять – и так раза четыре. Выжил я, значит. С тех пор купаться ночью не хожу. А буксирщиков ненавижу лютой ненавистью, и пьянство тоже. А жизнь нашу и неудовлетворённость, из-за которой по ночам на реку хочется, а не в постель, – прокливаю. Вот! ²

Я жив - снимите чёрные повязки!

Какой был день?

*Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь - наверх.
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек.*

*Для остановки нет причин -
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!*

*Среди нехоженных путей
Один - пусть мой.
Среди невзятых рубежей
Один - за мной!*

*А имена тех, кто здесь лёг,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна - моя!*

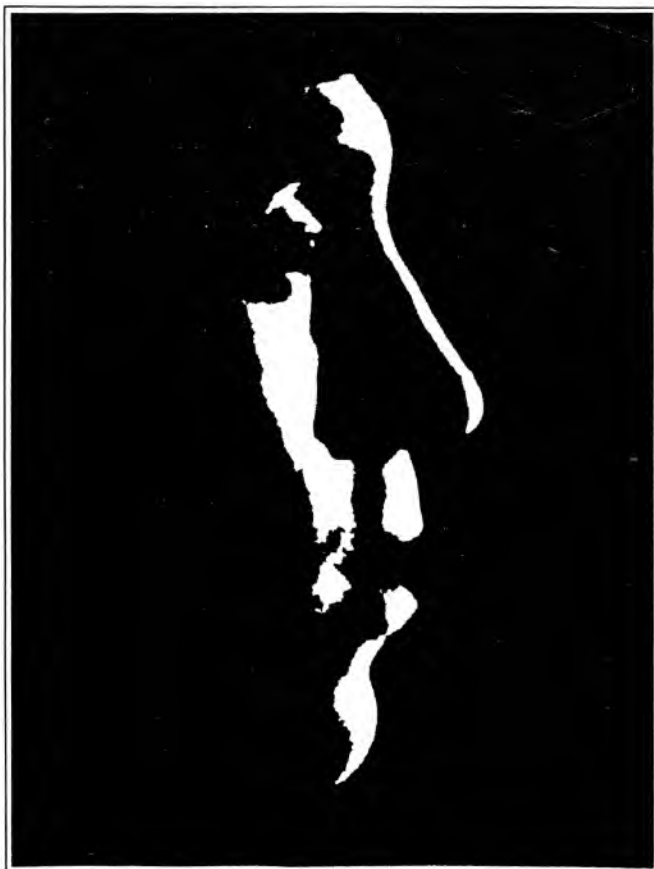
*Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...*

*А я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!*

*И пусть пройдёт немалый срок -
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.*

*В тот день шептала мне вода:
- Удач - всегда!..
А день, какой был день тогда?
Ах, да! - среда...*

- Чего тебе недостаёт?
- Времени.
- Каким человеком
считаешь себя?
- Разным.
- За что ты любишь
жизнь?
- Какую?

Юрий Карякин

О песнях Владимира Высоцкого

<...> Почти каждую свою песню пел он на предельном пределе сил человеческих. А сколько у него таких песен, и сколько раз он их пел! И если уж одно это исполнение производит такое потрясающее впечатление, то какой же ценой, нервами какими и кровью они создавались? Какой за этим труд?

Он был на редкость удачлив. Но это была удачливость без презрения к неудачникам. И в то же время чувствовалась чисто мужская, мужицкая твердость, твердость человека, умеющего работать до седьмого пота, знающего цену работы, а потому жесткого к людям ноющим, неработающим. Неудача может быть в работе – как же иначе? Пожалуй, даже и не может быть работы без неудач. Но неудача, связанная с бездельем, неудача... в безделье?... Никакая тут не трагедия, а фарс, празднословие. <...>

Не раз случалось: услышал какую-нибудь его песню, и кажется, уже покорила она тебя, но потом вдруг слышишь ее снова и не узнаешь, вроде та – и не та. Чуть изменились слова, чуть интонации, ритм, чуть-чуть еще что-то, неуловимое, и вот перед тобой – не второй, не третий варианты, а – единственный. В чем тут дело? Не в том ли, что истинный талант – это, может быть, прежде всего "просто" непримиримость (даже ненависть) к собственной бездарности – безвкусице, нечестности, неточности и, главное, умение вытравлять все это беспощадно, без остатка?

Его песни – это словно он сам все время прислушивается, боясь пропустить чей-то сигнал бедствия. Сам мчится к кому-то на помощь, боясь опоздать. Сам поминки виноватые справляет о павших, боясь кого-нибудь из них позабыть, не понять, раз уж не удалось спасти.

Гете говорил, что если перед вами человек, в чем-то превосходящий вас, то полюбите, полюбите его за это. Иначе грозит болезнь, иначе изойдете от зависти. Но попробуйте позавидовать Высоцкому. Как, например, завидовать человеку, который, жизнью своей рискуя, бросается в омут бурлящий или в огонь, чтобы спасти другого? Вот действительно: поди попробуй. Вся зависть, все тщеславие утонут в этом омуте или сгорят дотла в этом огне... <...>

Не сразу и не все поняли, что песни его – дело не шуточное, не хобби, не карьера – с у д ь б а. Было время, в самом начале любимовской "Таганки", лет 16 назад, когда зазывали его "меценаты", зазывали для развлечения, и он не отказывал, приходил, пел, но и тогда уже перекашивались вдруг их лица, будто глотанули они вместо легкого вина чистого спирту... <...>

У Высоцкого и прижизненная слава была, как мало у кого. Но, как мало кто, он прошел и сквозь медные трубы, не потеряв головы. Здесь проявилась и внутренняя интеллигентность его и как бы специальная тренировка против славоблудия.

Он, по-моему, не преувеличивал свое значение, свой дар, – может, недооценивал даже. Однако п р и з в а н и е свое знал, относился к нему серьезно, честно и был верен ему до конца, а потому и силы его росли на удивление. И все мы видели: кто-то запустил его живым метеором, выстрелил им, и он пронесся по нашему небу, прогудел – и сгорел, не требуя никакой дани, не вымаливая никаких взяток, а страстно желая одного-единственного: не взять – отдать, одарить. Не от людей – людям, нам. <...>

Сколько людей, сколько чувств, часто забываемых, не открытых литературой, обрели в нем свой голос. Похоже, что сам Высоцкий мало задумывался

над тем, кто и как будет истолковывать его песни. Худо это или хорошо, но политическим певцом он не был. Правда и непосредственность переживаний – вот что двигало им, и совсем он не умел (и не хотел) рассчитывать на "проницательных" слушателей, ищущих в его песнях какие-либо "аллюзии".

Нет, тут не мода скоротечная, как, может быть, кому-то казалось вначале. Что-то есть тут чрезвычайно серьезное, мимо чего пройти мы права не имеем. Тут, если угодно, знак для нас для всех. Что-то взаимно угадалось, узналось, любовно и больно: буд-то истосковавшиеся встретились. Тут ведь доверие настоящее, а что может быть труднее и прекраснее? Не купишь, не подделаешь, как и любовь настоящую. Тут и есть такое доверие людей к своему поэту – певцу – актеру, который поймет тебя, выразит. Что выразит? Что поймет? Беду. Извечную тоску по правде. Жажду бескорыстия и безоглядности, удали и самоотверженности. Жажду неподдельности. Он и сам как Гамаюн: "надежду подает"...

Владимир Высоцкий

СТИХИ НА МУЗЫКУ и просто стихи

1964-1980

Никак не избежишь искуса определить значение Высоцкого каким-то одним словом, и каждый раз получается новое слово, и ты понимаешь, что оно не исчерпывает всего, и вот сегодня у меня искуса – я бы его выразил словом "доверие". Люди к Высоцкому испытывали доверие, знали, что он не выдаст, не продаст, не совет. Чем это можно объяснить? Беспощадностью его к себе и – доверием к нему оттого, что он умел и хотел вживаться в душу каждого из нас. Отсюда и безоглядность ответного доверия, которое он заслужил. ³

"Ни единою буквой не лгу, не лгу..." Многие ли посмеют, точнее, многие ли право имеют подписаться под этим? <...>

Лучшие песни его не просто слушают – их словно пьют, пьют иссохшимися глотками и – пьянеют, хмелеют от пронзительного счастья хоть на миг, но до конца быть самим собою, дать себе волю думать, как думается, и чувствовать, как чувствуется, – по совести. Песни эти пьют и вдруг трезвеют от беспощадного вопроса в лоб, вопроса неотразимого, без обиняков всяких: а как жить так же? Жизнь жить, а не миг один за проигрывателем или магнитофоном. С а м о м у жить, а не быть только слушателем, пусть даже самым восторженным. Но ведь это (то есть пробуждение, взрыв совести) и есть неперенный знак настоящего искусства.

Конечно, время произведет свой неподкупный жестокий отбор, свою прополку. Но я убежден: часть его песен уже вошла в народную память, и надолго. А кто знает, может, спустя десятилетия их откроют, услышат, прочтут заново, и удивятся, и найдут такое, что нам сегодня и невдомек. <...>

Как изменился портрет Володи. Как по-другому он глядит и улыбается. По-другому поет вам свои песни. И как по-другому мы теперь его слушаем и видим. А вопрос "По чьей вине?" к нему не относится. Он-то до конца своего делал то, о чем пел: "Землю тянем зубами за стебли..." Это – вопрос только к нам самим. Будто он сам и спрашивает, спрашивает не обидно опять, а теперь еще и с завистью доброй, с надеждой, а все равно с каким-то вызовом: ну, а вы? Сможете? Ведь у вас-то еще е с т ь время...⁴

– Эй, шофёр, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, да поскорее мчи!

– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал –
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

– Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам.
Ну, да ладно, что ж, шофёр,
тогда вези меня в "Таганку",
Погляжу, ведь я бывал и там.

– Разломали старую "Таганку",
Подчистую, всю ко всем чертям!
– Что ж, шофёр, давай назад,
крути-верти свою баранку,
Так ни с чем поедем по домам.

Или нет, шофёр, давай закурим,
Или лучше – выпьем поскорей!
Пьём за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей.

1963

У домашних и хищных зверей
Есть человеческий вкус и запах.
А каждый день ходить на задних лапах –
Это грустная участь людей.

Сегодня зрители, сегодня зрители
Не желают больше видеть укротителя.
А если хочется поукрошать,
Работай в органах – там благодать!

У немногих приличных людей
Есть человеческий вкус и запах,
А каждый день ходить на задних лапах –
Это грустная участь зверей.

Сегодня жители, сегодня жители
Не желают больше видеть укротителя.
А если хочется поукрошать
– Работай в цирке – там благодать!

1964

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел –
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до "вышки".

За этот час не пишем ни строки –
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники, –
Нам не писать: "... считайте коммунистом".

Перед атакой – водку, – вот мура!
Свое отпили мы ещё в гражданку,
Поэтому мы не кричим "ура" –
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу!
И если не поймает в грудь свинец –
Медаль на грудь повесишь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше – бей рукой:
Оно надёжней, да оно и тише, –
И ежели останешься живой –
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, –
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы –
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел, –
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству
– до "вышки"...

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены,
Надпись "Все ушли на фронт".

При всем сарказме, при всей беспощадности к злу Высоцкий в поэзии и в жизни был органически верен тому, что было сказано Пушкиным: "Милость к падшим призывал", – и Достоевским: "Жалость, не изгоняйте жалость из нашего общества, потому что без нее, без жалости, оно развалится". Мало кто напоминал и напоминает нам сейчас об этих, может быть, коренных устоях русского национального характера. Это беззаветность Стеньки Разина и Хлопуши. Это жалость человека, переболевшего всеми страхами, болями, надеждами...⁵

Он был для меня воплощением возможности невозможного. У него было родное им всем – и Мандельштаму, и Пастернаку – чувство: идет охота на волков. Была травля, была охота. Но – "я из повиновения вышел". Он первый высочил из этого, почувствовал восторг свободы. "И остались ни с чем егеря", понимаешь? И мы, старшие, с каким-то недоверием: приснилось, что ли? А он не боится, он идет. Они стреляют, а он идет, один, по канату, и хохочет при этом! Он был осуществленной дерзостью. Не политической, черт с ней, – человеческой...⁶

Натан Эйдельман

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...

Чем быстрее кони, тем длиннее дорога, что остается позади. Нам кажется, что мы стремительно несемся в будущее – но туда еще нужно добраться, – а пока что позади накапливается история, столько истории, сколько не снилось жителям неторопливых веков.

Владимир Высоцкий за свои сорок два года интенсивно, нервно прожил, пережил, по старым меркам, несколько столетий; а сверх того – еще десятки веков до собственного появления на свет, – веков, к которым он относился по-хозяйски, как к собственности, прародине. Кони привередливые будто только что его вынесли из времен революции, Пушкина, Бонапарта, Джеймса Кука, вешего Олега, из времен своих предшественников.

Всякий настоящий мастер неповторим; но именно поэтому он, как это ни парадоксально, какими-то частями, черточками похож чуть ли не на всех великих мастеров. Хотя бы потому, что – талантлив. Люди совершенно противоположных направлений и подходов к жизни, если обладают этим даром, то уж волей-неволей формируют друг друга...

Кто же исторические предки Владимира Высоцкого? В русской истории и словесности на кого он похож? Первым делом, конечно, приходят на память Денис Давыдов или Аполлон Григорьев с гитарой, с гусарской или цыганской песней. Эти отчаянные люди занимают свое место в "родословной" Высоцкого, но не только они.

Искать непросто: мы не всегда отдаем себе отчет, что благодаря современной технике потомкам достанутся не только письмена, но и живые голоса нашей цивилизации... <...> Не слыша старинных голосов, тем более обращаемся к духовному родству, и снова задумываемся – откуда все же "пошел" Высоцкий?

Разумеется, любое суждение будет субъективным, каждый имеет право привести "своих людей", однако автор этих строк, с тех пор, как стал сильно прислушиваться к Высоцкому, постоянно вспоминает одного из своих любимых героев, декабриста Лунина. Дело не в песнях, стихах – Лунин занимался другими делами; но когда великий князь Константин, второй человек в государстве, подходит к офицерам и говорит: "Господа, вы, кажется, на меня жаловались, ну что же, кому угодно, я могу дать сатисфакцию" (он уверен, что никто против наследника престола не посмеет), – тогда молодой Лунин выезжает на коне, снимает шляпу и отвечает: "Ваше высочество, от такой чести трудно отказаться!"

Разве тут не слышен голос Высоцкого?

Константин отшутился: мол, ты еще молод...

В конце же жизни, в Акатуе, одной из страшнейших сибирских тюрем, "государственный преступник" Лунин при появлении ревизора-сенатора выходит из своей камеры без окон, светски шаркает по гусарски и говорит на прекрасном французском языке (когда-то в Париже, когда не хватало денег, – зарабатывал обучением французов их языку, больше уже российскому человеку нечем там прокормиться!); так вот, он произносит: "Мой генерал, разрешите мне приветствовать вас в моем гробу".

Перед смертью Лунин еще заметит: "В этом мире несчастливы только глупцы и скоты"; иначе говоря, если счастье в тебе, в твоей внутренней свободе, – ты непобедим.

Очень "высоцкий" был человек Михаил Лунин, и очень "лунинский" – Владимир Высоцкий...

А рядом с ними – Пушкин. Речь идет не о сравнении дарований (каждый был верен своему!), но о соотношении личностей. И мы это отчетливо ощущаем, когда, скажем, находим у Пушкина: "В вопросе счастья я атеист, не верю я в него", или вдруг: "Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство"; наконец, невесте, по-французски: "Мой ангел... целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер женщинам, которые Вас не стоили".

Свободные, веселые, трагические люди; веселость их, внутренний свет тем виднее, чем чернее жизненные обстоятельства.

Если же приблизиться ко времени рождения нашего героя, заметим еще одного предшественника, для многих, может быть, совершенно неожиданного: очень непохожего Михаила Зощенко.

Тысячи современников, одни с укором, другие с восторгом, смешивали и смешивают Зощенко и Высоцкого с их героями; многие уверены, будто поэт-актер – из блатного мира и попал на сцену прямо "с Большого Каретного"; изумляются, узнав о его интеллигентности, ранимости, требовательности к себе. Точно так же о мягком, тонком, образованнейшем Зощенко рассказывали, будто он мешанин и хулиганит в квартире, трамвае, бане... Меж тем оба художника, пусть очень разных, в течение многих лет изучающе проникали внутрь "жлоба" и, мастерски владея этим героическим приемом, сами от него немало страдали...

История – в поэте; поэт – в истории. Смерть поэта, годовщины смерти, увы, – не первый век – важные, постоянные российские "праздники поэзии"... <...> ?

*За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности –
Значит, всем идти на фронт.*

*Там год за три, если Бог хранит,
Как и в лагере зачёт.
Нынче мы наравных с вохрами –
Нынче всем идти на фронт.*

*Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, –
Высшей мерой наградил его
Трибунал с самострел.*

*Ну а мы – всё оправдали мы, –
Наградили нас потом:
Кто живые – тех медалями,
А кто мёртвые – крестом.*

*И другие заключённые
Пусть читают у ворот
Нашу память застеклённую –
Надпись "Все ушли на фронт"...*

1964

Песня про стукача

*В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата –
Его привёл с собою и сказал:
"Со мною он – нальём ему, ребята!"*

*Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, –
Ошибся я – простите мне, ребята!*

*Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила,
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более, что так оно и было.*

Владимир Высоцкий

Остается самым светлым*

Сначала я играл на рояле, потом – на аккордеоне. Я тогда еще не слышал, что можно петь стихи под гитару, и просто стучал ритм песни по гитаре и пел свои и чужие стихи на ритмы. <...> Вскоре после окончания студии Художественного театра – молодым еще человеком – услышал пение Окуджавы, по-моему, это было в Ленинграде, во время съемок. Его песни произвели на меня удивительное впечатление не только своим содержанием, которое прекрасно, но и тем, что оказывается, можно в такой манере излагать стихи. Меня поразило, насколько сильнее воздействие его стихов на слушателей, когда он читает их под гитару, и я стал пытаться делать это сам. Стал делать, конечно, совсем по-другому, потому что я не могу, как Булат, – это совсем другое дело. <...>

Вот только в этом смысле был у меня элемент подражания, а в других смыслах – нет. Никогда не подражал я ни Булату, ни другим ребятам, которые в то время писали. Мы с Булатом работаем в одном жанре, и обычно в этом случае возникает какое-то соревнование. У нас с ним никаких соревнований нет. Я пишу очень разные песни, почти все они написаны от первого лица. Булат это делает реже, но я и не хочу сравнивать, скажу только, что отношусь к нему с большим уважением, просто я его люблю – и стихи его, и как он это делает, и вообще как личность, – это само собой. Он мой духовный отец и в этом смысле остается для меня самым светлым...⁸

Гитара появилась так: вдруг я однажды услышал магнитофон... <...> Приятный голос, удивительные по тем временам мелодии и стихи, которые я уже знал, – это был Булат. И вдруг я понял, что впечатление от стихов можно усилить музыкальным инструментом и мелодией. Я попробовал это сделать сразу, тут же брал гитару, когда у меня появлялась строка. И если не ложилось на этот ритм, я тут же менял ритм и увидел, что даже работать это помогает, то есть даже сочинять – с гитарой. Многие люди называют это песнями. Я не называю это песнями. Я считаю, что это стихи, исполняемые под гитару... <...> Когда я был маленьким пацаном, меня заставляли родители из-под палки – спасибо им! – заниматься музыкой. Значит, я немножко обучен музыкальной грамоте, хотя, конечно, я все забыл, но это дало мне возможность хоть как-то, худо-бедно, овладеть этим бесхитростным инструментом – гитарой.⁹

Себя я певцом не считаю. Никаких особенных вокальных данных у меня нет. Некоторые композиторы усматривают в моих песнях однообразность строя, манеры исполнения. Другие называют это четким выражением индивидуального стиля. Что бы ни говорили, в конечном счете, главное для меня – текст.¹⁰

Жанр авторской песни, вернее, стихи на музыку – это самостоятельный жанр. Его нельзя путать и равнять с эстрадной песней, это совсем разные вещи. И во всем мире это уже делается много лет, а у нас с трудом воспринимается, что человек сам пишет тексты, сам пишет музыку и сам поет.¹¹

Во все времена существовало три власти: законодательная, исполнительная и судебная. Он для нас, его любивших, был не что иное, как четвертая власть. Никому не подвластная. Ни перед кем не являющаяся. Ни от кого не зависимая. Потому что это власть человеческой Совести.

Сергей Дернов¹²

Я сохраню хотя б остаток сил, –
Он думает – откуда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, –
Ошибся он – поверьте мне, ребята!

И день наступит – ночь не на года, –
Я попрошу, когда придёт расплата:
"Ведь это я привёл его тогда –
И вы его отдайте мне, ребята!.."

1964

Дайте собакам мяса

Дайте собакам мяса –
Может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса –
Авось они перебьются.

Чтоб не жиреть воронам,
Ставьте побольше пугал.
А чтобы любить, влюблённым
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зёрна –
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным –
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошмётки
Дали – а псы не подрались.
Дали пьяницам водки –
А они отказались.

Люди ворон пугают –
А воронья не боится.
Пары соединяют –
А им бы разъединиться.

Булат Окуджава

Смерть легализовала его*

Если отталкиваться от поговорки "Не выноси сор из избы", то я придерживаюсь точки зрения, согласно которой сор этот выносить нужно как можно раньше и как можно в больших количествах, потому что сора накопится слишком много... Я думаю, что Высоцкий относился к той категории людей /.../, которые считают, что нужно избы от сора очищать, не обращая внимания на то, что скажут соседи.¹³

Настоящий поэт приходит с мешком гвоздей. Они из мешка вылезают и колют, и ранят, и задевают, а ты ахнешь и охнешь... <...>

Люди, воспитанные на пустой бездумной развлекательности, поэзии Высоцкого не примут; не умеющие самостоятельно мыслить его сарказма, его иронии не оценят; равнодушные ко всему, кроме личных проблем, тревоги и боли его не поймут. Для них его поэзия, в лучшем случае, — пустое место, в худшем — как красная тряпка быку.

Настоящего поэта всегда сопровождают не только почитатели, но и отрицатели, не только ценители, но и хулители, и даже гонители. У поэзии Владимира Высоцкого и того и другого вдоволь, и это, наверное, один из главных признаков ее истинности и высоты. Печально только, что иногда в качестве хулителей выступают именующие себя поэтами.

Настоящий поэт рождается из духовных потребностей общества. Ими насыщена атмосфера. Чем острее они, тем резче и ярче голос поэта. Это размышления для способных размышлять, и огромная популярность Высоцкого явилась результатом не "всеобщей любви", а признания единомышленников.

Единомышленников оказалось много.¹⁴

Жил талантливый человек, всем известный. Песни его ворвались в наш слух, в наши души, а говорить и писать о нем было нельзя. Его не печатали, не издавали. Кого-то очень пугала острая социальная направленность его стихов, кого-то раздражала его популярность. Трудно сказать, что испытывал человек, знавший себе цену и не имевший возможности увидеть свои стихи опубликованными.

Смерть легализовала его. Смерть и новые обстоятельства нашей жизни. Эта смерть была столь внезапной и неправдоподобной, что потрясла общество. Стало уже невозможно отмалчиваться, и тут начался разговор, попытка анализа. Началось то, на что поэт имеет право, без чего невозможно развитие литературы, культуры вообще.

Началось, естественно, с коротких прощальных плачей его друзей, а затем все превратилось в сокрушительный поток, в целую систему потоков, разнополюсных, взаимоисключающих, от неприятия до словословия, с озлобленностью на одном конце и с кликушескими восторгами — на другом. В общем, все закономерно, и даже, пожалуй, благо — столкновение мнений, разные точки зрения, но в разговоре о поэте крайности всегда не к добру. Не должно быть ни обожествления, ни хулы, — тем более, что обожествляют в основном либо восторженные невежды, либо сознательные спекулянты. А хулители? Как ни печально, это чаще всего стихотворцы, братья по цеху, не стяжавшие поэтических лавров, страдающие комплексом неполноценности, или же критики, отчаянно привлекающие к себе литературное внимание.

А что же было? Был поэт, был голос, была гитара, было печальное время. Всякий мало-мальски думающий человек, мало-мальски чувствующая натура сознавали эту печаль, ощущали упадок, нравственные потери.¹⁵

Лили на землю воду —
Нету колосьев, — чудо!
Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду?!

1965

Попутчик

Хоть бы — облачко, хоть бы — тучка
В этот год на моём горизонте!
Но однажды я встретил попутчика —
Расскажу про него, знакомьтесь.

Он спросил: "Вам куда?" — "До Вологды".
"Ну, до Вологды — это полбеды".

Чемодан мой от водки ломится —
Предложил я, как полагается:
"Может, выпить нам, познакомиться,
Поглядим, кто быстрее сломается!.."

Он сказал: "Вылезать нам в Вологде,
Ну а Вологда — это вона где!.."

Я не помню, кто первый сломался, —
Помню он подливал, поддакивал,
Мой язык как шнурок развязался,
Я кого-то ругал, оплакивал...

И проснулся я в городе Вологде,
Но — убей меня — не припомню где.

А потом мне пришили дельце
По статье Уголовного кодекса. —
Успокоили: "Всё перемелется", —
Дали срок — не дали опомниться.

И остался я в городе Вологде,
Ну а Вологда — это вона где!..

О Володе Высоцком

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
вот ещё одному не вернуться домой из похода.

Говорят, что грешил,

что не к сроку свечу затушил...

Как умел, так и жил,

а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеёмся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
чёрный аист московский

на чёрную землю спустился.¹⁶

О нашем дворе

Как наш двор ни обижали – он в классической поре.
С ним теперь уже не справиться –
хоть он и безоружен.

Там Володя во дворе,
его струны в серебре,
его пальцы золотые, голос его нужен.

Как с гитарой ни боролись –
распалялся струнный звон.
Как вино стихов ни портили –
всё крепче становилось...

Кто сначала вышел вон,
кто потом украл вагон? –
всё теперь перемешалось, всё объединилось.

Может, кто и нынче снова хрипите его не рад.
Может, кто намеревается подлить в стихи елея...
А ведь песни не горят,
они в воздухе парят,
чем им делают больнее, тем они сильнее.

Что ж печалиться напрасно?
Нынче слёзы лей – не лей.
Но запомним хорошенечко и повод и причину:
мы воспели королей
от Таганки до Филей,
пусть они теперь поэту воздадут по чину.¹⁷

Александр Галичу,
Владимиру Высоцкому,
Юлию Киму

Вечера французской песни
нынче в моде и в цене.
А своих-то нет, хоть тресни...
Где же наши шансонье?

Пой, француз, тебе и карты,
ты – француз, ты вдалеке.
Дело в том, что наши барды
проживают в бардаке –

в том, в котором нет пророка.
Чуть явись – затопчут след.
Пой, француз, ведь ты далёко,
и к тебе претензий нет.

Чем начальству ты приятен?
Тем, что текст твой непонятен.
Если ж нужен перевод,
переводчик – наш молодойчик –
как прикажут – перевёрт.

Ты поёшь и ты танцуешь,
ты смакуешь каждый стих,
если ж даже критикуешь –
ведь не наших, а своих.

Пой, француз, с тебя нет спроса,
ты ведь гость, чего грешить...
Остальное – наша проза,
не тебе её решить.¹⁸

Высоцкого я лично не знал, но песни его очень люблю. Ведь это, по существу, первый народный поэт, отразивший весь срез эпохи последнего десятилетия. И если у Окуджавы, в основном, лирические строки, у Галича – социальный протест, то Высоцкий написал портрет эпохи. Опять же, не исчерпывающий. Но даже его песни про горы, про мужество не есть какая-то временная конъюнктура.

Александр Мень¹⁹

Василий Аксенов

Он был всегда*

Когда умирают друзья, утекает и часть собственной жизни. Вот уже три недели после смерти Володи – отошла еще дальше вода, открылась новая нежилая отмель, прибавилось пустыньки.

Пытаюсь вспомнить, когда впервые его увидел, и не могу. Кажется, что он всегда был среди нас, все наши искореженные 70-е, бурные 60-е, и даже раньше, в смутных 50-х смутно маячит сквозь московскую круговерть его "с понтом" хитровая улыбка и грустный взгляд.

Сың Москвы, лихой "простецкий парень", "свой в доску" и в то же время чужой, как метеор – поэт, перелетающий через границы, таинственный хриплый бард, глобтроттер в германском лимузине...

Среди всеобщего унылого повиновения, среди наших робких десятиборцев и трусливых метателей молота появился – не со звезды ли слетел? – дерзкий щуплый паренек, не желающий считаться с дурацкими незыблемыми "табу" нашей современной жизни. Все остатки вольного московского духа воплотились в нем. По отношению к Володе, может быть, уместно вспомнить Хлебникова: "эй, молодчики-купчики, ветерок в голове, в пугачевском тулупчике я иду по Москве..."

В сатире своей он шел прямо за Зощенко, в лирике – за Есениным.

Есть и еще одна любопытнейшая параллель – американский бард Боб Дилан. Чем объяснить возникновение таких "параллелей" – на огромном расстоянии, в столь разных культурах? Будто двое кружились в Космосе вместе, UFO – НЛО, а потом почти одновременно получили сигнал приземлиться. Кому из двоих повезло больше?

Философ Тростников полагает, что группа "Битлз" отодвинула третью мировую войну. Высоцкий был из числа тех, что отодвигают кошмар духовной энтропии. Скажут иные, что благодарная родина выпустила за всю его жизнь две "сорокапятки", ни разу не вывесила афишу о его концерте, а к смерти певца дала всего лишь три строки "с глубоким прискорбием..." Мы возразим: это не Родина наша так издевается над певцами, а те, кто вне ее, мелочь пузатая, шивота, а родина наша его любила беззаветно... И он это знал.

Помню, совсем еще недавно он пришел в редакцию "Метрополя". Мы были в унынии после очередного погрома, подташнивало от очередных мерзостей секретаришек, наших же бывших товарищей. Володя спел нам тогда две вещи – старую, про Джона Ланкастера, и совсем тогда новую – "...Мы больше не волки...". Все переменялось волшебным образом. Волна братства и вдохновения подхватила нас.

Он отслужил свой срок на земле. Почему же так короток был этот срок?

Расставляя дебри вопросительных знаков, пытаюсь представить его путь к Богу, пытаюсь протянуть руку Марине, пытаюсь пробормотать: "он жив" ...²⁰

Этот концерт был как раз в тот день, когда погиб Саша Галич. Володя тогда много выпил. Никогда не забуду он пел, а я видел, как ему плохо! Он пел, а у него ужасно опухли руки – и на пальцах надорвалась кожа. Кровь брызгала на гитару, а он продолжал играть и петь. И Володя все-таки довел концерт до конца. Причем блестяще!..

Михаил Шемякин²¹

Александр Галич

Мы не хуже Горация

*Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные,
Всё томят вас бури вернисажные,
Всё шатают наводки премьерные.*

*Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если – ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкине!*

*Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и всё, и этого достаточно,
Там стоит картина на подрамнике –
Этого достаточно!*

*Осудив и совесть и бесстрашие
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!*

*Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.*

*Их имён с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
"Эрика" берёт четыре копии,
Вот и всё, и этого достаточно!
Пусть пока всего четыре копии –
Этого достаточно!*

*Время сеет ветры, мечет молнии,
Создаёт советы и комиссии,
Что ни день – фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.*

*Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской Кривдой опытом,
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шёпотом.*

*Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы "Яуза",
Вот и всё, и этого достаточно!*

*Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы "Яуза"!
И этого достаточно!²²*

Собираюсь ли я выпустить книгу стихов, если да, то как она будет называться? Вот что я вам отвечу на этот вопрос: это не только от меня зависит, как вы понимаете. Я-то собираюсь. Сколько я прособираюсь, не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, – тем более мне неизвестно. Как будет называться – как вы понимаете, пока даже разговора об этом нет серьезного. Хотя есть предложения и по поводу книги, подборок и т.д. Вы знаете, чем станвится просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделать строчки, лучше сидеть и писать. Вместо того чтобы становиться неудачником, которому не удастся напечататься. Зачем? Можно писать и петь вам. Это же то же самое. А вы не думаете, что магнитофонные записи – это род литературы теперешней? Ведь если бы были магнитофоны при Александре Сергеевиче Пушкине, то я думаю, что некоторые его стихи были бы только на магнитофонах.

Владимир Высоцкий²³

Пятьдесят восьмую дают статью –
Говорят: "Ничего, вы так молоды..."
Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, –
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живёт себе в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!

... Все обиды мои – годы стёрли,
Но живу я теперь как в наручниках:
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живёт он в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!..

1965

Солдаты группы "Центр"

Солдат всегда здоров,
Солдат на всё готов,
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

И не остановиться,
И не сменить ноги,
Сияют наши лица,
Грохочут сапоги.

По выжженной равнине
За метром метр
Идут по Украине
Солдаты группы "Центр".

На первый-второй рассчитайсь!
– Первый-второй!
Первый – шаг вперёд и в рай!
– Первый-второй!
А каждый второй – тоже герой,
В рай попадёт вслед за тобой!
Первый-второй! Первый-второй!
Первый-второй!

Константин Рудницкий
Он знал, чем рискует*

Высоцкий еще при жизни был поистине легендарен и насущно, как воздух, необходим людским толпам, стекавшимся его слушать. Однако где бы он ни пел, песня исполнялась отнюдь не только для тех, которые теснились в зале. Не на один этот зал.

Высоцкий всякий раз пел на всю страну: знал, что каждое его слово, каждую интонацию ловят на лету и мгновенно тиражируют магнитофонные ленты. В момент исполнения Высоцкий посылал песню в огромный мир. Это вот простейшее обстоятельство радикально изменило и самую песню, и характер пения. Песня обрела силу набата и сокрушительность взрыва. Окуджава волнуется до глубины души, Высоцкий потрясает душу. В трогательной лирике Окуджавы мы узнаем себя, свою участь, свое миропонимание. Песни Высоцкого выполняли иную миссию. Он высказывал – вслух, в голос, в крик – то, что было у всех на душе или на уме, но – чаще всего – то, что все чувствовали, однако осознать еще не смогли, не успели. <...>

Предтеча гласности, он знал, чем рискует, опережая время. "Посмотрите! Вот он без страховки идет", – это ведь о себе. О храбрости, которой требовала каждая его песня.

Коль скоро и содержание песен, и манера Высоцкого были антагонистичны бахвальству, враждебны прекрасноту, коль скоро он каждым словом и каждой нотой опровергал кичливый и чванный псевдопатриотизм, коль скоро даже в шуточных его песнях бурлил гнев и стонала совесть, профессиональная эстрада, ясное дело, встретила его в штывы. Поэты–

песенники, которые всерьез воображали себя "почвенными" и "народными", были раздавлены его лавинной славой. Певцы, особенно те, чьи сахарные уста были медоточивы, были оскорблены в своих, можно сказать, лучших чувствах. Если от Окуджавы они отворачивались с улыбкой превосходства, объясняя его успех неразвитым вкусом слушателей, то Высоцкий был воспринят ими как враг, и враг опасный. Тут-то они не ошибались: он один был сильнее всего их сладкоголосого цеха. Ибо они пытались угождать народу, холуйски лебезили перед ним, а Высоцкий, который ни разу не удостоился концертной афиши, выражал скопившуюся в народной душе ненависть к лживой лести и штампованной фразе. <...>

Одиночество – неизбежный удел того, кто опережает время и решается бросить скомканную перчатку в лицо славословию и словоблудию. Ненависть к фальши жгла и коржила душу Высоцкого, и этой ненавистью он мог поделиться только с нами, только со всеми, только с огромной аудиторией, в благодарности и солидарности которой не сомневался. <...>

Всенародное признание строго избирательно и, в конечном счете, безошибочно. И Окуджава, и Высоцкий достигли такого признания по святому праву абсолютной честности их несхожих талантов. Оба они на протяжении десятилетий сопутствовали духовной жизни нашего общества и помогали нам осознать себя.

Теперь, когда – как и предсказывал Высоцкий – "распогодилось", их голоса уносят в будущее нашу боль, наш смех и наши сокровенные верования.²⁵

Юнна Мориц

На этом берегу

На этом берегу туманном,
Где память пахнет океаном
И смерти нет, и свет в окне, –
Все влюблены и все крылаты,
И все поют стихи Булата
На этом берегу туманном, –
И смерти нет, и свет в окне!

На этом берегу зеленом,
Где дом сметенный вспыхнул кленом –
И смерти нет, и свет в окне, –
Все корни тянутся к свободе,
И все поют стихи Володи
На этом берегу зеленом,
И смерти нет, и свет в окне!

На этом берегу высоком,
Где бьется музыка под током,
И смерти нет, и свет в окне, –
Царит порука круговая,
И все поют, не уставая,
На этом берегу высоком,
– И смерти нет, и свет в окне!

Все влюблены и все крылаты.
Все корни тянутся к свободе.
И все поют стихи Булата.
И все поют стихи Володи.
И смерти нет, и свет в окне –

На этом берегу туманном,
На этом берегу зеленом,
На этом берегу высоком!²⁴

А перед нами всё цветёт,
За нами всё горит,
Не надо думать, с нами тот,
Кто всё за нас решит.

Весёлые и хмурые,
Вернёмся по домам,
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

Всё впереди, а ныне
За метром метр
Идут по Украине
Солдаты группы "Центр".

На первый-второй рассчитайсь!
– Первый-второй!
Первый – шаг вперёд и в рай!
– Первый-второй!
А каждый второй – тоже герой,
В рай попадёт вслед за тобой!
Первый-второй! Первый-второй!
Первый-второй!

1962

Старый дом на Арбате

Стоял тот дом, всем жителям знакомый.
Его еще Наполеон застал.
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял.
Холодно, холодно, холодно, холодно
в доме...

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки стёкла выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась,
Но что-то в этом доме оставалось
На третьем этаже.
Ахало, охало, ухало
в доме...

Бог не отпускал его*

Высоцкий не мог жить ни в России, ни на Западе. Там он задыхался и его постоянно унижали официальными запретами и неофициальными приглашениями: "Меня к себе зовут большие люди, чтоб я им пел "Охоту на волков". А на Западе он знал, что его песни будут непонятны, даже если его хорошо переведут. <...> Машины его разбивались вдребезги, он лежал в реанимации, и все кончалось благополучно. Бог его хранил и не отпускал с Земли. <...>

Высоцкий – один из трех самых известных бардов России, которые ни в одной своей песне, даже на заданную тему, не прославляли советский строй. <...> В современной России, я считаю, есть три народных поэта – Аполлон Григорьев, Сергей Есенин и Владимир Высоцкий. Вот один эпизод. Я только возвратился из лагерей и ехал к друзьям на ссылку. Мы сидели в вагоне-ресторане за одним столиком с двумя пассажирами, спорили, я на чем свет ругал советскую власть. Пожилой пассажир неожиданно на станции вышел, а молодой говорит:

– Вы с ума сошли, это начальник лагеря, я еду с ним в одном купе. Он вас сдаст немедленно!

Я был еще побит. И моя жена очень испугалась. Через некоторое время пожилой пассажир вернулся с водкой, мы продолжили разговор. Оказалось, он едет в Сибирь к сыну в гости через всю Россию и везет в подарок пленки Высоцкого. И еще один эпизод на похоронах Высоцкого. Мы, конечно, не могли приехать, так как для нас границы Советского Союза закрыты. На похоронах было около пятидесяти тысяч человек. И это в оцепленной на время Олимпиады Москве. Знаменитый режиссер Театра на Таганке Любимов принес пачку фотографий Высоцкого. К нему бросилась толпа. И он в отчаянии, не зная, что делать, боясь, что его разорвут на части, отдал эту пачку милиционеру. И тут какая-то пожилая женщина в слезах закричала: "Кому ж ты отдал фотографии Высоцкого! Менту!" Милиционер бросил форменную фуражку оземь, зарыдал: "Да что ж я – не человек, что ли!"²⁶

Сколько уже было легенд о Высоцком, сколько еще будет. <...> Я как-то подумал – зря Высоцкий отнекивается. Он действительно, день за днем, всю свою сознательную жизнь воевал, сидел в лагерях, уезжал из России, возвращался в нее. Только никогда, ни на секунду Россию не покидал.

В одну из легенд о Высоцком я попал в качестве случайного персонажа. Произошло это так. В 68 году я вдруг решил потребовать чего-то довольно бессмысленного и уж во всяком случае никак не возможного: короче говоря, прогулялся по Красной площади, держа в руках кусок материи со словами: "За вашу и нашу свободу". Гулял недолго, ибо решено было, что мне следует несколько прохладиться, и с этой целью за казенный счет отправили меня в Сибирь. На пересылке случайно оказался мой подельник в соседней камере, и я, срывая голос, устроил концерт по его завке. Слова неслись по гулкому коридору, тюрьма зашла дыхание. Читал, конечно, и Высоцкого – все, что позволяла память. За что был вознагражден американскими наручниками и переведен в камеру для особо опасных преступников. Весь этап я проехал в отдельном купе, и это обстоятельство позволяло конвоирам безбоязненно обращаться ко мне: "Спиши

слова Высоцкого". За это меня не только по первому требованию выводили в туалет, подносили воду, но и передавали подарки от особо опасных – водку. <...>

Почти в каждом этапе, приходившем в нашу Тюменскую зону, непременно находился кто-нибудь, кто беспартийно заявлял:

– Да, в Свердловске, помню, дело было. Везли этапом в отдельном купе какого-то чудака-поэта с нерусской фамилией, в американских наручниках, всю дорогу стихи читал. А в другом купе везли Высоцкого. Так менты Высоцкого до того уважали, что даже гитару на этапе не отняли...

Вновь прибывшему объясняли, что чудаки-политики как раз на этой зоне. Вели знакомить и укоризненно качали головами:

– Что ж ты нам, земляк, тюльку гонишь, мол, Высоцкий в Париж катает, когда он с тобой одним этапом шел. Что ты темнишь, мы уж не продадим – скажи, на какой он командировке, мы ему через волю грев организуем...

И сколько я ни убеждал, что не сидит Высоцкий, блатные и неблатные только посмеивались – у вас там своя конспирация...

Никак я себе представить не мог, что окажусь в Париже и встречу там с Володей... Каждую песню Высоцкого я по многу раз переживал, и особенно в эмиграции. Ждал новых... Ибо голос Высоцкого – это голос России. И вот душная ночь на 25 июля...

На душе такая копоть, / Хоть к чертям неси,
Только слез давно не копят / На святой Руси.²⁷

*И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной.
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой
Дворники, дворники, дворники
тихо...*

*Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая, –
Вдруг там наполеонов дух витает,
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?
Боязно, боязно, боязно
дворникам...*

*Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий – тот, что дом ломал, –
Ударил смаху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы услышал,
Как кто-то застонал
Жалобно, жалобно, жалобно
в доме...*

*От страха дети больше не трясутся,
Нет дома, что два века простоял.
И скоро здесь по плану реконструкции
Ввысь этажей десятки вознесутся –
Бетон, стекло, металл, –
Весело, здорово, красочно
будет...*

1966

*Вот и кончился процесс,
Не слышать овацию.
Без оваций всё и без
Права на кассацию.*

– Что бы ты сделал в первую очередь, если бы стал главой государства?
– Отменил цензуру.

Баллада о Владимире Высоцком

"Порвалась дней связующая нить..."

"Гамлет"

Огни, парижские огни,
молись по Святцам!
Но дни, потерянные дни,
они мне снятся.
По европейским городам
мечусь под хмелем,
Но я живу не здесь, а там —
я в это верю.
Метель сибирская метет,
хрипит недели,
Какой там с родиной расчет —
мы дышим еле.
Кругом могилы без крестов —
одна поэмка,
Как скрип, срывающий засов,
как дни в потемках.
Лишь ели стыннут на ветру
да лизут лапы,
И никому не повернуть
назад этапы.
Под ветром этаким крутись,
как сможешь,
Не забудь и оглянись —
душа под кожей.

А сунут финку под ребро —
конец страданиям.
Давно в бега ушел Рембо —
избрал скитанья.
Он чем-то с кем-то торговал
в стране верблюдов
И много дней там промотал,
поверив в чудо.
Он замолчал, он оборвал,
забросил песни,
И я его не повстречал
на Красной Пресне.
И жаль, мне правда очень жаль —
любитель шуток,
Он разогнать бы смог печаль
на пару суток.
Нас время как-то не свело
в аккордах лестниц,
Пойдет душа моя на слом,
как дом в предместье.
Я уложусь в свою строку,
как в доски гроба,
И пусть венков не соберу —
я не был снобом.

Я по парижским кабакам
в огнях угарных,
Но нет Рембо, а значит там —
бездарность.
Я в прошлом путаюсь своим,
все сны — погоня,
И для чего мы здесь живем —
я смутно помню.
Не смею словом покривить —
такая малость,
И дней связующая нить
поистрепалась.
Бредет душа по мутным снам
с неловкой ленью,
Играют Баха в Нотр-Дам
по воскресеньям,
Орган разносит гул токкат
за грань столетий,
Наотмашь бьет шальной закат
по крышам плетью,
А листья гаснут на ветру
в дожде осеннем,
И я ловлю их на ветру —
ищу спасенья...
Пусть дни пропали — в снах своих
я к ним прикован,
И нет Высоцкого в живых —
он зарифмован. 28

Изругали в пух и прах,
И статья удобная —
С поражением в правах
И тому подобное.

Посмотреть продукцию —
Что в ней там за трещина?
Контр- ли революция,
Анти- ли советчина?

Но сказали твердо: "Нет,
Чтоб ни грамма гласности!"
Сам всё знает Комитет
Нашей безопасности.

Кто кричит: — Ну, то-то же!
Поделом, нахлебники!
Так-то, перевёртыши!
Эдак-то — наследники!

— Жили, — скажут, — татями!
Сколько злобы в бестиях! —
Прочитав с цитатами
Две статьи в "Известиях".

А кто кинет втихаря
Клич про конституцию,
И друзьям шепнёт: "Зазря
Мёрли в революцию", —

По парадным, по углам
Чуть повольнодумствуют:
"Снова к старым временам!"
И опять пойдут в уют.

А Гуревич говорит:
"Непонятно, кто хитрей.
Как же он — антисемит,
Если друг его — еврей?"

Может быть, он даже был
Мужества немало, —
Шверубович-то сменил
Имя на Качалова!"

Новелла Матвеева

Никого не впрягая*

Индивидуальность, отдельность в сочинительстве проявляются резче, нежели в чем угодно другом. Я даже думаю, что рыбак на архитектора, трубочист на беловшейку, балерина на молотобойца и то больше похожи, чем один поэт на другого поэта! Если учесть эту важную скидку на непобедимую природу вещей, то песни Владимира Высоцкого, пожалуй, мне ближе всех других. В песнях Высоцкого мне по душе его честный взгляд на вещи и открытая манера. <...> Теперь в некоторых выступлениях весьма неуместно звучат тартюфские сожаления о том, что его песни могут якобы научить чему-то плохому, — грех, какой ему, дескать, уж надо и простить. (Хотя он вроде бы и не просил прощения!) <...> Не бывает людей вовсе без недостатков, но, сколько могу судить, Высоцкий попросту не успевал свои недостатки реализовать, для этого он слишком сильно и слишком много работал. Никого не впрягая, сам — конь, сам — колесница, — это-то, наверно, и надорвало его! А успел он реализовать лишь какую-то, по всей видимости, малую часть своих настоящих достоинств, возможностей, дарований, — так до того ли ему было, чтобы развивать и пускать в ход свои недостатки?! В настоящее время раздавшийся взрыв популярности Высоцкого подозрительно похож на истерическую благодарность ему некоторых лиц за то, что он ушел с их дороги. Ведь именно как автора песен его при жизни

третировали всевозможные безраздельные владельцы трибун и микрофонов-рупоров. Но мне кажется, что сильно "распеться" ему и теперь не дадут.²⁹

Это есть народность, я бы сказала, не архаическая, не такого характера, какой мы привыкли за народностью закреплять. <...> Владимир Высоцкий создал как бы новый лубок, а лубок, как известно, часто был сатирическим: он редко умилял и умилялся — чаще порицал и высмеивал. Высоцкий вдохнул в народное направление песни столько энергии, столько новизны, что мы, пожалуй, можем и не узнать народную песню в столь разительно преображенном виде. Тем более что песня эта — больше городская и притом остросовременная. Да и все-таки это песня народная, потому что она пригодилась народу — для всех слоев — пригодилась народу, который и сам неузнаваемо преобразился — образовался, осовременился.³⁰

Юрий Визбор

Он не вернулся из боя

<...> Откуда взялся этот хриплый рык? Эта луженая глотка, которая была способна петь согласные? Откуда пришло ощущение трагизма в любой, даже самой пустяковой песне? Это пришло от силы. <...> Волна инфантилизма, захлестнувшая в свое время все песенное творчество, никак не коснулась его. Он был рожден от силы, страсти его недвусмысленны, крик нескончаем. Он был отвратителен эстетам, выдававшим за правду милые картинки сочиненной ими жизни. <...> Он их шокировал и формой и содержанием. А больше всего он был ненавистен эстетам за то, что пытался говорить правду, ту самую правду, мимо которой они проезжали в такси или торопливым шагом огибали ее на тротуарах. Это была не всеобщая картина жизни, но этот кусок был правдив. Это была правда его, Владимира Высоцкого, и он искрился в своих песнях, потому что правда эта была не весела.

Владимир Высоцкий страшно спешил. <...> Его редко занимала конструкция, на его ногах скорохода не висели пудовые ядра формы, часто он только намечал тему и стремглав летел к следующей. Много рассказней ходит о его запоях. Однако мало кто знает, что он был рабом поэтических "запоев", — по три-четыре дня, запершись в своей комнате, он писал как одержимый, почти не делая перерывов в сочинительстве. Он был во всем сторонником силы — и не только душевно-поэтической, но и обыкновенной, физической, которая не раз его выручала и в тонком деле поэзии. В век, когда песни пишутся "индустриальным" способом: текст — поэт, музыку — композитор, аранжировку — аранжировщик, пение — певец, — Владимир Высоцкий создал совершенно неповторимый стиль личности, имя которому — он сам, и где равно и неразрывно присутствовали голос, гитара и стихи. Каждый из компонентов имел свои недостатки, но, слившись вместе, как три кварка в атомном ядре, они делали этот стиль совершенно неразрываемым, уникальным, и многочисленные эпигоны Высоцкого постоянно терпели крах на этом пути. Их голоса выглядели просто голосами блатняг, их правда была всегда лишь пасквилом.

Однажды случилось странное: искусство, предназначенное для отечественного уха, неожиданно приобрело валютное поблескивание. Однако здесь, как мне кажется, успех меньше сопутствовал артисту. Профессиональные французские ансамблики никак не смогли конкурировать с безграмотной гитарой мастера, которая то паузой, то одинокой семикопеечной струной, а чаще всего неистовым "боем" сообщала

*Если это, так сказать,
Злобные пародии,
Почему бы не издать
Их у нас на Родине?*

*И на том поставьте крест. —
Ишь, умы колышутся!
В лагерях свободных мест
Поискать — отыщутся!*

*Есть Совет — они сидят,
Чтоб "сидели" с пользойю.
На счету у них лежат
Суммы грандиозные,*

*Пусть они получат враз —
Крупный куш обломится,
И валютный наш запас
Очень пополнится.*

1966

*Схлынули вешние воды,
Высохло всё, накалилось.
Вышли на площадь уроды —
Солнце за тучами скрылось.*

*А урод на уроде,
Уродом погоняет.
Лужи высохли вроде,
А гнилью воняет.*

1966

Мы в очереди первыми стояли

*А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
"Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!"*

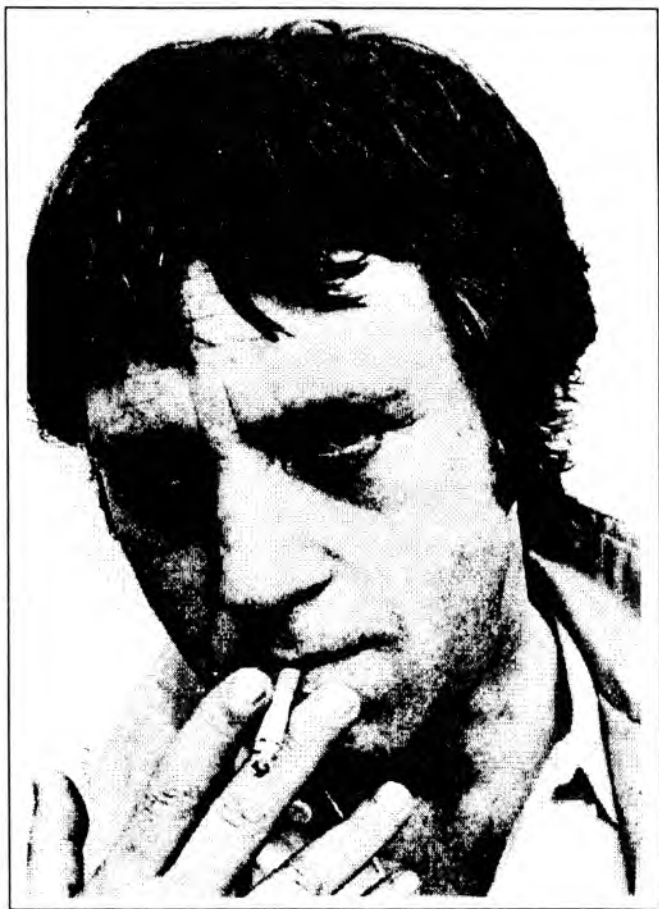
нечто такое, чего никак не могли выговорить лакированные зарубежные барабаны.

Владимир Высоцкий испытывал в своем творчестве немало колебаний, но колебаний своих собственных, рожденных внутри себя. Залетные ветры никак не гнули этот крепкий побег отечественного искусства. Ничьим влияниям со стороны, кроме влияния времени, он не подвергался и не уподоблялся иным бардам, распродавшим чужое горе и ходившим в ворованном терновом венце. У Высоцкого было много своих тем, море тем, он мучился скорее от "трудностей изобилия", а не от модного, как бессонница, бестемья.

Ему адски мешала невиданная популярность, которой он когда-то, на заре концертирования, страстно и ревностно добивался и от которой всю остальную жизнь страдал. Случилось удивительное: многие актеры, поэты, певцы, чуть ли не ежедневно совавшие свои лица в коробку телевизионного приемника – признанного распространителя моды, ни по каким статьям и близко не могли пододвинуться в популярности к артисту, не имевшему никаких званий, к певцу, издавшему скромную гибкую пластинку, к поэту, ни разу (насколько я знаю) не печатавшему свои стихи в журналах, к киноактеру, снявшемуся не в лучших лентах. Популярность его песен (да простят мне это мои выдающиеся коллеги) не знала равенства. <...> Владимир Высоцкий всю жизнь боролся с чиновниками, которым его творчество никак не представлялось творчеством и которые видели в нем все, что хотели видеть, – блатнягу, пьяницу, истерика, искателя дешевой популярности, кумира пивных и подворотен. Пошляки и бездарности издавали сборники и демонстрировали в многотысячных тиражах свою душевную пустоту, и каждый раз их лишь легко

журили литературоведческие страницы, и дело шло дальше. В то же время все, что делал и писал Высоцкий, рассматривалось под сильнейшей лупой. Его неудачи в искусстве были почти заранее запрограммированы регулярной нечистой подтасовкой, но не относительно тонкостью той или иной роли, а по вопросу вообще участия Высоцкого в той или иной картине. В итоге на старт он выходил совершенно обессиленный.

В песнях у него не было ограничений – слава богу, магнитная пленка есть в свободной продаже. Он кричал свою спешную поэзию, и этот магнитофонный крик висел над всей страной – "от Москвы до самых до окраин". За его силу, за его правду ему прощалось все. Его песни были народными, и сам он был народным артистом, и для доказательства этого ему не нужно было предъявлять удостоверения. Он предчувствовал свою смерть и много писал о ней. Она всегда представлялась ему насильственной. Случилось по-другому: его длинное, сорокадвухлетнее самоубийство стало оборотной стороной медали – его яростного желания жить. <...> ³²

Владимир Турианский
Памяти Высоцкого

Письмо

Памяти Владимира Высоцкого

*Пишу тебе, Володя, с Садового кольца,
Где с неба льют раздробленные воды.
Все в мире ожидает законного конца,
И только не кончается погода.
А впрочем, бесконечны наветы и вранье,
И те, кому не выдал Бог таланта,
Лишь в этом утверждают присутствие свое,
Пытаясь обкусать ступни гигантам.*

*Да черта ли в них проку! О чем-нибудь другом...
"Вот мельница – она уж развалилась..."
На Кудринской недавно такой ударил гром,
Что все ГАИ тайком перекрестилось.
Все те же разговоры – почем и что иметь.
Из моды вышли "М" по кличке "Бонни".
Теперь никто не хочет хотя бы умереть,
Лишь для того, чтоб вышел первый сборник.*

*Мы здесь поодиночке смотрелись в небеса,
Мы скоро соберемся воедино,
И наши в общем хоре сольются голоса,
И Млечный Путь задует в наши спины.
А где же наши беды? Остались мелюзгой
И слава, и вельможный гнев кого-то...
Откроет печку Гоголь чугуновой кочергой,
И свет огня блеснет в пенсне Фагота.*

*Пока хватает сил смеяться над бедой,
Беспечней мы, чем в праздник эскимосы.
Как говорил однажды датчанин молодой:
Была, мол, не была, а там посмотрим.
Все так же мир прекрасен,*

*как рыженький пацан,
Все так же, извини, прекрасны розы.
Привет тебе, Володя, с Садового кольца,
Где льют дожди, похожие на слезы. ³¹*

*Так темно и не видно дорог, Кто там?
Только колется злая стерня, Может быть, чьи-то шаги?
И уходит земля из-под ног... Хоть бы спичку,
Кто здесь есть, хоть искру огня!
кто же рядом? Ни души, и не видно ни зги.
Огня! Даже, кажется, нет и меня.*

*Сколько можно идти наугад? Боже мой,
Ничего невозможно понять, хоть бы чье-то окно!
И закрыта дорога назад. Как дожить до грядущего дня?
Кто здесь есть? Невозможно идти, так темно...
Кто же рядом? Есть здесь кто-нибудь?
Огня! Дайте огня! ³³*

Им объяснили, чтобы не ругаться:
"Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?"

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
"Мы в очереди первыми стояли, –
А те, кто сзади нас, уже едят!"

Им снова объяснил администратор:
"Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?"

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
"Мы в очереди первыми стояли, –
А те, кто сзади нас, уже едят..."

1966

Песня космических негодяев

Вы мне не поверите и просто не поймёте:
В космосе страшней,
чем даже в дантовском аду, –
По пространству-времени
мы прём на звездолёте,
Как с горы на собственном заду.

От Земли до Беты – восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон –
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом – космическая тьма.

На Земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи
с иноземным существом, –
Мы на Земле забыли
десять заповедей рваных –
Нам все встречи с ближним нипочём!

Вероника Долина

Годовщина, годовщина!
Встречи горькая причина.
Наступила тишина –
Помяни его, страна.

Годовщина, годовщина.
Не свеча и не лучина,
Не лампадный фитилек –
В пепелище уголек.

Годовщина, годовщина.
Эта новая морщина
На моем живет лице,
Будто память о певце.

Годовщина, годовщина,
А тоска неистощима.
И несется над Москвой
Хриплый голос твой живой.

Годовщина, годовщина.
Мать-страна качает сына:
"Баю-баю, спи, сынок!
Я с тобою сбилась с ног".

Годовщина, годовщина!
Города умолкли чинно.
Но рыдает, как вдова,
На груди его Москва. ³⁴

Юлий Ким
От всех нас*

А какая маета, какая неутоленность колобродила в человеке, водила, гоняла, давила! Вдруг сошлись в нем одном и горьковские босяки, и гоголевские бурлаки с бурсаками, и наши нынешние – кто? Почему-то лезут в голову моряки Конецкого и Жеглов. Сошлись и загудели, загуляли, забедокурили. А потом и заплакали... <...>

Вот оно, что спето им от всех нас, российских людей – любого чина и звания. И как же было душе не отозваться на эту песнь, на этот взвой, раздавшийся так мощно и истово: "Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!" Мне эта нота слышна во всякой его песне: и в самой "победительной" (особенно в тех местах, где о цене, о риске), и в самой скороморшбей. Нота трагическая, так как ощущение напрасности, неприложимости своих сил при их избытке – трагично. Поэтому всякая его песня никогда не пуста. Самые легкие, дурашливые, побасенные или фокстротные его вещи – это богатырская забава, упражнение для мускулов, назначенных совершать подвиги. Оттого в этих вещах и слышна порой чрезмерность, похожая на неуклюжесть. ³⁵

Удалой, безоглядный, прокуренный,
потрясающий голос его...
Как гулял, щеголял, бедокурил он!
Но печалился больше всего.

Так печалился, вскрикивал, маялся,
Проклинал и прощенья просил...
Но ни разу он так не отчаялся,
чтоб надеяться не было сил.

Обложили, флажков повешали.
Вьют веревочку в плетть и в петлю.
"Ах, кривые, нелегкие, лешие,
Все равно я куплет допою!

Мои кони и пляшут, и хмурятся –
все не так, все не то!"
И поет – аж бывало зажмурится,
чтобы доверху, донельзя, до...
Чтобы – "до"! ³⁶

Он выразил время, как никто*

Андрей Макаревич

На смерть Высоцкого

*Я разбил об асфальт
расписные стеклянные детские замки,
стала тверже рука,
и изысканней слог, и уверенней шаг.
Только что-то не так, если страшно молчит,
растерявшись, толпа на Таганке,
Если столько цветов, бесполезных цветов
в бесполезных руках...*

*И тогда я решил убежать, обмануть,
обвести обнаглевшее время:
Я явился тайком в те места, куда вход
для меня запрещен.
Я стучался в свой дом, где я лишь до звонка
доставал еле-еле.
И дурманил меня сладкий запах забытых,
ушедших времен...*

*И казалось, вот-вот заскрипят и откроются
мертвые двери,
Я войду во вчера, я вернусь,
словно с дальнего фронта домой,
Я им все расскажу, расскажу все, что будет,
и может быть, кто-то поверит,
И удастся тогда хоть немного свернуть,
хоть немного пройти стороной.*

*И никто не открыл. Ни души в заколоченном,
брошенном доме.
Я не мог отойти и стоял, как в больном
затянувшемся сне.
Это злая судьба, если кто-то опять не допел
и кого-то хоронят.
Это время ушло, и ушло навсегда,
и случайно проснулось во мне.³⁷*

У Высоцкого было "три аккорда", но это именно те три аккорда, которые идеально соответствуют его стихам. И это настоящая музыка: мелодий на три аккорда у него колоссальное множество.

Андрей Макаревич 38

То, что для других является почти недостижимым уровнем и пределом отдачи, для Высоцкого – исходная точка, стартовая площадка. Может быть, тут уместны слова – духовный темперамент? Высшая мера душевной, гражданской, человеческой напряженности. Мужество и – нежность... В области песни он – на вершине, там, где Жак Брель и Пиаф.

Елена Камбурова 39

Высоцкий жил с таким напором и шел навстречу своей судьбе с такой открытой незащищенностью, что не надо гадать, какое у него было сердце. За это мы его и любим, и не можем забыть. Он осуществил мечту каждого человека – выразиться полностью, всем существом сразу: и умом, и сердцем, и телом, и голосом, и мыслью, и страстью. Ничтожной доли расчета нет ни в одной из его песен, а их сотни. Как не могут соврать пес, тигр, птица, так не мог слукавить он. Великий зверь искусства, существо с интуицией зверя, энергией и бесстрашием зверя, ловкостью и хитростью зверя. И при этом он принят как свой у интеллектуалов, у детей и мудрецов.

Александр Митта 40

Владимир Высоцкий – уникальная личность. У меня такое впечатление, что он – один из немногих художников нашего времени, жанр которого я совершенно определить не могу и который сумел выразить свое время, как никто.

Он, конечно, никакой не актер, потому что на этом поприще он не достиг высот, какие ему удалось в другом жанре. Он, конечно, метафора в абсолютном смысле этого слова. Он сам сочинял слова для своих песен и сам их исполнял, подыгрывая себе на гитаре, – причем, как вы знаете, не так виртуозно, а делал это, с моей точки зрения, гениально. В этом смысле я не знаю равного ему: когда мы говорим "Высоцкий" – становится ясно, о ком идет речь. Так же, как когда говоришь – "Окуджава" – тоже все ясно. Можно говорить о поэзии Окуджавы, можно говорить о его мелодике, о каком-то жанре, даже об истории жанра можно говорить, но ни о чем побочном нельзя говорить применительно к Высоцкому. И все-таки я не знаю другого художника, который так сказал бы о своем времени. И это не потому, что он нашел героя, эдакого полублатного и придурковатого, такого заблудшего алкоголика – совершенно не в этом дело. Дело в комплексе: есть песни, которые потрясают, – не исполнением, не словами, не точностью мысли, а тем, и другим, и третьим вместе, этим единством.<...>

Равного ему нет и не будет в ближайшие десятилетия – ничего такого больше не будет, и если меня спросят, что такое Высоцкий, я отвечу: на правах его истинного друга я могу сказать, что Высоцкий – не в своих актерских работах, а в своих совершенно гениальных песнях. Я не боюсь этого слова и несколько не преувеличиваю: это великий человек в полном смысле этого слова. <...>

Мы потеряли поразительного художника: он сумел выразить глубокие мысли и идеалы, свойственные русской культуре, русскому характеру, каким-то нынешним претензиям молодежи. И даже обрисовал какое-то будущее... Поэтому я могу сказать, что я преклоняюсь перед талантом Высоцкого и скорблю о том, что мы никогда больше не услышим его песен.⁴¹

Он народен в самом прямом и высоком понимании: в умении увидеть парадоксальную ситуацию, создать яркий, садняще-иронический и убийственно-точный образ. <...> Герои Высоцкого социальны и народны, как Швейк Гашека, как Паниковский и Балаганов, как Бендер и Киса Воробьянинов. Национальным в его творчестве было умение смеяться над самыми уродливыми и страшными явлениями бытия, смеяться, а не ужасаться им. <...> С легкой руки обывателя интеллигентом принято считать нечто рефлексирующее, сомневающееся и безвольное. Но понятие "интеллигент" происходит от латинского глагола "мыслю", и это определяет его социальную и жизненную позицию. <...> Песни Высоцкого написаны страдающим и потому чувствительно отзывающимся на любой импульс сердцем русского интеллигента. <...> Высоцкий – одно из ярчайших явлений нашей национальной культуры. Без него невозможно представить не только литературу, музыку, но и образный строй мышления русского человека конца XX века. Это служит ему лучшим памятником. Он неотъемлем от русского народа, который смеялся, плакал и пел его устами.

Борис Алмазов 42

Владимир Высоцкий

Нет смысла притворяться*

Если атмосфера доверия устанавливается в зале – больше мне ничего не надо. И возможно, из-за этой атмосферы к этим песням тянутся люди, собираются в больших количествах, чтобы их слушать, – из-за этой доверительной интонации, из-за этой раскованности, свободы, непринужденности. В общем-то, я уже около пятнадцати лет стараюсь не слезать с пика. Уже много раз обо мне говорили: "Ушел. Все. Кончился." И так далее, и так далее. Однако, если я пробую выступить на стадионах – пять раз в день, по пять тысяч человек, – они полны и невозможно попасть. То есть все это неправда – люди тянутся и хотят слушать эти песни.

Я вообще должен вам сказать, что, когда выхожу на эту площадку, стараюсь не кривить душой и говорить все, что думаю. Мне нет смысла отвечать неискренне. Я пришел сюда не для того, чтобы кому-то нравиться. <...> Мне нет смысла сейчас ни лгать, ни притворяться. Хотите верьте, хотите нет, но я во всех своих встречах стараюсь разговаривать искренне – иначе нету смысла выходить... Поэтому все, что я буду вам сегодня говорить и петь, – это есть истина для меня на сегодняшний день. Я так думаю, это мое собственное, сугубо мое мнение. С ним можно соглашаться или нет – это дело каждого сидящего в зале, но я говорю только то, что я теперь на самом деле думаю. ⁴³

Почему я всегда прошу зажечь свет? Потому, что я занимаюсь авторской песней, а не эстрадной. <...> Авторская песня – тут уж без обмана. Тут будет стоять перед вами человек весь вечер, один, с гитарой, и рассказывать вам. <...> И расчет в авторской песне только на одно – на то, что вас беспокоят так же, как и меня, какие-то проблемы, судьбы человеческие, что нас с вами беспокоят одни и те же мысли и точно так же вам рвут душу или скребют по нервам какие-то несправедливости, горе людское. И так же, вероятно, вам будет интересно посмеяться, как и мне, над теми историями смешными, которые я вам сегодня покажу.

Короче говоря, все рассчитано на доверие. Потому что когда я начинал писать свои песни – это было уже давно, "я никогда не рассчитывал на то, что у меня будет такая колоссальная аудитория в будущем, что будут залы, дворцы, даже стадионы, и не только здесь, но и в других странах. Я рассчитывал только на очень маленькую группу, маленькую компанию своих близких друзей. ⁴⁴

Мне казалось, что я пишу стихи для очень маленького круга – человек пять-шесть – своих близких друзей, и так оно и будет всю жизнь. <...> Может быть, эти песни и стали известны из-за того, что в них есть вот этот дружеский настрой. Я помню, какая у нас была тогда атмосфера: доверие, раскованность, полная свобода, непринужденность и, самое главное, дружественная атмосфера. Я видел, что моим товарищам нужно, чтобы я им пел, и они хотят услышать, про что я им расскажу в песне. То есть была манера что-то сообщать, как-то разговаривать с

близкими друзьями. И несмотря на то, что прошло так много времени, я все равно через все эти времена, через все эти залы стараюсь протащить тот настрой, который был у меня тогда.

Никогда не работал я с внутренним редактором, который сидит в каждом из нас и говорит: "А это я лучше не буду". По молодости лет я писал тогда дворовые песни. Была какая-то тоска по нормальной человеческой интонации – у меня так навязла в ушах эта липкая интонация песен, которые исполняли со сцены под оркестр. Такое, может, было в это время междувластие, и никто ничего не понимал: что будет? куда песня пойдет? ⁴⁵

...Когда вы возьмете к себе домой записанное на магнитофон и снова начнете слушать, вдруг увидите, что одновременно со смехом вас иногда прихватывает за горло, потому что все это сделано на довольно печальном материале, хотя и в шуточной форме, – я уж не говорю о серьезных вещах, маршевых с самого начала. У авторской песни есть, конечно, масса недостатков: бедность сопровождения, упрощенный ритм. Но в зависимости от аудитории, от настроения, которое каждый раз у нас с вами образуется, все эти песни будут звучать по-другому, чем в прошлый раз. Вы увидите, что они почти не похожи на прежнее исполнение: я никогда не могу повториться из-за того, что каждый раз – разные люди, видишь другие глаза, витает иной настрой, и потому всегда поешь по-другому. Иногда мне кажется, что я на выступлении "попал в десятку", выше не прыгнешь – так точно я в этот раз спел. И я всегда думаю: в следующий раз повторю – будет точно так же. И никогда не получается! Потому что – другие люди, иная устанавливается здесь, в помещении, атмосфера, и повторить ты не можешь. Ты чувствуешь – поешь совсем по-другому. Ты эту обстановку воспринимаешь какими-то локаторами и поешь – хуже или лучше, неизвестно, – но обязательно по-другому. <...>

Для авторской песни не нужна обстановка – для нее нужна атмосфера. У меня есть гитара, ваши глаза – и больше ничего не нужно. Есть еще мое желание рассказать вам о том, что меня волнует, и ваше, надеюсь, – меня услышать. Но это очень много, и если вот это создается – то, что не ухватишь ни ухом, ни глазом, а каким-то, я не знаю, шестым чувством, – как хотите называйте: контакт, атмосфера, что угодно! – это для меня самое ценное. <...>

Конечно, и на эстраде бывают хорошие тексты. Вот Бернес, например, он никогда не позволял себе петь плохую поэзию. Ведь сколько лет он уже не живет, а услышите его голос по радио – и вам захочется прилечь, услышать, про что он поет. Он был удивительным человеком, и то, что он делал на сцене, приближается к идеалу, о котором я мечтаю как об идеале исполнительском. Такому человеку я мог бы отдать все, что он захотел бы спеть из моего. Кстати, он пел мою песню "Братские могилы" в фильме "Я родом из детства", я начал с ним работать, но, к сожалению, поздно. <...>

Я очень не люблю, когда мои песни поют эстрадные певцы. Они, наверное, споют лучше меня, но – не так. Не так, как я написал. <...> Хороший эстрадный певец поет достойно, но не живо. И песня потихоньку жухнет. Так мне кажется, хотя у эстрадной песни есть масса своих достоинств.

– Какова отличительная черта вашего характера?
– Желание как можно больше работать. И как можно чаще ощущать вдохновение. И чтобы что-то получалось...

Но когда меня просят свои люди – драматические актеры, я с удовольствием пытаюсь писать для них песни в зависимости от того, что они за люди. Пишу с учетом их индивидуальности, чтобы они могли их петь как свои, как будто они их сами сочинили. ⁴⁶

Я хочу, чтобы люди, приходя в театр, о чем-то задумались, понервничали. Конечно, есть и другой вид творчества – дивертисмент, что ли. Можно и развлекать публику. Порой хочется и отдохнуть. Я в концертах тоже стараюсь давать какие-то шуточки, передышки. Но все равно обязательно вкладываю в них серьезное содержание. Если его нет в тексте, оно рядом, за текстом. Я предпочитаю традицию русскую, гоголевскую – смех сквозь слезы. Хохочешь, а на душе кошки скребут. <...> Мне театр брехтовский, уличный, площадной – близок. Я ведь тоже начал писать как уличный певец – песни дворов, ушедший городской романс. Все эти песни шли оттого, что я, как многие, начинающие жизнь, выступал против официоза, против серости, однообразия на официальной эстраде. Я хотел делать что-то свое, более доверительное, нервное, искреннее.

Многие считают, что некоторые из сочиненных мною песен – старинные, народные. Может быть, у меня есть определенная стилизация – песни трагические, гротесковые, маршевые, самые разные по жанрам и темам. Я актер и играю разные роли. Это скажется на песнях. Но и влияние песен на мои роли тоже огромно. ⁴⁷

Если на две чаши весов бросить мою работу: на одну – театр, кино, телевидение, мои выступления, а на другую – только работу над песнями, то, я вас уверяю, песня перевесит! Несмотря на кажущуюся простоту этих вещей – можете мне поверить на слово, я занимаюсь этим давно, – песни требуют колоссальной отделки и шлифовки, чтобы добиться в них вот такого, будто бы разговорного тона. Я вам должен сказать, что песня для меня – никакое не хобби, нет! У меня хобби – театр. <...>

Я не раз слышал, как "под меня" поют. Некоторые думают, что надо, мол, подышать в форточку холодным воздухом, выпить холодного пива, голос сорвать: "А-а-а!" – и будет "под Высоцкого". Во-первых, это неправда, потому что у меня всегда был такой голос, я с ним ничего не делал и особенно пива холодного старался не пить, и выдерживаю по пять выступлений перед такой же аудиторией по два часа – и ничего! Я, правда, подорвал его куревом, питьем, криком, но даже когда я был вот таким пацаном и читал свои стихи взрослым людям, они часто говорили: "Надо же, какой маленький, а как пьет!". Голос всегда был такой низкий – это просто строение горла такое, я уж не знаю, – от папы с мамой. Сейчас он чуть-чуть видоизменился в связи с годами и многочисленными выступлениями... на сцене и в театре. Раньше говорили "пропитой", а теперь из уважения говорят "с трещиной". Так что шуточки и упреки по этому поводу я слышал давно.

Мне говорят, что с моим голосом я обязательно должен был бы петь рок-н-ролл. Но это вы слышали тысячу раз, таких ансамблей миллионы, поэтому рок-н-ролл я петь не буду, а буду заниматься своим делом, которое люблю. ⁴⁸

Иногда мне присылают письма и спрашивают на выступлениях: "Что у вас идет после такого-то слова?" Я тоже прихожу в недоумение, потому что и сам забыл. Я начинаю, значит, где-то искать, достаю с нижней полки, смотрю, восстанавливаю – и вдруг вижу, что эту песню еще можно петь: хоть она и старая, прежняя, а тема не ушла. Отряхнешь пыль, переменишь какие-то слова, переменишь немножечко

музыку, чего-то допишешь, потому что хозяин – барин, и снова поешь. Так что песне, в отличие от человека, можно продлить жизнь. У песен счастливее судьба, чем у людей, потому что хороший, достойный человек очень много волнуется, нервничает, беспокоится за своих близких и помирает раньше, чем плохой. Так уж случилось: всегда "смерть самых лучших намечает и дергает по одному..." А вот плохой человек дольше живет, потому что он мало тратится. ⁴⁹

В детской пластинке "Алиса в стране чудес" есть история попугая, который рассказывает, как дошел до жизни такой, как он плавал, пиратом был и так далее... Я за попугая пою сам. Это в принципе снимает многие вопросы: был ли я тем, от имени кого пою? Попугаем я не был – ни в прямом, ни в переносном смысле. Если говорить серьезно, я на самом деле никогда никому не подражал и считаю это занятие праздным... И вообще призываю всех людей, которые тоже пробуют свои силы в сочинительстве: пытайтесь, как сами видите, как сами понимаете. Интересно и в жизни иметь дело с человеком, который сам личность, со своим мнением и суждением. А не попугай. ⁵⁰

Я задумал написать большую такую песенную поэму, а может быть... Я даже не знаю, как это будет называться по жанру. Во всяком случае, там будет очень много песен, которые поют лошади. Лошади великих людей, лошади различных профессий – и водовозы, и лошади, которых впрягают в катафалки, и лошади верховые, скаковые, и лошади, повторяю, знаменитых людей. Потому что мы знаменитых-то людей помним, а на ком они ездили – в прямом, конечно, смысле, – не помним. В переносном смысле, они ездили на народе, это мы знаем, а вот в прямом смысле – на каких лошадях? ⁵¹

Владимир Высоцкий

Песня рождается странно*

Мне, в общем-то, страшно повезло, что я не бросил писать стихи. Не бросил потому, что поступил работать в театр на Таганке. <...> И видимо, больше всего на меня подействовало, что люди, работавшие рядом со мной, не оказались безразличными к этому делу. <...> А может быть, я ошибаюсь, может быть, я все равно продолжал бы писать, и не оказавшись на Таганке. Потому что раньше — это я только сейчас обратил внимание, — если я начинал работать и приходила какая-то строка, я всегда садился и записывал ее. А теперь она меня мучает, и все равно заставит прийти к письменному столу. Так что, возможно, я и сам все равно продолжал бы писать, но не так, как при поддержке театра.

Человека всегда нужно вовремя, в какой-то определенный момент подхватить, поддержать. Я знаю, что очень много талантов погибло из-за того, что не представилось подходящего случая. Правда, иногда надо "подставиться" под случай, как мишень под пулю, но сам случай должен быть. Кто-то должен проявиться, кто-то должен обязательно поддержать, чтобы ты почувствовал: то, что делаешь ты, — нужно. <...>

Я сначала просто подбираю ритм для стихов, ритм на гитаре. И когда есть точный ритм, как-то появляются слова. Очень трудно сказать, как они получаются. Иногда получается, что серьезная строчка, которая у тебя появилась, ложится на фривольную, шуточную мелодию, и ты вдруг пишешь, как выясняется, шуточную песню. И хоть она и не совсем шуточная, но получается в шуточной форме. Одним словом, музыка помогает тексту, текст — музыке. Песня рождается странно, пишется трудно, и чем дальше, тем труднее, потому что трудно постоянно держаться, так сказать, на этом уровне. Это очень сложно, времена меняются: если раньше песни писались довольно быстро, они вдруг начинали "выливаться" из тебя из-за того, что никогда раньше ты об этом не писал, то чем больше пишешь, тем сложнее.

У каждого человека бывает болдинская осень — приливы и отливы, как в любви, так и в поэзии. Иногда вдруг пишется, а иногда по несколько месяцев — просто невозможно — ни одной строчки, ни одной мелодии интересной не приходит.

Иногда ходишь и просто болеешь песней, неделю, две, а потом сел и записал ее минут за десять. Зарифмовал — и все. А некоторые песни очень подолгу пишутся, вынашиваются внутри, а иногда появляется какая-то удачная строчка и ты понимаешь, что она годится к тому, про что ты думал. <...> Когда пишу, всегда это дело живое, — я даже не знаю, какая будет песня: будет она смешная или просто ироничная, печальная или трагичная и грустная. И даже мелодия часто еще не установлена до конца. Поэтому, когда я сделаю песню, я начинаю проверять ее на аудитории: выхожу на сцену и только ритм оставляю, и только через пятнадцать-двадцать раз получается, выкристаллизовывается, так сказать, окончательная мелодия.

Когда я рассказал об этом композиторам, они были безумно удивлены: "Как же так? Как это может быть?! У тебя есть очень странные ходы, которые профессиональный музыкант никогда не сделает". Я говорю: "Вот, возможно, от этого". <...>

Я часто слышу от них упреки, что в моих песнях есть нарочная примитивизация. В одном они правы: это нарочная, но только не примитивизация, а упрощение. Написать сложную мелодию не так сложно, особенно для профессионала, но у меня есть свои ритмы, которыми никто не пользуется. Они очень простые, но, если я даю музыканту-профессионалу гитару и говорю: "Сделай этот ритм", он его повторить не может. Дело в том, что эти ритмы, как вам сказать, не расплывчаты, я, наоборот, могу их спрессовать — в зависимости от той аудитории, в которой работаю.

Вот я сажусь за письменный стол с магнитофоном и гитарой и ищу строчку. Сидишь ночью, работаешь, подманиваешь вдохновение. Кто-то спускается... шепчет тебе чего-то такое на ухо или прямо в мозги — записал строчку, вымучиваешь дальше. Творчество — это такая таинственная вещь, что вертится где-то там, в подсознании, может быть, это и вызывает разные ассоциации. И если получается удачно, тогда песня попадает к вам сразу в душу и западает в нее.

Потом песня все время живет с тобой, не дает тебе покоя, вымучивает тебя, выжимает, как белье, — иногда она мучает тебя месяца по два. <...> А ночью я пишу не только оттого, что у меня нет времени днем — это естественно, потому что днем мы снимаемся и репетируем, — а еще и потому, чтобы просто никто не мешал. Происходит какое-то таинство, что-то такое оттуда спускается, получаются какие-то строчки. Иногда она выльется сразу, моментально ляжет на лист, а иногда все время тебя гложет, не дает возможности спокойно отдыхать, откинувшись, так сказать. Пока ты ее не напишешь, она все время тебя гложет.

Песни мои — сюрреальные: в них иногда происходят такие вещи, которых мы в нормальной жизни, может быть, никогда и не видим. Десять процентов я беру из чьих-нибудь рассказов и собственных впечатлений, а на девяносто процентов все придумано. Иначе нет тайны, се даже песней не назовешь, какая же это поэзия?! <...>

Героев я не ищу — в каждом из нас похоронено по крайней мере тысяча персонажей. Вот вы

выбрали эту профессию, а могли бы выбрать другую и иметь другой характер. А потом, наверное, есть глаз, есть ухо, слышишь и видишь все вокруг, если можешь. Я не знаю, это трудно объяснить, где я беру героев для песен, – вот они, здесь, вы все здесь передо мной сидите.⁵²

Как отношусь к самодеятельной песне? И как отношусь к движению самодеятельной песни? Я движения этого не знаю, оно как-то мимо меня, мимо моих окон это движение. Я его не знаю, на самом деле – к сожалению, возможно. Серьезно вам говорю, я не пытаюсь никак обидеть членов КСП. Вероятно, это интересно. Я ценю в человеке больше всего творца, и человека, который занимается творчеством, а именно – сам что-то делает, уважаю. Был разговор однажды все про "самодеятельный, самодеятельный, самодеятельный...", и артист Ливанов спросил бывшего министра: "А вы бы пошли к самодеятельному гинекологу?" На что не получил ответа. Какое-то нехорошее слово – "самодеятельная...". Нет, авторская песня – это хорошо, а самодеятельная... Но чтобы называть песню авторской, нужно ого-го сколько съест вместе соли.⁵³

Я пишу о войне не ретроспекции, а ассоциации. Если вы в них вслушаетесь, то увидите, что их можно сегодня петь, что люди – из тех времен, а в общем идея, проблема – наша, нынешняя. А я обращаюсь в те времена просто потому, что интересно брать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, в момент риска, которые в следующую секунду могут заглянуть в лицо смерти, людей, у которых что-то сломалось, надорвалось, короче говоря, людей на самом краю пропасти, на краю обрыва. Шаг влево... Или шаг вправо... Как по какому-то узкому канату. <...> И я таких людей в таких ситуациях нахожу чаще в тех временах. Вот потому я много пишу о войне. Пусть это вас не обманет. Я считаю, что это нужно петь теперь, сегодня, да и продолжать в будущем. <...>

"Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве?" Большая роль. Но это – только база. Все-таки человек должен быть наделен фантазией для того, чтобы творить. Он – творец. Если он, основываясь только на фактах, чего-то там рифмует или пишет, – в общем, реализм такого рода был и существует, но это не самое интересное. Я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя. и поэтому – жизненный опыт я прекрасно понимаю... Но вы представьте себе: какой был такой уж гигантский жизненный опыт у двадцатипятилетнего Лермонтова? Однако он – творец, настоящий, великий. Правда? Прежде всего, мне кажется, должно быть свое видение мира. В общем, все опять сводится к одному: личность, индивидуальность. Вот что главное. Можно создавать произведения искусства, обладая повышенной чувствительностью и восприимчивостью, но не имея жизненного опыта, – можно. Но лучше иметь его. Немножко. Под жизненным опытом, наверное, вы понимаете больше всего то, что жизнь била нас молотком по голове, если говорить серьезно, – страдания. Верно? Конечно, искусства настоящего без страданий нет. Но не обязательно, что-

бы человека притесняли, стреляли в него, мучали, забирали родственников и т.д. Нет, если он – даже в душе, даже без наших проявлений – испытывал вот это чувство страдания за людей, за близких, за ситуацию и т.д., то это уже очень много значит. Это есть база, это создает жизненный опыт, а страдать могут даже очень молодые люди и очень сильно.

Ну зачем вы спрашиваете про мои "мысли об искусстве" или "каковы цели искусства?"... Гуманизм – цель искусства. Конечно. Ну и что? Вы же не хотите, чтобы я старался показаться вам умнее, чем есть на самом деле – зачем? Все, что я думаю об искусстве, о жизни, о людях, – все это заключено в моих песнях. Вот слушайте их и сами смотрите, что я хочу от этой жизни.⁵⁴

*От Земли до Беты восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон –
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – игрушки нам!
Наизусть читаем Пушкина,
А кругом – космическая тьма.*

*Нам прививки сделаны
от слёз и грёз дешёвых,
От дурных болезней и от бешеных зверей, –
Нам плавать из космоса
на взрывы всех сверхновых –
На Земле бывало веселей!*

*От Земли до Беты – восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон –
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом – космическая тьма.*

*Прежнего, земного не увидим небосклона,
Если верить рассказам учёных чудаков, –
Ведь, когда вернёмся мы,
по всем по их законам
На Земле пройдёт семьсот веков!*

*То-то есть смеяться отчего:
На Земле бояться нечего –
На Земле нет больше тюрем и дворцов.
На Бога уповали бедного,
Но теперь узнали: нет его –
Ныне, присно и вовек веков!*

1966

Здесь вам не равнина

*Здесь вам не равнина, здесь климат иной –
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад,
И можно свернуть, обрыв обогнуть, –
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.*

*Кто здесь не бывал, кто не рисковал –
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звёзды хватал с небес:*

– Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?

– Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я бы хотел задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ.

Наталья Рубинштейн
За последние рубежи*

Со смертью Высоцкого уходят шестидесятые годы. <...> Эпоха бардов, целое двадцатилетие, открытое, объявленное и пропетое на три голоса Окуджавой, Галичем и Высоцким, закрывается на наших глазах. <...>

Ни у Окуджавы, ни у Галича не было такого заместившего автора единого персонажа. <...> Для Галича, для Окуджавы пение есть способ произнесения текста. Для Высоцкого – текст и мелодия есть средства, при помощи которых Голос оформляет себя в Образ. <...> Песня его – письмо и сигнал бедствия. Человек, имеющий смерть ближайшим соседом и советскую власть ближайшим сожителем, обречен одиночеству и как бы уже отпал от остального человечества, счастливо не ведающего своего часа. Высоцкий надрывом связок пытался преодолеть разрыв связей.

Песня Высоцкого, от начала до конца, все двадцать лет, пелась на "нейтральной полосе", на узкой полосе между жизнью и смертью, простреливаемой со всех сторон. <...>

Этот персонаж – безусловно, сторонник риска для риска, как бывают любители искусства для искусства. Нам далеко не всегда ясно (и не всегда важно), от какой погони он убегает, в какую сторону мчится и что за дела у него за спиной. Мы принимаем его за своего интуитивно. Нам дорог не образ мыслей – строй чувствований, не характер – а темперамент, та энергия страсти и обиды, которая воодушевляет его разгул, порыв, азарт, бешенство. В самых общих чертах ясно, что бешенство вызвано оковами жизни, а порыв направлен к свободе.

Возможно, Высоцкий – последний романтик, последний данник свободы как страсти. Недаром же его песня так легко вербует ратников и занимает атрибуты из романтических запасников всех времен. <...> Его песня – роль и спектакль одновременно – содержит декорацию и реквизит в самой себе и, обставляя себя необходимыми для действия вещами, не затрудняясь поисками, рифмует: закаты – захваты – походы – восходы – обвалы – и – перевалы. И, как у истинного романтика, у Высоцкого собственная страсть перекрывает стертость штампа, холод доступного шаблона, а его личная горячая речь выплывает, поборов своим напором различные интонации предшественников, в собственный неповторимый голос.

Да уж, голос – ни с кем не спутаешь: хрипит и бьется, раскатывает "р", вытягивает сонорные до небывалой длины, задыхается и спотыкается на гласных. Голос Высоцкого есть физическая демонстрация власти поэтической интонации в стиховом тексте: сильнее слов, выше смыслов. Слушая Высоцкого, можно понять, наконец, чем именно берет нас в плен поэзия – любая.

Итак, страсть к свободе – "одна, но пламенная страсть", ибо другие вечные поэтические и песенные соблазны не коснулись Высоцкого. <...> Песня Высоцкого есть выражение стремительного и гибельного движения за последние рубежи. Вполне материальные посредники выносят душу за грань материального бытия: рев мотора, бег коня, стакан вина. <...> Скорость же – средство к свободе и способ ее осуществления, но она и наслаждение сама по себе. В скоростях, на которых он жил, то есть пил, то есть пел, пробегая, проскакивая километровые длинноты своего репертуара, – в них разгадка нашей любви, в них-то все и дело. Не увлечься скоростью, не соблазниться "гибельным восторгом", не отдать эту сму во власть, пока звучит этот голос, – невозможно. <...>

"На этот раз мне не вернуться. Я ухожу – придет другой", – утешает Голос. Но мы-то знаем: другого не будет, другой – он и есть другой, то есть не наш, не этот. А этот, проживший одну недлинную жизнь и перемеривший тысячу смертей, уходит на этот раз. <...>

Голос того, "кто раньше с нами был", разрывает мертвую неподвижность зноя и занозой вины впиивается в мозг, точно вовремя не было сказано о любви и не отвечено на призыв о помощи. ⁵⁵

*Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.*

*Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, –
Как Вечным огнём, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом –
Которую ты так и не покорил.*

*И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, –
Пройдут тобой не пройденный маршрут.*

*Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай –
В горах не надёжны ни камень,
ни лёд, ни скала, –
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк –
И молимся, чтобы страховка не подвела.*

*Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди,
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершины ещё впереди.*

1966

Прощание с горами

*В суету гор долов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! –
И спускаемся вниз с покорённых вершин,
Оставляя в горах своё сердце.*

*Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых ещё не бывал.*

*Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покорённых вершин, –
Что же делать – и боги спускались на землю.*

*Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых ещё не бывал.*

*Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! –
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, –
Потому что всегда мы должны возвращаться.*

*Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!*

1966

Баллада о деревянных костюмах

Как все мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать
и выбор труден,
Мы выбираем деревянные костюмы,
Люди, люди!

Нам будут долго предлагать –
не прогадать.

– Ах! – скажут, что вы,
вы ещё не жили!
Вам надо только-только начинать... –
Ну, а потом предложат: или – или.

Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные
трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи,
Или просто –
деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов
и добрых судей, –
Но нам предложат
деревянные костюмы,
Люди, люди.

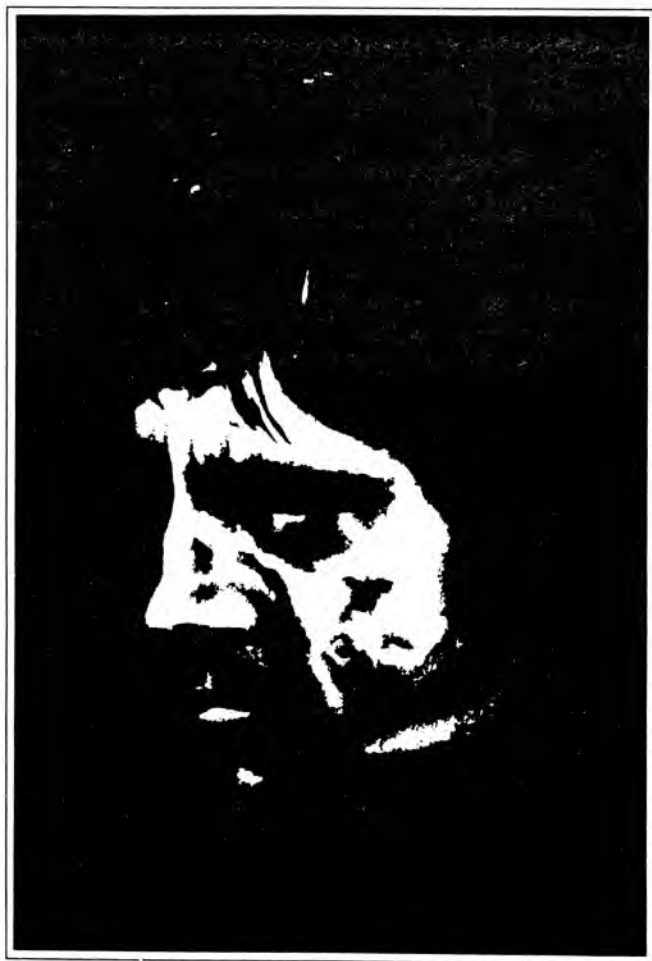
Нам даже могут предложить
и закурить.

– Ах! – вспомнят, –
вы ведь долго не курили.
Да вы ещё не начинали жить... –
Ну, а потом предложат: или – или.

Дым папиросы навевает что-то.
Одна затяжка – веселее думы.
Курить охота,
ох, как курить охота!
Но надо выбрать
деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы
настолько –
Предложат жизнь счастливую
на блюде.
Но мы откажемся.
И бьют они жестоко,
Люди, люди...

- Твоя мечта.
- О лучшей жизни.
- Ты счастлив?
- Иногда – да!
- Почему?
- Просто так.

Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав.
Помереть от скуки! Голосуйте!
Только, чур, меня не приплюсуйте –
Я не разделяю ваш устав!

1967

Песня о вещи Кассандре

Долго Троя в положении осадном
Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре, –
Троя, может быть, стояла б и поныне.

Без умолку безумная девица
Кричала: "Ясно вижу Трою
павшей в прах!"

Но ясновидцев –
впрочем, как и очевидцев –
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: "Это ведьма виновата!"

И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Конец простой –
хоть не обычный, но досадный.
Какой-то грек нашёл кассандрину обитель
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как рабыней ненасытный победитель.

1967

Сейчас уже ни один поэт, какое бы дьявольское самомнение его ни одолевало, не посмеет публично назвать Высоцкого "меньшим братом". Наступает время серьезного изучения "феномена Высоцкого". Появляются первые профессиональные работы крупных филологов, текстологов. Они показывают, сколь непроста природа поэзии Высоцкого, в какую новаторскую форму была оправлена суть этого явления – открытие новых законов стихосложения, сложнейшие рифмы, строфика, не встречавшаяся до этого в русской словесности. Кажущаяся простота и как бы импровизационность не позволяли нам, слушателям, потрясенным изначально лишь оголенной правдой, обрушивающейся на нас вместе с "отчаяньем сорванным голосом", заметить всю виртуозность стихотворной техники.

Всеволод Абдулов ⁵⁶

Помню, как принес он в главную редакцию "Ленфильма" тексты песен на утверждение. Редакторы выступали осторожно, но один из них, пользующийся репутацией знатока поэтической технологии, со снисходительным апломбом указав Высоцкому на несовершенство и корявость его стихов, дал несколько конкретных рекомендаций, которые всем показались убедительными. Тогда Высоцкий вынул из папки черновик и сказал:

– Вот посмотрите и убедитесь. С того, что вы мне предлагаете, я начинал – и получились гладкие, хорошо отполированные, никого не задсающие стишата. Корявость и жаргон возникли как результат, как моя собственная интонация, прорыв к моему слушателю... И добавил: – По-другому я делать не буду!

Геннадий Полока ⁵⁷

Александр Межиров

Что-то превыше размера*

В обычном представлении стих Владимира Высоцкого далек от классического совершенства. Можно даже сказать, что его стихи совершенны в их преднамеренном несовершенстве. Они живут затаенно, в несколько условном, иногда сказочном мире поэта. Важны в них не столько слова, сколько то, чем они внушены.

Его песни несут в себе заряд особой энергии. Их поверхность шероховата, фуганок здесь повредил бы, изуродовал фактуру. <...> Музыка в стихах Владимира Высоцкого возникала и звучала, продолжая звучные слова и предвосхищая его. Почти в каждом стихотворении Высоцкого музыка присутствует (трудно написать в прошедшем времени) как нечто неотъемлемое и обязательное. И не случайно почти любое его стихотворение чревато песней. Но что-то превыше размера поет внутри сложной и капризной строфы, рождая мелодию. Это редчайший дар.

Страх перед гладкописью способен подвинуть стихотворца на разрушение размера. Такое подвижничество непродуктивно, потому что причина неосновательна. В результате такого подвижничества стих нередко превращается в руину. Владимир Высоцкий ломал размер и перебивал ритм по другой причине. Драгоценная подлинность ритмического дыхания позволяла ему испытывать традиционный размер, а та или иная деформация стиха была обусловлена внутренней необходимостью. <...> Слова его песен можно читать глазами. Это – стихотворения. Не знаю, как назвал Владимир Высоцкий книгу своих стихотворений. Не знаю, существует ли такая рукопись. Но в том, что он – поэт истинный и оригинальный, не усомнишься.

Хочется, чтобы на книжных полках стояли сборники его стихотворений. Самый беспощадный факт – лист бумаги. Как прозвучат на нем слова, как будут жить они в его белом неподкупном свете! <...>

В стихах и песнях Владимира Высоцкого есть обманчивая легкость. Когда прислушиваешься, осознаешь, какой тяжелой ценой она достигнута. ⁵⁸

Ещё не вечер

Четыре года рыскал в море наш корсар, –
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, –
На море штиль – и не избегнуть встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
"Ещё не вечер, ещё не вечер!"

Вот развернулся боком флагманский фрегат –
И левый борт окрасился дымами, –
Ответный залп – на глаз и наугад –
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром – худо, и в трюме течи, –
А капитан нам шлёт привычный знак:
Ещё не вечер, ещё не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз –
И видят нас от дыма злых и серых, –
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к вёслам на галерах!

Неравный бой – корабль кренится наш, –
Спасите наши души человецьи!
Но крикнул капитан: "На abordаж!
Ещё не вечер, ещё не вечер!"

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы — пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной!

И крысы думали: а чем не шутит чёрт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом
становились к борту борт, —
Ещё не вечер, ещё не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно,
И прав был капитан: ещё не вечер!

1968

Песня самолёта-истребителя

Я — "ЯК", истребитель, — мотор мой звенит,
Небо — моя обитель, —
А тот, который во мне сидит,
Считает, что — он истребитель.

В этом бою мною "юнкерс" сбит —
Я сделал с ним, что хотел, —
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал, —
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет — в штопор!

Из бомбардировщика бомба несёт
Смерть аэродрому, —
А кажется — стабилизатор поёт:
"Мир вашему дому!"

Вот сзади заходит ко мне "мессершмитт", —
Уйду — я устал от ран!..
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил — на таран!

Что делает он?! Вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке, —
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу из пике!

Я главный, а сзади... Ну чтоб я сгорел! —
Где же он, мой ведомый?
Вот он задымился, кивнул — и запел:
"Мир вашему дому!"

Это был уникальный организм. Именно целостный организм, потому что он содержал в себе мощного поэта... Человека, который знает по себе, что такое бессонная ночь и что такое просидеть над листом целую ночь. Ведь существуют артисты, которые, может быть, в большей степени поэты, чем актеры, ибо что-то всегда лидирует. Это был мощный поэтический организм, настолько уважающий слово, что он не мог пробормотать. Поэтому у Володи такие замечательные записи — качество пленки ужасное, а слова округлые, точные, внятные, ясные, договоренные до конца. Это не значит аккуратность выговаривания слов, это есть уважение к слову, которое может быть только у очень мощного поэта, — он имеет дело со словом ежесекундно.

Леонид Филатов 59

Высоцкий всем своим существом живет в сегодняшнем дне. <...> Поэт по призванию, он по профессии — актер: от этого оживает интонация стиха, жанр и форма — от юмористической до патетической. <...> Острый, едкий юмор у него чередуется с нравственным призывом, с криком о добре и зле. Он отдает себя аудитории до конца, и аудитория реагирует без отказа.

И.Б. 60

...Это был невероятно талантливый человек, невероятно одаренный, совершенно замечательный стихотворец. Рифмы его абсолютно феноменальны. С одной стороны, его трагедия, с другой стороны, удача — то, что он избрал карьеру барда, шансонье. <...> Из всей этой профессии я лучше всего относился к Высоцкому. В нем было абсолютно подлинное языковое чутье...

Иосиф Бродский 61

И тот, который в моём черепке,
Остался один — и влип, —
Меня в заблужденье он ввёл — и в пике
Прямо из мёртвой петли.

Он рвёт на себя — и нагрузки вдвойне, —
Эх, тоже мне — лётчик-ас!..
Но снова приходится слушаться мне, —
И это — в последний раз!

Я больше не буду покорным — клянусь!
Уж лучше лежать на земле...
Ну что ж он не слышит, как бесится пульс:
Бензин — моя кровь — на нуле!

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло, —
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся носом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу...
Но что это, что?! Я — в глубоком пике, —
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел, —
Но пусть повезёт другому!
Выходит, и я напоследок спел:
"Мир вашему дому!"

1968

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Щита прибавить на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то:

"Эх, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!"

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —

И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

"Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки, —
Напился, старик, — так походи похмельись,
И неча рассказывать байки

И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!"

Альфред Шнитке
Свой пульс*

...Внемузыкальное значение его произведений, в том числе и музыкальных – выше, чем их значение музыкальное. <...> Но я не согласен с теми моими коллегами, которые считают, что в музыкальном отношении Высоцкий "нуль или почти нуль". Меня в этом убеждает многое. В частности, замечательный слух Высоцкого, проявившийся не только в том, как он чисто пел и интонировал. <...> Высоцкий чисто интонировал не только звуковысотно, поразительна точность интонирования согласных – распевание на "р", на "л". <...>

Его многочисленные песни нестандартны или нарочито стандартны, от чего опять же становятся нестандартными. Человек может быть рабом стандарта, когда он ему подчинен, но когда он смотрит на стандарт не снизу, а сверху, то этот же стандарт выглядит совершенно иначе. Большая часть песен Высоцкого отличается величайшей тонкостью и нестандартностью и по количеству тактов во фразе, и ритмикой – как бы создающей свой пульс рядом с пульсом метрической основы его песен /.../. Потом много таких очень тонких подробностей и в гармонизации, и в мелодике, и в кадансах – в отказе от трафаретных кадансов или в нарочито дурацком их выполнении, от чего они немедленно попадают в смысловые кавычки. <...> В чисто музыкальном отношении я бы поставил музыку Высоцкого выше, чем музыку Окуджавы, хотя она тоже никак не совпадает с нотным стандартом. Песни Высоцкого намного интереснее, изобретательнее. Характерно, что оба они не вписываются в рамки профессионального музыкального искусства. Так бывает с двумя явлениями: одно – результат высочайшего профессионализма, другое – проявление просто правдивости, предельной правдивости. И это оказывается выше проявления профессионализма, что страшно раздражает профессионалов.⁶²

Голос Высоцкого не был безграничным; в самом начале, кто то вспоминает, его вокальные данные вообще были чрезвычайно скромны. Но этот голос казался безграничным! Казалось, что он может шагнуть еще выше, и еще, и еще. И каждая реализованная высотность – получалась! Она не погибала от невероятной трудности ее взятия, а демонстрировала возможность пойти еще выше. И еще этот голос казался безграничным оттого, что он может шагнуть еще выше – не ради красивой ноты, но ради смысла...⁶³

Ну, в общем, они не сносили голов, –
Шутить не можете с князьями! –
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:

Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, –
Он только однажды волхвов вспомнул,
И то – саркастически хмыкнул:

Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

"А вот он, мой конь – на века опочил, –
Один только череп остался!.."
Олег преспокойно стопу возложил –
И тут же на месте скончался:

Злая гадюка кусила его –
И принял он смерть от коня своего.

... Каждый волхвов покарать норовит, –
А нет бы прислушаться, правда?
Олег бы послушал – ещё один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.

Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах там кикиморы живут, –
Защекочут до икоты и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный – заграбастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин – попадал в дремучий лес, –
Кто зачем: кто с перепоею, а кто сдуру в чашу лез.
По причине попадали, без причины ли, –
Только всех их и видали – словно сгнули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу, где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы – чуть друг друга не едят,
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный им устроил буйный пир,
А от их был змей трёхглавый и слуга его – Вампир, –
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо, ну – раскачивать его:
"Выводи, Разбойник, девок,
– пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!"

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
"Натерпелись – сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы, патриотки али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, – отоварился!
А ещё на наших девок позарился!..."

Страшно, аж жуть!

...Для Высоцкого форсаж так же естественен, как для истребителя-перехватчика. А сколько бешеного раздражения, идеологических обвинений и телевизионных запретов вызвал в свое время его голос! <...> Мало кто исследовал его интонацию, но могу сказать, что диапазон его голоса, который кто-то считает ограниченным, превышает две с половиной октавы – больше, чем у Шаляпина. Это немислимо большой диапазон, и при этом какая ровность и органичность звучания!

Владимир Дашкевич⁶⁴

Владимир Высоцкий

Зачем так выкладываться?*

На Западе авторские песни (в нашем понимании) называются "песнями протеста". Когда однажды мне перевели несколько таких песен, я увидел, что в них и близко ничего нет похожего на то, что, предположим, делаю я или Булат Окуджава. Мне совершенно не понятно, почему они называются "песнями протеста", меня всегда поражало, против чего они протестуют? Ну, против войны, но ведь все протестуют против войны, и, в общем, это не то что банально, но знакомо и знакомо. Я тоже пишу песни о войне и, где бы я ни пел их со сцены – им или дома, я всегда пою, как будто в последний раз. Война нас всех коснулась, так что это вопрос понятный – почему я так могу против нее возражать.

У них же этого нет, и, может, поэтому их мой манера исполнения так поражает и удивляет – я всегда пою на очень высокой ноте. Иногда меня спрашивают за границей: почему вы их так прокрикиваете, даже дома? Что вас так беспокоит? Но мне им это очень сложно объяснить. Поэтому мне кажется, что у моих песен очень русские корни и по-настоящему они могут быть понятны только русскому человеку. Особенно последние вещи: "Купола", "Правда и Ложь", "Кривая и Нелегкая". А за границей в моих песнях их волнует только темперамент, но все равно они недоумевают: зачем надо так выкладываться?

Еще вот что. Их "песни протеста" направлены против войны, нищеты, инфляции, короче говоря, против таких конкретных проблем. Мне кажется, что наши авторские песни более абстрактны, даже если это касается военных песен: все-таки нужно понять, почему человек, который не прошел войну и никогда не восвал, – почему он все время возвращается т у д а ?!

Записи во Франции я делал не с оркестром Поля Мориа, как принято говорить, просто у меня там были очень хорошие оркестранты. Первую свою пластинку там я записывал в сопровождении двух гитар. У меня было два лучших гитариста Франции. Один из них, Клод Пави, приехал в своем фургоне, там у него семнадцать гитар. Он заставил меня полностью перевести ему все песни, которые предстояло записать. Трое суток на это ушло.

Иногда он не понимал смысла: почему я так, собственно, волнуюсь по поводу того, что "идет охота на волков"? Мы ему объясняли, он говорил: "А-а-а" – и записывал каждую строчку; он был совершенно обезкуражен, как это можно в песне говорить о таких вещах, и сидел совершенно пришибленный. Эти записи тоже как-то просочились сюда, но я их крайне редко у нас слышу. Там получилась самая, на мой взгляд, удачная обработка – чисто гитарная, с наложениями. Он прекрасно играл, мне редко приходилось что-либо подобное слышать. Мы с ним несколько дней провели вместе.

Но эта пластинка, к сожалению, не вышла, вышла немножечко другая – не по моей и его вине, а так случилось. Это диск, где я с бородой. Но если бы вы услышали этот диск, который мы сделали с ним вдвоем, вы бы увидели, что он проникся этими песнями по-настоящему и что никакого языкового барьера нет.

Так что это такие парни, с которыми можно работать так же, как и здесь, если с уважением друг к другу относиться, несмотря на то, что они не понимают, о чем ты так кричишь. Они не понимают, как можно с таким напором и с такой отдачей петь некоторые вещи, почему это нас так волнует? У них этих

проблем нет, и они их никогда не исследуют – в песнях у них не принято об этом разговаривать. Маккартни, правда, пытался – кстати, он тоже пел балладу о брошенном корабле, я не знаю, может быть, они у нас немножко и совпадают, но у них этот жанр считается несколько облегченным, за исключением Брассенса и еще некоторых. <...> Французы считают, что песня не должна заниматься проблемами – это развлекательный жанр, и в нем они добились больших успехов, хотя сами больше всего и здесь любят настоящих поэтов: Брассенса, Лео Ферре, Максима де Форестье. А для проблем есть Аполлинер – это классика.

Россия – единственная страна, где поэзия находится на таком уровне. Поэзия у нас всегда была во главе литературы. И не только из-за того, что наши поэты были большими стихотворцами и писали прекрасные стихи, а из-за того, что они себя достойно вели в жизни: и по отношению к властям, и по отношению к друзьям, и по отношению друг к другу, и, конечно, к своему творчеству.⁶⁵

Имеют ли смысл пластинки, которые издаются "там" и не доходят сюда?" Они очень доходят, и если доходят, то только сюда. Безусловно, они мало интересны французам, но не настолько мало, как вы думаете. Они интересны людям, которые вообще интересуются искусством, Россией. Им они интересны, они их беспокоят, волнуют так же, как и нас. Поэтому они так просят перевода слово в слово. Единственно, что, конечно, для них очень непонятно: почему человек так тратится, даже в маленьком, узком кругу? Вы знаете, я ведь одинаково пою, что в компании, где два-три человека, что на гигантских аудиториях. Они никак не могут понять, почему человек с набухшими жилами сидит дома перед несколькими людьми... Что это? Почему? Что его беспокоит? И когда ты им – переводить... Конечно, очень многое до них не доходит, не знают они этих проблем, вернее,

они их не волнуют. Особенно они не понимают, зачем песне заниматься этими проблемами, вообще поэзии. Она должна заниматься прекрасным.⁶⁶

Зал был очень смешной. Они мне отдали зал, в котором работают начинающие певцы. Он очень остроумно сделан: сцена выдается таким мысом – как бы корабль. Значит, если мало людей, они в этот сегмент, который образуется перед сценой, сажают всех зрителей, а что происходит здесь, ты не видишь, потому что они почти все сзади тебя. Если людей побольше, они могут немножечко отодвинуть сцену – тогда ты видишь, что тоже вроде полный зал. А если уж полный зал, тогда они совсем ее отодвигают и сажают зрителей. Это очень остроумно сделано, чтобы не травмировать певцов, у которых иногда в зале бывает два человека, которых он сам пригласил и которые об этом случайно вспомнили. У меня могла случиться тоже такая история, потому что расклеили афиши в пятницу вечером – желтенькие такие листочки – только в этом районе. Зал назывался "Элизе Монмартр". И в первый день у меня вдруг оказалось 350 человек, на что никто не рассчитывал, и забегал директор-француз, ничего не понимающий, что я пою... Как могло получиться, что оказалось больше половины зала людей?! Это не может быть! Не было рекламы, ничего... На второй день у меня было человек 500, а в третий!.. Короче говоря, мы не пустили то же число людей, которое было в зале. <...>

Я подумал сначала, что это все больше любители русского языка и русской словесности. Возможно, так оно и было. Но на последнем концерте по опросу (это очень просто делается, там несколько ребят, студентов-социологов, они взяли и опросили) оказалось, что из 960 человек, которые заполнили зал в этот день, 600 вообще не говорят и не понимают по-русски. Остальные любят русскую литературу и пришли послушать. Как это было сделано? Был маленький перевод на несколько секунд, буквально на двадцать секунд. Я пел в сопровождении своего гитариста, с которым уже записал несколько дисков, и из симфонического оркестра – французского, национального – у меня был басист, и я с гитарой. Работал я без перерыва час двадцать, потому что жутко не люблю делать перерывы. Я считаю, что для авторской песни перерывы не нужны, потому что только-только установишь контакт с людьми, вот только это самое, чего нехватишь ни носом, ни ухом, ни глазом, а каким-то подсознанием, шестым чувством, – вот этот контакт, который случился, – надо перерыв делать, все пойдут в буфет... Я это не люблю очень. Поэтому я такой прессинг устроил, в час двадцать успел спеть около тридцати вещей. И я вам должен сказать, прием мало чем отличался от того, что здесь. И знаете, почему? Я думаю, конечно, нервов больше было – первый раз в чужой аудитории, да еще я узнал, что мало понимают. Но, например, на некоторые вещи была реакция намного сильнее, чем здесь, в Москве. Знаете, нет пророка в своем отечестве... Москвичи знают, что я всегда тут, под боком, что можно пойти в театр, услышать, увидеть, тем более что у нас есть новый спектакль, где я пою, называется "В поисках себя". А там они знали, что, может быть, никогда больше не придется послушать, и в благодарность просто демонстрацию мне устроили за исполнение некоторых вещей. За то, что я перед ними трачусь, за то, что не позволяю себе... Они же не знают языка, вот эти 600 человек, а я с ними общаюсь, как будто они полностью все понимают, что я для них пою.

"Какие песни французская публика принимала и понимала больше, чем остальные?" Во-первых, стилизации обязательно. "В сон мне желтые огни" – такая стилизация на цыганские темы. Почему? Потому, что есть пластинки, выходят – они поняли, что это им известно. Это они, конечно, принимали безусловно. Но самое ценное не это. Если по названиям, я вам скажу: "Натянутый канат" – песня, по названию которой назван диск, принималась лучше всего. Песни с напором и отдачей – после которых надо вытирать влагу; и, как ни странно, некоторые вещи куплетной формы. Ну предположим, такая шуточная песня "Ой Вань, смотри, какие клоуны...". То есть такие, где есть характеры, где я имел возможность актерски чего-то проиграть. Их это очень забавляло. Оказывается, у них этого не существует совсем, то есть у них есть кафе-театры, где один человек разными голосами разговаривает, прикидывается... То, что у нас называется пародист, у них называется шансонье, и оказывается, это слово – "шансонье" – совсем не означает то, что мы под него подкладываем здесь, – барды, менестрели, шансонье. Ничего подобного. Шансонье – это нечто вроде нашего конференсье. Ну так вот, когда они видели, что я меняю голоса и разные характеры представляю, это их страшно забавляло. И я видел, как они сразу хватались за текст (к этому времени пластинка уже вышла) и начинали смотреть, в чем же там дело, и запоздало хохотали. Начинается следующий куплет, а в зале общий хохот, потому что они успели прочитать, в чем там дело. Короче говоря, я не могу что-то особенно выделить. Вы знаете, от зрителя тоже много зависит. Зачем человек пришел? Если он пришел для того, чтобы потом прийти и рассказать знакомым: "Я такую ерунду смотрел", – он так и смотреть будет. Если он пришел совсем непосвященный, тут уж зависит от того, что происходит на сцене. А есть еще и обратный эффект – изумительный! Когда человек пришел для того, чтобы ему понравилось.⁶⁷

**Приговоренный обладает как никто
Свободой слова, то есть – подлинной свободой.**

В о п р о с : — ...Разве В.Высоцкий фигурирует в списке вокалистов, пользующихся правом на сольные программы?

О т в е т : — Нет, не фигурирует. ⁶⁸

Всерьез, как поэзию, песен Высоцкого не принимает никто, даже самые яростные из его сторонников. Его песни и не могут быть поэзией: все они убийственно однообразны. И однообразны не формой, а своим содержанием, внутренним наполнением. И если они получили популярность, то остается только посочувствовать эстетическим вкусам аудитории, испытывающей восторг при исполнении песен Высоцкого.

Попов В. ⁷¹

Под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью. <...> Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: "ради справедливости и только". Но на поверку оказывается, что эта "справедливость" — клевета на нашу действительность. <...> В погоне за сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью. Как иначе расценить то, что поется от имени "технолога Петухова", смакующего наши недостатки и издевающегося над тем, чем по праву гордится советский народ... <...> Артист Высоцкий уродует родной язык до неузнаваемости. <...> Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса.

Мушта Г., Бондарюк А. ⁷²

Конечно же, зрелому человеку этих песен не надо. Но вот волосатый отрок принял сие творчество как откровение. Это, если хотите, один из способов духовного отравления молодежи. <...> Маразм — таково было общее мнение участников вечера о прослушанном. <...> Где же, спросили участники вечера, а среди них были рабочие, студенты, творческие работники, на каком дне наскреб бард эти "образы", эту лексику, этих героев — людей с социальными, да и клиническими отклонениями от нормы? К ним примыкает другой тип героя, который метит чуть ли не в правдолюбцы, в оценщики моральных ценностей нашего строя: "...Рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую..." и т.п. При этом одни барды зывают: "Спасите наши души". Другие считают, что лучше "...Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать".

Лышев Р. ⁷³

У Высоцкого есть несколько песен, которые имеют общественное звучание, но не о них речь. К сожалению, приходится говорить о Высоцком как об авторе грязных и пошлых песенок, воспевающих уголовщину и аполитичность. <...> Это не песни. У них нет своей мелодии. Это поделки-речитативы под два-три затасканных аккорда. Но у них есть свой четкий замысел ухода от деятельности, от общественных обязанностей, от гражданского долга, туда — к водке, к трешкам, на дно... <...> Так с наглым цинизмом отображается наша нравственность, попираются самые высокие моральные принципы. <...> И право же, надо иметь узкий лоб и быть поразительно неразборчивым, чтобы пускать уголовный жаргон в обиход! Но есть у "бардов" творения и "интеллектуальные", так

сказать, с идейной направленностью. Но с какой? Они из кожи лезут, чтобы утащить своих почитателей в сторону от идеологической борьбы социального прогресса и империалистической реакции. Они вроде бы не замечают, как обострилась классовая борьба на международной арене, как наши враги пытаются изнутри подорвать социалистический строй, отравить сознание отдельных неустойчивых людей. <...> На собрании комсомольского актива антисоветская пошлятина Высоцкого и других была сурово осуждена.

Безруков Е. ⁷⁴

И это в наше-то время, когда так обострилась классовая борьба, когда все мы ежедневно, ежечасно чувствуем, как враги атакуют нашу идеологию, пытаются подорвать изнутри социалистический строй. Ведь призыв устраниваться от участия в общественной жизни, "лечь на дно", уйти на "нейтральную полосу" есть не что иное, как призыв к дезертирству. <...> Высоцкий спекулирует на наших трудностях роста и ошибках. <...> Автор клеветает на советский строй, издевательски преувеличивает трудности. <...> Кто дал право Высоцкому считать себя судьей? Быть бесстрастным наблюдателем и все оплевывать? Ведь для него нет ничего святого. <...> Хочется надеяться, Виктор, что ты хорошенько подумаешь над всем этим и другими глазами посмотришь на "песни" Высоцкого. Сумеешь увидеть в них то, что есть на самом деле: призыв к политической и общественной пассивности, злопыхательство, издевательство над всеми нами, советскими людьми, пропаганду низменного, порочного. И ты поймешь, что Высоцкий подпевает чужим, заоксанским голосам, клеветущим на нашу Отчизну. И, поняв это, уничтожишь записи его "песен".

Владимиров С. ⁷⁵

И, право же, не было бы ничего страшного в том, что кто-то сочиняет незамысловатые вирши и не то поет, не то декламирует их, если бы многие наши ребята не считали это рифмоплетство эталоном поэтического новаторства, хриплый простуженный голос — вершиной вокального искусства, а монотонное треньканье на двух гитарных струнах — образцом современного стиля. Что же касается поклонников Высоцкого, то мне показалось, что, судя по всему, они плохо представляют себе, о чем идет речь. Я симпатизирую Высоцкому как актеру, но ведь, как говорится, симпатия к человеку не в состоянии отменить "приговор истории над его делом". Я возражал и возражаю самым решительным образом против массовой пропаганды самоделок...

Соловьев-Седой В. ⁷⁶

Видишь, как получается, вроде песня о дружбе, а учит недоброму чувству подозрительности, превосходства одного над другим. <...> Я смело утверждаю — песни Высоцкого даже на самые благородные темы: о дружбе, верности, мужестве неблагородны. <...> Не правда ли, много примеров софистики можно найти в текстах песен Высоцкого? <...> И когда я смотрю, как ребята слушают эти "откровения", мне хочется сказать им: "Эта песня не друг, а случайный прохожий, причем, порой, не безобидный". Вот и не люблю я песен Высоцкого. Недобрые они. Нехорошо он думает в этих песнях. И нас с тобой учит думать так же.

Малов В. ⁷⁷

Причины популярности этой песни просты: мелодия сверхэлементарна, тема – будто бы о дружбе. А о дружбе всегда и всем хочется петь. А о чем она на самом деле? Если парень в горах "оступился и в крик, значит, рядом с тобой чужой", и тут же вывод: "Ты его не брани – гони". Что это за философия?! Ну, оступился, ну, закричал, допустим, даже испугался – так его сразу назвать чужим и гнать?! Мы привыкли думать, что друзья познаются именно в беде, в трудную минуту. Впрочем, Высоцкий тоже так думает, но только по отношению к самому себе. И потому дальше поет так: "А когда ты упал со скал, он стонал, но держал... значит, как на себя самого, положишься на него". Вот это, значит, друг! Вот ведь как Высоцкий понимает дружбу... Какая безнравственная позиция...

Кабалевский Д. 78

Ни один высокогорник нарочно не выберет трудный путь, да еще столь же опасный, как осенняя тропа, если его можно избежать. Он именно свернет и обрыв обогнет, чтобы зря не свернуть шеи. /.../ Мне кажется, что теперешнее массовое нытье под гитару – очередная пошлая мода, и мне стала противна эта мешанская р-р-романтика, потому что я знаю цену романтике подлинной. А еще хуже, что есть среди авторов таких ходячих песен подонки, которые подсовывают грязненькие текстники, спекулируют на политике, сеют в здоровой среде микробы подозрения и неуверенности, отражая, должно быть, суть своих слабых душонок. Один мечтает "рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую", другой модернизирует блатной жаргон и осмеивает все, даже самое святое; третий с этаким шибко смелым намеком не советует нам идти в ногу – мосты, дескать, разрушаются, а по сути этот советчик, точнее – антисоветчик, хочет видеть в нас стадо баранов...

Чивилыхин В. 79

...Натуралистический взгляд на жизнь как на нечто низкое, отвратительное, беспощадно уродующее человеческую душу, взгляд через замочную скважину или отверстие ватерклозета сегодня, как известно, далеко не нов. Он широко прокламируется в современной "западной" литературе. При таком взгляде жизнь в литературе предстает соответствующей избранному углу зрения, облюбованной точке наблюдения. Именно такой, предельно жесткой, примитивизированной, почти животной, лишенной всякой одухотворенности, каких бы то ни было нравственных начал и предстает жизнь со страниц альманаха "Метрополь", – возьмем ли мы стилизованные под "блатной" фольклор песни В.Высоцкого или стихотворные сочинения Е.Рейна, или безграмотные вирши Ю.Алешковского...

Кузнецов Ф. 80

"Авторская песня", если ее разять на поэзию и музыку, одинаково слаба и в том и в другом (читатель сам в этом легко убедится, если попробует не напевать, а читать "стихи" В.Высоцкого... напевать же "мелодии" В.Высоцкого без текста просто никому не придет в голову, ибо таковых нет).

Байгушев А. 81

Зачем же нам закрывать глаза на то, что незаурядный художник порой открыто ориентировался на низкопробный вкус части публики, на эпатаж цинизмом, на законы жанра низкопробных, так называемых блатных песен. <...> Есть у него песни, потакающие низменным вкусам.

Бобров А. 82

У "златоустого блатаря", по которому, как сказал Вознесенский, должна "рыдать Россия", нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством: "Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне". Так что пути Шукшина и Высоцкого совершенно противоположны друг другу. <...> Лирический герой большинства песен Высоцкого, за исключением немногих песен о войне и мужском товариществе, написанных чаще всего для кинофильмов, как правило примитивный человек... Надрыв этого человека – окончательный разрыв с идеалом, в лучшем случае – замена его правилами полублатного коллективизма. <...> В течение этих двадцати лет из окон домов слышалось не чтение стихотворений, поэже напечатанных в книге "Нерв", а его собственное страстное исполнение того, что не было напечатано, но тем не менее впечаталось в сознание современников. Что бы ни говорил о них автор, какие бы благие цели он ни ставил перед собой, песни эти не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его.

Куляев Ст. 83

Когда слушаешь его песни с бытового магнитофона, ощущаешь жест, поступок, а не просто какие-то слова, какую-то мелодию. Говорить же о поэзии как таковой здесь неправомерно, это просто разные виды искусства. Стихи Высоцкого не только до поэзии, просто до стихов не дотягивают.

Кожин В. 84

...Превозносимый до небес Высоцкий среди "афганцев" авторитета не имеет. Этот эстрадный камуфляж под мужество выглядит там, на полях настоящих боев, просто смешно. <...> В Афганистане не играют в мужество, там его проявляют, и голливудская дешевка "не проходит". <...> Мне кажется, что те, кто изо всех сил раздувают "пузырь Высоцкого", сами сознают ущербность своих усилий. Поэтому в ход пошли байки о каких-то преследованиях хрипуна с гитарой, о его страданиях. Он так и подается безвременно погибшим страдальцем! А этот хрипун является махровым цветком периода застоя. Именно в те годы он имел в своем распоряжении целый театр, в любой день он мог без всяких помех полететь в любой конец земного шара – подумать только, он, пожалуй, единственный из советских людей, кто отдышал на острове Таити! Запойный пьяница и наркоман, он жил и хрипел свои сочинения под постоянным объективом кинокамер. Его еще в те времена, еще живого, уже готовили на недостижимо высокий пьедестал. <...> Так что какие уж гонения!

Кузьмин Н. 85

Валентин Берестов

Осуществленная метафора*

Поэзия и весь облик Владимира Высоцкого – это осуществленная метафора поэтов XIX века. Они писали перьями и ощущали себя певцами. Высоцкий пел под гитару и считал себя профессиональным поэтом. Главное в поэзии Высоцкого – то, что он предельно (он все делал на пределе) был верен вековому образу поэта-певца, буквально следовал старинным заповедям. Особенно Лермонтова, чей могучий голос прозвучал в безгласное время. <...>

Поэзия Высоцкого, как и хорошая детская поэзия, при всей популярности и ясности отнюдь не относится, как считают иные, к явлениям массовой культуры. Она, как и детская поэзия, ближе к фольклору, к романтикам прошлого века. <...> Вот они, истовость, толковость, звонкость – то, чего ждал от поэтов С.Маршак, патриарх детской поэзии! <...>

Всеми средствами, включая магическую хрипоту, он будил даже инстинкты, скрытые в глубине таинственной подкорки. Ведь есть же, должен быть инстинкт самосохранения человечества!⁸⁶

Попытки утверждать, что Высоцкий слабый поэт, недальновидны и нелепы. <...> Вопреки бытующему мнению, неудачных строк у Высоцкого до удивления немного. <...> Авторская песня – постоянное противоборство с господствующей силой. И что, как не противоборство с господствующей силой, звучит в каждой строке Высоцкого? <...> Я настаиваю на том, что Высоцкий принадлежит к числу тех поэтов, которые, подобно Чуковскому и Маршаку, взялись возрождать поэзию золотого века, идущую от самых корней русской и мировой традиции, основанной на особенностях человеческой психики, человеческого восприятия, и на этом пути Высоцкий достиг огромных успехов: его услышали миллионы. Помните, у Новеллы Матвеевой:

Когда потеряют значенье / Слова и предметы,

На землю для их обновленья / Приходят поэты.

Вот этим "обновленьем" и занимался всю свою жизнь Владимир Высоцкий.⁸⁷

Соловей-разбойник тоже был не только лыком шит. – Гикнул, свистнул, крикнул: "Рожа,

ты, заморский паразит!

Убирайся без бою, уматываяй

И Вампира с собою прихватывай!"

Страшно, аж жуть!

А теперь седые люди помнят прежние дела:

Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела, –

Прекратилось навеки безобразия –

Ходит в лес человек безбоязненно.

И не страшно ничуть!

1967

Антисказка

Лукоморья больше нет, от дубов простыли и след, –

Дуб гонится на паркет – так ведь нет;

Выходили из избы здоровенные жлобы –

Порубили все дубы на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска,

У меня в груди!

Это – только присказка,

Сказка – впереди.

Распрекрасно жить в домах на куриных на ногах,

Но явился всем на страх вертопрах, =

*Добрый молодец он был – бабку Ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил, дом спалил.*

Тридцать три богатыря порешили, что зазря

Берегли они царя и моря, –

Каждый взял себе надел – кур завёл и в нём сидел,

Охраняя свой удел не у дел.

Ободрав зелёный дуб, дядька ихний сделал сруб,

С окружающими туп стал и груб, –

И ругался день деньской бывший дядька их морской,

Хоть имел участок свой под Москвой.

Здесь и вправду ходит Кот, – как направо – так поёт

Как налево – так загнёт анекдот, –

Но, учёный сукин сын, цепь златую снёс в торгсин

И на выручку – один – в магазин.

Как-то раз за божий дар получил он гонорар, –

В Лукоморье перегар – на гектар!

Но хватил его удар, – чтоб избежать божьих кар,

Кот диктует про татар мемуар.

И Русалка – вот дела! – честь недолго берегла –

И однажды как смогла родила, –

Тридцать три же мужика не желают знать сынка, –

Пусть считается пока сын полка.

Как-то раз один Колдун – врун, болтун и хохотун –

Предложил ей как знаток дамских струн:

Мол, Русалка, всё пойму и с дитём тебя возьму, –

И пошла она к нему как в тюрьму.

Бородатый Черномор – лукоморский первый вор –

Он давно Людмилу спёр, – ох, хитёр!

Ловко пользуется, тать, тем, что может он летать:

Зазеваешься – он хватя! – и тикать.

А ковёрный самолёт сдан в музей в запрошлый год –

Любознательный народ так и прёт!

Без опаски старый хрыч баб ворует, хнычь не хнычь, –

Ох, скорей ему накличь паралич!

Нету мочи, нету сил, – Леший как-то недопил –

Лешачиху свою бил и вопил:

"Дай рубля, прибью а то, – я добытчик али кто?!"

А не дашь – тогда пропью долото!"

"Я ли ягод не носил?! – снова Леший голосил. –

А коры по сколько кил приносил!

Надрывался – издаля, всё твоей забавы для, –

Ты ж жалеешь мне рубля – ах ты тля!"

И невиданных зверей, дичи всякой – нету ей:

Понаехало за ней егерей...

В общем, значит, не секрет: Лукоморья больше нет, –

Всё, про что писал поэт, это – бред.

Ты уймись, уймись, тоска, –

Душу мне не рань!

Раз уж это присказка –

Значит, дело – дрянь.

1967

О, сколько я видела таких лиц! Сколько раз слышала эти разговоры: "Перестаньте, увольте, эти песенки, эти темочки!", "Высоцкий – это для плебеев". Милые, дорогие товарищи, которые в жизни сами ничегошеньки не сделали, а только бальзамировали, хоронили, парализовывали прекрасные порывы жестокими, беспощадными фразами! Именно так во все времена поступали со всеми "иноходцами" – новаторами. И ваши высокомерные лица – только доказательство их точной позиции. А про что Высоцкий должен был петь? На какую "темочку"? Про то, чего не ведал, не пробовал, не трогал? Ведь через несколько лет ваши же лица перестроились в почтительные, кроткие и одобряющие: "Да, Высоцкий – это явление, придраться не к чему".

Людмила Гурченко⁸⁸

Анатолий Жигулин

Обложили, как волка флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.
Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен и вечен –
Все равно я пойду напролом.
Вон и егеря застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют!⁸⁹

Моя цыганская

В сон мне – жёлтые огни,
И хриплю во сне я:
– Повремени, повремени –
Утро мудренее!

Но и утром всё не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьёшь с похмелья.

В кабаках – зелёный штоф,
Белые салфетки, –
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке.

В церкви – смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви всё не так,
Всё не так, как надо!

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, –
А на горе стоит ольха,
А под горою – вишня.

Хоть бы склон увить плющом –
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь ещё...
Всё не так, как надо!

Я – по полю вдоль реки:
Света – тьма, нет Бога!
А в чистом поле – васильки,
И дальняя дорога.

Вдоль дороги – лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той –
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги всё не так,
А в конце – подавно.

И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...

1967

Охота на волков

Рвуть из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять как вчера:
Обложили меня, обложили –
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень, –
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идёт охота на волков, идёт охота –
На серых хищников, матёрых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря – но не дрогнет рука, –
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций, –
Видно, в детстве – слепые щенки –
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

И вот – охота на волков, идёт охота –
На серых хищников, матёрых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры, –
Почему же, вожак, – дай ответ –
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем – через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время моё:
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся – и поднял ружьё

Идёт охота на волков, идёт охота –
На серых хищников, матёрых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Марина Влади

Кто был твоим злейшим врагом?*

<...> Ты всегда говоришь, что на Западе люди ослеплены историями, которые публикуют передовицы газет, то есть делами Сахарова, отказников, известных диссидентов, но никто не знает о ежедневном изматывающем давлении на людей. Ты это называешь "борьбой против ватной стены". И самое страшное здесь – это невозможно увидеть чиновника, от которого часто зависит карьера, личная жизнь, свобода. Я вспоминаю тревожные часы, проведенные мной в Театре на Таганке, когда Юрий Любимов и вся его труппа показывал новый спектакль "представителям культуры". Эти люди могут одним словом перечеркнуть несколько месяцев работы, и они не отказывают себе в этом удовольствии. Каждый раз судьба нового спектакля висела на волоске. Твои концерты отменяются иногда прямо перед выходом на сцену, чаще всего под предлогом твоей болезни, что приводит тебя в бешенство: тебе не только запрещают петь, но сваливают на тебя же вину за сорванный концерт. Твои песни для фильмов, прошедшие цензуру, все же "не пускают" как раз перед премьерой, и картина становится увечной. Тексты, неустанно посылаемые в Главлит, неизменно отсылаются обратно с преувеличенно нежными сожалениями. На нескольких маленьких пластинках, появившихся за двадцать лет работы, записаны самые безобидные песни, отобранные из более чем 700 текстов. Полное молчание по радио, телевидению и в газетах, а между тем в стране нет, пожалуй, ни одного дома, где почти каждый день не слушали бы Высоцкого.

Эти бесперывные притеснения изматывают тебя душевно, поскольку твоя всенародная популярность, как бы она ни была велика, не компенсирует в твоих глазах официального признания. Я часто удивляюсь, почему тебя это так беспокоит, но ты с горечью отвечаешь: "Они делают все, чтобы я не существовал как личность. Просто нет такого – и все". До самого кон-

да ты будешь безрезультатно пытаться заставить признать тебя как поэта. <...>

[После первого концерта в США] ...Тебя ждут два человека из консульства СССР в Лос-Анджелесе. <...> В каждом университете, где ты поешь, сценарий тот же. Восторги публики и осторожная сдержанность советских официальных лиц. В США тебя это забавляет. А по приезде в Москву ты откровенно хохочешь над таким осторожничаньем. Все органы опеки, с которыми ты столкнешься, будут обезоружены таким нахальством. Штатпы всех стран, украшающие твой паспорт, выданный с единственным разрешением приехать ко мне во Францию, придется объяснять моими профессиональными и семейными делами/.../. Что же касается твоих концертов во всех этих странах – здесь ты будешь повторять в свое оправдание короткую, но многозначительную фразу: "Наверху знали". И каждый раз в худшем случае тебя могли лишь слегка пожуричь, но всегда – осторожно. "Кто знает, – думали "они", – он, видимо, имел разрешение, иначе бы не посмел". И, не рискуя перепроверить туманное "наверху знали", твои собеседники ни разу не решатся наказать тебя. "Раз нельзя ничего, – говоришь ты, – то можно все". Надо только иметь смелость. Эта смелость была в тебе всю жизнь. И еще – тебя поддерживает любовь и восхищение стольких людей. Всенародное признание служит тебе щитом. <...>

[О спектакле памяти Высоцкого на Таганке] Меньше чем за два часа Любимову удалось выразить самое главное в твоей жизни /.../. Он показывает нам двадцать лет жизни нашего поколения – шестидесятые-семидесятые годы, – двадцать лет кипучего творчества, двадцать лет борьбы. Это – воспоминание обо всех друзьях, сосланных, брошенных в тюрьму, исчезнувших, загнанных, вычеркнутых из списка живых из-за невозможности работать, из-за водки, наркотиков, от отчаяния. Еще – это спектакль о любви: в нем показана наша встреча и все, что было до и после – вплоть до последнего стихотворения. И еще – это спектакль о твоей тяжелой работе по восемнадцать часов в день, о твоей борьбе с отчаянием... <...> Как здорово слышать мощную реакцию зала, знать, что все исписанные листочки, магнитофонные записи, отчаянные попытки опередить смерть, "допеть", – пропали даром – несмотря ни на какие запреты!

Несколько дряхлых бюрократов в ответе за смерть многих советских артистов. Они их не убивали, как Сталин, и поэтому не отвечают публично и поименно за злодеяния. Но мы знаем, что все они – палачи, что они лишили страну лучших творцов. <...>⁹⁰

*Я из повиновения вышел –
За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивлённые крики людей.*

*Рвуть из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера:
Обложили меня, обложили –
Но остались ни с чем егеря!*

*Идёт охота на волков, идёт охота –
На серых хищников, матёрых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.*

1968

Банька по-белому

*Протопи ты мне баньку, хозяйюшка, –
Раскалю я себя, распалю,
На полоке, у самого краешка,
Я сомненья в себе истреблю.*

*Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной – и всё позади, –
И наколка времён культа личности
Засинеет на левой груди.*

*Протопи ты мне баньку по-белому, –
Я от белого свету отвык, –
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.*

*Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!
А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.*

*Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.*

*Протопи ты мне баньку по-белому, –
Я от белого свету отвык, –
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.*

*Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: "Пособи!" –
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.*

– Человек, которого ты ненавидишь.

– Их мало, но все-таки список значительный.

Не топи ты мне баньку по-белому, –
Я от белого свету отвык, –
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб о н слышал, как рвутся сердца.

Ох, знобит от рассказа дотошного!
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком:
Получилось – я зря и м клеймён, –
И хлещу я берёзовым веничком
По наследию мрачных времён.

Протопи ты мне баньку по-белому, –
Чтоб я к белому свету привык, –
Угорю я – и мне, угорелому,
Ковш холодной развяжет язык.

1968

Он не вернулся из боя

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух, и та же вода...
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя,
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал,
он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась словно из плена весна.
По ошибке окликнул его я:
"Друг! Оставь покурить!" –
А в ответ тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Не издали при жизни книгу стихов – это объяснить еще можно. Кому нужен был тогда тайфун в гладком море макулатуры? Слишком яростные строки, слишком обнажена правда в этих стихах, слишком много "возмутительных" вопросов. <...> Была определенная логика времени в том, что книга его стихов не была издана. Правда, эта логика позорна для тех, кто отвечал тогда за литературу, для тех, кто весьма удобно в этой литературе жил.

Но то, что первоклассный артист так редко появлялся на экране, – в этом никакой логики нет. Просто был страх от одного имени: Высоцкий. Ни в качество таланта не вдумывались, ни сам талант этот не берегли. Возможно, тем, кто лишил нас радости видеть Высоцкого на экране, стыдно сегодня смотреть в глаза людям. Но легче от этого не становится. <...>

"Но ведь про что-то можно снимать? – писал он мне. – Например, про инфузорий? Хотя... Ткнуться некуда – и микро- и макромиры под чьим-нибудь руководством".

Станислав Говорухин 91

Зло в судьбе Володи часто было как бы безликим, невидимым и непонятным. В отношениях с Высоцким особенно настороженно держались всякие чиновники. Наверное, они полагали, что подножки поэту – важнейшее государственное дело. Ну, а как же должен был сам Высоцкий относиться к "бабабам", то и дело выростающим на его пути?

Иван Бортник 92

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих...
Всё теперь – одному, только кажется мне –
Это я не вернулся из боя.

1969

Переворот в мозгах из края в край,
В пространстве – масса трещин и смещений:
В Аду решили черти строить рай
Для собственных грядущих поколений.

Известный чёрт с фамилией Черток –
Агент из Рая – ночью, внеурочно
Отступал в Рай: "В Аду чёрт знает что", –
Что точно – он, Черток, не знает точно.

Ещё ввернул тревожную строку
Для шефа всех лазутчиков Амура:
"Я в ужасе, – сам Дьявол начеку,
И крайне ненадёжна агентура".

Тем временем в Аду сам Вельзевул
Потребовал военного парада, –
Влез на трибуну, плакал и загнул:
"Рай, только рай – спасение для Ада!"

Рыдали черти и кричали: "Да!
Мы рай в родной построим Преисподней!
Даёшь производительность труда!
Пять грешников на нос уже сегодня!"

"Ну что ж, вперёд! А я вас поведу! –
Закончил Дьявол. – С Богом! Побежали!"
И задрожали грешники в Аду,
И ангелы в Раю затрепетали.

Никакому пришлому "русисту" не понять, что всеобщая популярность, магическая власть Высоцкого – все это произошло б л а г о д я запрещению его имени на официальном уровне. Страна чудес. Высоцкого не могли лишить Скрипки, поскольку ему ее не давали. Один из главных результатов "недосмотра" за искусством Высоцкого: вне градации на "нужных – передовых – вредных", он душою был предан "позиции под гитару" и, ничего окрика не опасаясь, зависел только от избранных им авторитетов и от собственного мнения... Может быть, он и сгорел-то катастрофически рано, поскольку ничто не охлаждало его горячей крови – по тому же "недосмотру". Когда в разгаре жизни инстанции спохватились, было поздно: Мастер оказался неразлучим со Скрипкой. <...> Когда ему вдруг открылись некие высокие двери и оттуда повеяло не только сановной снисходительностью, но и надеждой "занять свое место в рядах" со всеми вытекающими отсюда благами, он сочинил и не скрыл от своей публики песню: "Меня к себе зовут большие люди, чтоб я им пел "Охоту на волков". <...> Плохо знали Высоцкого...

Вениамин Смехов ⁹³

Вы понимаете, что происходит?! Наступил такой момент, как будто все забыто. Забыто все! Забыты дураки... "Подумаешь, какие-то дураки совали ему палки в колеса..." Но это были не палки в колеса, это было палкой по хребту! И эти люди живы. Они насмехались, они оскорбляли, они унижали его...

Иван Дыховичный ⁹⁴

*И ангелы толпой пошли к Нему –
К тому, который видит всё и знает, –
А Он сказал: "Мне наплевать на тьму!" –
И заявил, что многих расстреляет,*

*Что дьявол – провокатор и кретин,
Его возня и крики – всё не ново, –
Что ангелы – ублюдки как один,
И что Черток давно перевербован.*

*"Не рай кругом, а подлинный бедлам, –
Спустишь на землю – там хоть уважают!
Уйду от вас к людям ко всем чертям –
Пущай меня вторично распинают!.."*

*И Он спустился. Кто Он? где живёт?..
Но как-то раз узрели прихожане –
На паперти у церкви нищий пьёт:
"Я Бог, – кричит, – даёшь на пропитанье!"*

*Конец печален (плачьте, стар и млад, –
Что перед этим всем сожженье Трои!):
Давно уже в Раю не рай, а ад, –
Но рай чертей в Аду зато построен!*

1970

Покойник

*Едешь ли в поезде, в автомобиле
Или гуляешь, хлебнувши винца, –
При современном машинном обилье
Трудно по жизни пройти до конца.*

*Вот вам авария в Замоскворечье, –
Трое везли хоронить одного:
Все, и шофёр, получили увечья,
Только который в гробу – ничего.*

*Бабы по найму рыдали сквозь зубы,
Дьякон, и тот верхней ноты не брал,
Громко фальшивили медные трубы,
Только который в гробу – не соврал.*

*Бывший начальник – и тайный разбойник –
В лоб лобызал и... брезгливо плевал,
Все приложились, а скромный покойник
Так никого и не поцеловал.*

*Но... грянул гром – ничего не напишешь... –
Силам природы на речи плевать.
Все разбежались под плиты и крыши,
Только покойник не стал убежать.*

*Что ему дождь? От него не убудет.
Вот у живущих закалка не та.
Ну а покойники – бывшие люди, –
Смелые люди и нам не чета.*

*Как ни спеши – тебя опережает
Клейкий ярлык как отметка на лбу,
А ничего тебе не угрожает
Только, когда ты в дубовом гробу...*

*Можно – отдельный, а можно и общий –
Мёртвых квартирный вопрос не берёт.
Вот молодец этот самый усопший,
Вовсе не требует лишних хлопот.*

*В царстве теней – в этом обществе строгом –
Нет ни опасности, нет и тревог,
Ну а у нас – все мы ходим под Богом,
Только которым в гробу – ничего.*

*Слышу упрёк: "Он покойников славит!" –
Нет, я в обиде на злую судьбу –
Всех нас когда-нибудь кто-то задавит,
За исключением тех, кто в гробу.*

*Бойко работают войны и бойни,
Чёрные силы всегда в тренаже,
Так что в потенции – каждый покойник,
За исключением тех, кто уже.*

1970

*Нет меня – я покинул Расею, –
Мои девочки ходят в соплях!
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.*

*Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
"Нет его – умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец".*

*Слышу сзади – обмен новостями:
"Да не тот! Тот уехал – спроси!..
"Ах, не тот?!.." – и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.*

Сейчас идут разговоры о том, что в наше время Высоцкий был бы другим – получал бы звания и премии... Да, официальное признание, почести и награды меняют и даже ломают людей. Но с Володей этого бы не произошло, потому что он был поэтом истинным... И я уверен, что у него наверняка появились бы... злые песни о тех, кто так быстро "перестроился"... Ведь множество людей, которые когда-то, как пресс, давили все живое, теперь – активные сторонники перестройки... Я убежден, что Высоцкий – будь он жив – государственной премии не получил бы. Художник устроен таким образом, что в самом идеальном обществе он будет чувствовать себя в какой-то степени изгоем. Воистину, дай ему линованную бумагу, он будет писать на ней поперек.

Артур Макаров ⁹⁵

Владимир Высоцкий

Я никогда не пел с чужого голоса*

Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов. Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз "уехал", несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить. Какие-то страшные казни мне придумывали. <...>

Раньше меня часто спрашивали в письмах: "Сколько лет вы сидели?". Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил, что здесь вот у меня – нож, вот тут – струйка крови, гитара сбоку растет и вообще – это "громадный, рыжего цвета человек". Сейчас, вроде, этот слух прошел: поняли, что не сидел или, во всяком случае, немного. Многие сплетни и разговоры кончились, когда я начал работать в Театре на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут. Одна девочка из Новосибирска меня спросила: "Правда, что вы умерли?". Я говорю: "Не знаю".

Однажды я был на концерте, где мне принесли стакан воды, а потом кто-то взял и сообщил в определенные инстанции, что я пил водку на сцене. Это часто бывает: всегда находятся люди в зале, которые приходят с какими-то странными целями, провокационными или еще какими-то, – в семье не без урода. Вот я работаю весь вечер на полной отдаче/.../. Идет разговор, который требует полной сосредоточенности. А кто-то один – либо с похмелья, либо еще с какими-то соображениями: кто с самого начала пришел, чтобы что-нибудь "этакое" сделать, – обязательно куда-нибудь напишет. И эту писанину где-то там будут разбирать, она найдет ход, будет двигаться и так далее. Это часто так бывает, такая происходит несправедливость: один написал, а полторы тысячи, которым понравилось и они просто ушли домой, все оценив, с благодарностью в душе, никуда не напишут. Вот в чем дело-то.

Я слышал много подделок под мои песни. Сейчас их делать стало труднее, потому что появилась хорошая аппаратура и сразу можно отличить мой голос от того, что подделано. А раньше подделок было очень много, и слушатели считали, что если кто-то хрипит, – это Высоцкий. <...> Эти песни мне очень вредят, меня часто по этому поводу вызывают, разговаривают со мной, дескать, как вам не стыдно, что вы делаете?! А несколько лет назад был специальный приказ по управлению культуры, мне запретили год выступать, и в приказе было названо несколько песен, которые мне вообще не принадлежат. Даже была целая статья в газете "Советская Россия" – "О чем поет Высоцкий?", где основные обвинения в мой адрес были построены не на моих песнях. А я никогда не пел "с чужого голоса" и никому не подражал, и вообще это занятие считаю праздным и довольно глупым. Я даже жаловался по поводу этой статьи, мне ответили, что "меры приняты", но я считаю, что приняты недостаточно. Потому что должен был кто-то написать такую же статью в такой же газете, которая так же широко читается, и сказать там, что "песни эти – не его, и обвинения в адрес Высоцкого сделаны ошибочно". Но, к сожалению, этого сделано не было.

У меня есть надежда, что песни мои могут доставлять радость людям. Я убежден, что разговоры, которые идут обо мне, что мои песни якобы вредны, – не-

состоятельны. А что касается "блатных" песен, которые я писал в молодости, – их можно воспринимать как пародии или не пародии, но я считаю, что в них тоже ничего плохого нет, потому что они с юмором, о действительных отношениях людей, а то, что кто-то в них "сидит" или "не сидит", – не имеет значения. <...> Главное, что я хочу сделать в своих песнях, – я хотел бы, чтобы в них ощущалось наше время. Время нервное, бешеное, его ритм, темп. Я не знаю, как это у меня получается, но я пишу о нашем времени, чтобы получалась вот такая общая картина: в этом времени есть много юмора, и много смешного, и много еще недостатков, о которых тоже стоит писать. ⁹⁶

*А с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской войне –
Говорит, что пишу ему: "Ваня!
Скучно, Ваня, – давай, брат, ко мне!"*

*Я уже попросился обратно –
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернусь, вероятно, –
Потому что я не уезжал!*

*Кто поверил – тому по подарку, –
Чтоб хороший конец, как в кино:
Забирай Триумфальную арку,
Налетай на заводы Рено!*

*Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?! –
Не волнуйтесь – я не уехал,
И не надейтесь – я не уеду!*

1970

*И сегодня и наемни
Только бредни, только бредни,
И третьёго тоже дни –
Только бредни, всё они!*

1971

Банька по-чёрному

Копи!

Ладно, мысли свои вздорные копи!

Топи!

Ладно, баню мне по-чёрному топи!

Вопи!

Всё равно меня утопишь, но – вопи!

Топи!

Только баню мне как хочешь натопи.

Ох, сегодня я отмаюсь,

эх, освоюсь!

Но сомневаюсь,

что отмоюсь!

Не спи!

Где рубаху мне по пояс добыла?!

Топи!

Ох, сегодня я отмоюсь добела!

Кропи!

В бане стены закопчённые кропи!

Топи!

Слышишь, баню мне по-чёрному топи!

Ох, сегодня я отмаюсь,

эх, освоюсь!

Но сомневаюсь,

что отмоюсь!

Кричи!

Загнан в угол зельем, словно гончей – лось.

Молчи!

У меня давно похмелье кончилось.

Терпи!

Ты ж сама по дури продала меня!

Топи!

Чтоб я чист был, как щенок, к исходу дня!

Ох, сегодня я отмаюсь,

эх, освоюсь!

Но сомневаюсь,

что отмоюсь!

Купи!

Хоть кого-то из охранников купи!

Топи!

Слышишь, баню ты мне раненько топи!

Вопи!

Всё равно меня утопишь, но – вопи!

Топи!

Эту баню мне как хочешь, но топи.

Ох, сегодня я отмаюсь,

эх, освоюсь!

Но сомневаюсь,

что отмоюсь!

1971

Песня конченого человека

Истома ящерицей ползает в костях,

И сердце с трезвой головой не на ногах,

И не захватывает дух на скоростях,

Не холодеет кровь на виражах.

И не прихватывает горло от любви,

И нервы больше не внатяжку,

– хочешь – рви, –

Провисли нервы, как верёвки от белья,

И не волнует, кто кого, – он или я.

На коне, –

толкани –

я с коня.

Только не,

только ни

у меня.

Не пью воды – чтоб остыли зубы – питьевой

И ни событий, ни людей не тороплю.

Мой лук валяется со сгнившей тетивой,

Все стрелы сломаны – я ими печь топлю.

Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так...

Не вдохновляет даже самый факт атак.

Сорви-голов не принимаю и корю,

Про тех, кто в омут с головой, – не говорю.

Девять лет я прошу об одном – дать мне возможность живого общения со зрителем, отобрать песни для концертов, согласовать программу. Почему я поставлен в положение, при котором мое граждански ответственное творчество поставлено в ряд самостоятельности? Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая поет и слушает мои песни, несмотря на то, что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации. Но я вижу, как одна недалёковидная неосторожность работников культуры, обязанных непосредственно решать эти вопросы, прерывает все мои попытки к творческой работе в традиционных рамках исполнительской деятельности! Этим невольно провоцируется вопрос большой порции магнитофонных подделок под меня. К тому же мои песни, в конечном счете, жизнелюбивы, и мне претит роль "мученика", эдакого "тонкого поэта", которую мне навязывают. Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей не только современных, но и жизненно необходимых нашему обществу. <...> Это не простая проблема, но верно ли решать ее, пытаюсь заткнуть мне рот или придумывая для меня публичные унижения? Я хочу только одного – быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить...

В.С.Высоцкий – в отдел пропаганды ЦК КПСС, 24.6.1968 97

В.С.Высоцкий – министру культуры СССР, 1973 98

**Но наградою нам за безмолвие
Обязательно будет звук!**

Он терпеть не мог охотников*

Он настолько отвергал насилие, что подозрительно относился к людям, накачивающим мышцы:

— Мне кажется, они готовятся кого-то бить. Скорее всего, слабых.

В один из вечеров с Володей приезжаем на Малую Грузинскую, зашли в квартиру, включили телевизор. На экране — известный тогда международный обозреватель. Володя смотрел-смотрел и говорит: "И где только они такие рожи находят?! Ну явно на лице — ложь". Володя предложил мне сесть в другой комнате. Каждому предстояло составить список из ста фамилий — самых неприятных, на наш взгляд, людей. Первая четверть у нас совпала, хотя порядок был разным, примерно семьдесят процентов фамилий у нас были одни и те же, а под четырнадцатым номером у нас с Володей был один и тот же человек. <...>

И конечно, ему очень хотелось напечататься, как всякому поэту. И переживал, что не печатали, — он же был очень ранимый. А в последние годы мог напечататься — это переделать, это выбросить... Но Володя же не шел ни на какие компромиссы!

Одного молодого парня Володя попросил разобрать свои рукописи. Все было разобрано, разложено... И этот парень говорит, что он с кем-то там разговаривал, и стихи напечатали бы, если бы их чуть-чуть переделать... На что Володя сказал: "Тогда, молодой человек, это были бы ваши стихи, а не мои".

Последнее время ловили каждое его слово. Он же расшевелил весь народ. А все те, которые жили у кормушки, они прекрасно понимали, что Высоцкий — личность. И все они ненавидели его. А вот когда их вышвыривали в пережеванное стадо им подобных — вот тогда они говорили: "Да... Высоцкий — это талант!.."

В последние три-четыре года многое пересмотрел в жизни, стал резче, жестче. Часто отказывался сниматься — говорил: "Раньше я хотел, а вы не хотели. А теперь я не хочу". И ничего не переделывал. "Да — да. Нет — нет".

Однажды телефонный звонок... "Вы не могли бы дать концерт для работников секретариата ЦК?" (Володя показывает мне: "Возьми другую трубку...") — "В ближайшие месяцы я совершенно не располагаю временем". (Я ему: "Ты что, с ума сошел?" А женщина, которая говорила, даже поперхнулась...) — "А если вам позвонит один из секретарей?" — "Я же сказал, что совершенно не располагаю временем".

Почему песни не брали? Да нет у него почти ни одной песни без подтекста. У него в каждой строчке столько философии!.. С концертами бывало так: все билеты проданы, и люди пришли, а какой-нибудь дурак отменяет. Вовка расстраивался, конечно... Говорил так: "Вы можете как угодно объяснять, но что я не приехал или пьяный!.. выйду и скажу людям сам...". <...>

Про сталинские лагеря Володя знал не только по моим рассказам. <...> Знал и до меня, но мы с Володей обстоятельно на все эти темы переговорили. Я

был осужден по 58-й статье за стихи Есенина и пластинки Вертинского. Тогда я плавал штурманом, ходил в загранку. Попал в лагерь и на восьмой день убежал. Поймали. Потом еще шесть побегов, нахватал разных статей, — в общем, получилось двадцать пять лет. У Володи есть песня "Был побег на рынок..." — она написана по моим рассказам. <...>

Слушал Володя мои рассказы про зону, про порядки, про "законы" и сказал: "Похоже на игру, только на страшную игру". А однажды спросил меня: "Слушай, Вадим, неужели у тебя бывало такое — ты засыпал и не знал: проснешься ли живым?!" <...>

Последнее время близких людей было мало — стал нелюдимым, хотя это слово к нему мало подходит. Со многими раздружился — сам так говорил. Хотя встреч было много, разные были встречи... Вовка без этого жить не мог... Мог встретить совершенно незнакомого парня и проговорить с ним четыре часа. А если человек ему не нравился как человек, в течение минуты мог измениться. Что-то в нем самом менялось — как-то по-особенному улыбался, переставал говорить... Сам смеялся искренне и настораживался, если кто-то неискренне смеялся.

Кстати, Володя терпеть не мог охотников. Однажды он мне говорит про одного нашего общего знакомого: "Такой хороший парень, а убивает... Давай уговорим его, чтоб не убивал!" — "Вовка, это будет трудно..." Я сам охотников тоже не люблю. <...>

Июль. Должен был лететь ко мне... Не доехал до аэропорта — вернулся. 23-го я прилетаю в Москву, из аэропорта — прямо к нему. Нина Максимовна: "Володе плохо..." Решили вызвать врачей — обычно его забирали в Склифосовского. Врачи — знакомые ребята — приехали уже без меня. Видят такое дело: "Давайте его заберем..." Но не было свободного бокса, эта бригада работала через день, и решили забрать его 25-го утром... <...>

Я звонил часа в два, врач ответил: "Все нормально, спит..." И вот без двадцати четыре звонит врач. "Приезжайте, Володя умер". <...>

Похороны. В катафалке сидели рядом с Мариной. Никогда не видел ее такой растерянной, потрясенной и испуганной. Ведь что творилось. Сотни тысяч пришли попрощаться с Володей. Она прижалась ко мне и говорит: "Вадим, я видела, как хоронили принцев, как хоронили королей, но ничего подобного я никогда не видела". <...>

В первые годы, когда мы только что познакомились, я спрашивал его после концертов: "Володя, а народу было много?" Он быстро это схватил и потом: "Вадим, народу было много", — всегда были первые его слова.

Вы понимаете, ведь жил один из интереснейших людей нашего времени. Я его любил и как человека, и как поэта. Я в жизни повидал интересных людей, но глубже и интереснее Володи я не встречал.⁹⁹

Володя не хотел умирать. Он хотел жить! У него были большие планы. Володя мечтал когда-нибудь проехать всю Колыму — от Магадана до Индигирки, побывать в таких местах, где были самые страшные штрафные лагеря. Он готовился к этому и собирался снять фильм. Когда я говорил: "Не разрешат", он отвечал: "Разрешат". Потом улыбался и добавлял: "Я сделаю, разрешат..."¹⁰⁰

- Черты, характерные для твоего друга.
- Терпимость, мудрость, ненавязчивость.
- Любимые черты в характере человека.
- Одержимость, отдача (но только на добрые дела).

И не хочу ни выяснять, ни изменять
И ни вязать и ни развязывать узлы.
Углы тупые можно и не огибать,
Ведь после острых – это не углы.

Свободный ли, тугой ли пояс – мне-то что!
Я пули в лоб не удостоюсь – не за что.
Я весь прозрачный, как раскрытое окно,
И неприметный, как льняное полотно.

Не ноют раны, да и шрамы не болят –
На них наложены стерильные бинты.
И не волнуют, не свербят, не тербят
Ни мысли, ни вопросы, ни мечты.

Любая нежность душу не разбередит,
И не внушит никто, и не разубедит.
А так как чужды всякой всячины мозги,
То ни предчувствия не жмут, ни сапоги.

Ни философский камень больше не ищу,
Ни корень жизни,
– ведь уже нашли женьшень.

Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу
И не надеюсь поразить мишень.

Устал бороться с притяжением земли –
Лежу, – так больше расстоянье до петли.
И сердце дёргается словно не во мне, –
Пора туда, где только ни и только не.

На коне, –
толкани –
я с коня.

Только не,
только ни
у меня.

1971

Беда

Я несла свою Беду
по весеннему по льду, –
Обломился лёд – душа оборвалась –
Камнем под воду пошла, –
а Беда – хоть тяжела,
А за острые края задержалась.

И Беда с того вот дня
ищет по свету меня, –
Слухи ходят – вместе с ней – с Кривотолками.
А что я не умерла –
знала голая ветла,
И ещё – перепела с перепёлками.

Кто ж из них сказал ему,
господину моему, –
Только – выдали меня, проболтались, –
И от страсти сам не свой
он отправился за мной,
Ну а с ним – Беда с Молвой увязались.

Он настиг меня, догнал –
обнял, на руки поднял, –
Рядом с ним в седле Беда ухмылялася.
Но остаться он не мог –
был всего один денёк, –
А Беда – на вечный срок задержалась...

1971

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, –
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, –
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Высоцкий и золотоискатели тумановской артели... Что их роднило, почему между ними, как выясняется, существовала длительная и прочная связь? В этом ли только дело, что на приисках Володя впитывал в себя дух романтики, которой проникнуто его творчество, обретал для своих песен прообразы героев-первопроходцев? Думается, причина тут более глубокая. В том иллюзорном мире ожидания светлого будущего, в который мы были тогда погружены, Высоцкий и старатели "Печоры" были островками подлинного, реальными оазисами среди обманчивых миражей. Подлинность Высоцкого заключалась в предельной правдивости его искусства, подлинность Туманова и его соратников – в следовании в жизни и труде извечным законам бытия, в основе которых лежит принцип свободного самораскрытия человеческой личности. Бросив каждый по-своему вызов царству лжи, они почувствовали, что сделаны из одного теста, и полюбили друг друга. Формально они оба потерпели поражение. Погиб Высоцкий, была разгромлена "Печора". Но сейчас становится ясно, что это была пиррова победа обреченной системы. <...> Искусство Высоцкого прорастает в душах освобождающихся от лжи людей и помогает этому освобождению.

Виктор Тростников 101

Михаил Шемякин

О Володе

Мне трудно писать о нем. Слишком много нахлынуло воспоминаний. Слишком громадным явлением был он в моей жизни. "Дружба с великим человеком – дар богов", – произнес когда-то Корнель. И я, тоскуя о безвозвратной потере, благодарю Бога за то, что знал эту великую, благородную душу. Мифы, вымыслы о Высоцком зачастую совершенно искажали образ Высоцкого как человека. Все то разгульное, бесшабашное, разбойничье, что проскальзывало во многих его песнях, принималось иногда за сущность его души. И мало кто знал, что Володя больше всего любил тишину... <...>

Как же я мог, столкнувшись с такой громадной личностью, как Володя Высоцкий, упустить этот момент? Естественно, я сразу понесся в магазин. Естественно, я купил самые лучшие магнитофоны. Естественно, я быстро натренировался записывать и сказал: "Володя, давай начнем работать. Тебе нужно, чтобы у тебя все, что ты создал, было записано. Хронологически, не хронологически, но ты обязан все это сделать на самом высоком уровне". Поэтому были куплены лучшие микрофоны для гитары и для голоса отдельно, чтобы записывать как можно лучше. И я буквально его стал терзать, чтобы он начал работать. Пускай потом будут беседы. Потом мы можем посидеть за столом, но сначала – работа.

И это у него после вошло уже в привычку. Он врывался ко мне, уже держа в руках свою тетрадь и, поставив ее на мольберт, начинал петь. Перелистывал, поэтому на многих записях можно слышать, как он шуршит бумагой, а иногда он забывал очки, потому что незадолго до смерти Володя уже довольно плохо видел. Вот так начинались эти записи. Самое свежее, самое новое, что он привозил. Он чувствовал, что получается действительно интересное, историческое. А когда в издательстве "ИМКА-пресс" вышли сборники записей русских бардов (записи ужасного качества, но стихи-то были собраны), Володя мне сказал: "А ты знаешь, давай повторим все, что я написал, но восстановим в новой уже редакции". Он уже сам чувствовал, что душа его окрепла, голос окреп, окрепло даже понятие собственного творчества. Он начинал петь, и как по-новому он все исполнял! <...>

Как вижу я удивительные прозрения Володиного творчества? Это были моменты чудовищного духовного обнажения, когда, казалось, грудная клетка разорвана и можно увидеть в ней окровавленное сердце поэта, человека. Это были моменты всеобъемлющего духовного проникновения и всепоглощения. Без этого он не мог жить, не мог петь, не мог существовать. Но за все эти чудовищные взлеты нужно было платить – платить мотками издерганных нервов, перебоями усталого сердца, загулами. <...>

Володя всегда поражал меня своей деликатностью и тонким отношением к людям. Человек великих прозрений, он жил с ободранной кожей. Он как бы боялся случайно, ненароком причинить боль чужой душе. И безмерно дорого платил судьбе за этот свой

Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, –
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть!

Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

1972

Мои похорона

Сон мне снится – вот те на:
Гроб среди квартиры,
На мои похорона
Съехались вампиры, –

Стали речи говорить –
Всё про долголетие, –
Кровь сосать решили погодить:
Вкусное – на третье.

В гроб вогнали кое-как,
А самый сильный вурдалак
Всё втискивал, и всовывал,
И плотно утрамбовывал, –
Сопел с натуги, сплёвывал
И жёлтый клык высовывал.

Очень бойкий упырёк
Стукнул по колену,
Подогнал – и под шумок
Накусил мне вену.

дар. Я всегда преклонялся перед ним как человеком, бесконечно чтил его как творца. Он сложившийся Мастер – великий художник. ¹⁰²

Почему сильна его поэзия? Потому что он брал ее – из жизни. Он жил ею. Это не просто набор слов – красивых, вообще... Это жизнь, это анализ, синтез, это конструкция его мышления, конструкция его души. <...> Он сделал то, чего до него не делал никто, – синтез абсолютно бесшабашной русской души – с трезвым мышлением гениального философа. Володя был настоящим метафизиком, в глубине души. <...>

Обычно считают, что художник – пьяница, поэт – само собой разумеется. Писатель, музыкант... Когда-то Ван-Гог сказал: "Ха, Микельанджело обвиняют в пьянстве. Хотел бы я посмотреть на этого пьяницу, который работает на таких лесах, делает такие вещи, и в состоянии не свергнуться вниз!" Образ Высоцкого в русском сознании тоже складывается, как образ такого поэта-хулигана, – полу-Маяковский, полу-Есенин, и еще покруче, а на самом деле – когда Володя пил, петь или говорить он просто не мог... <...>

Дружба – это не значит каждый день друг другу звонить, здороваться и занимать рубли... Это просто желание узнавать друг о друге, что-то слышать и довольствоваться хотя бы тем, что вот мой друг здоров, и пускай еще здравствует.

Люди не понимают простого: для того, чтобы Володе создавать его вещи, ему нужно было быть абсолютно, предельно, четко трезвым – как хирургу, который делает операции на глазу: рука не имеет права дрогнуть – будет разрезан нерв – и конец глазу. Володя выполнял эту операцию с блеском; когда Володя творил – он был трезв. Все его творчество – это творчество одного из трезвейших и самых печальных аналитиков земли русской. Не пьяница он, как по песням кажется, не гуляка – нет! Володя Высоцкий – это человек, которого нужно понимать абсолютно по-другому. Мне выпало счастье познать его как человека, познакомиться с ним, узнать глубину его души, его чуткость, его боль. <...>

Есть один судья – Время. Вот, время прошло, казалось бы, небольшое, и вдруг выяснилось – что толпы людей идут уже не к могиле Неизвестного солдата, а к Володе. <...> Вот они как раз и явились судьями. Не Союз писателей, который его после этого всего, с экивоками так, с брезгливой ухмылочкой – вроде бы, так сказать, "одобрил". Нет. Время, земля, народ, дух, Той страны, в которой поэт родился, в которой он прожил – и которой он отдал всю свою жизнь. <...>

Когда он ушел, мне стало пусто-пусто-пусто-пусто... Трудно представить даже, как пусто. И сейчас я живу и всегда знаю: он ждет меня, он говорит: "Не твори глупостей, не уходи раньше времени! Поживи, поживи, поживи..."

Он приходил ко мне, сколько раз, после смерти... Пришел однажды – веселый-веселый-веселый, и говорит: "Мишка, ты знаешь, я умер!" Я говорю: "Я знаю!.." (Так страшно!) "...Вообще, что же ты?.." "Ой, Мишунь, ты даже не представляешь, как прекрасно! Ты знаешь, я брожу по Москве..." "Ну и что?" (Что мне – Москва?) "Нет, я брожу по Москве – старинной! Это все фигня! Ты знаешь, вот я как будто с облаков слетаю, прихожу, открываются двери – кабак! Сидят русские мужики, и я – пою!.. Мишка, это такой кайф! Это грандиозно! Москва, Москва... И, самое главное, я вхожу – и выхожу! – когда хочу. Я всегда – там, и меня – нет! Но мне так хорошо, в этой Москве..."

Я проснулся – за Володку – счастливый такой! Он приходил, я знаю, это истина. И говорит: "Я сижу – как на облаке, вхожу, играю... кабаки... И выхожу... И снова..."¹⁰³

*А умудрённый кровосос
Встал у изголовья
И очень вдохновенно произнёс
Речь про полнокровие.*

*И почётный караул
Для приличия всплакнул, –
Но я чуку взглядов серию
На сонную мою артерию:
А если кто пронзит артерию,
Мне это сна грозит потерю.*

*Погодите, спрячьте крюк!
Да куда же, чёрт, вы!
Я же слышу, что вокруг, –
Значит, я не мёртвый!*

*Яду капнули в вино,
Ну а вы набросились, –
Опоить меня хотели, но
Опростоволосились.*

*Тот, кто в зелье губы клал, –
В самом деле дуба дал, –
Ну а на меня – как рвотное
То зелье приворотное:
Здоровье у меня добротное,
И закусил отраву плотно я.*

*Так почему же я лежу,
Дурака валяю, –
Ну почему, к примеру, не заржу –
Их не напугаю?!*

*Я ж их мог прогнать давно
Выходкою смелою –
Мне бы взять пошевелиться, но
Глупостей не делаю.*

*Безопасный как червяк,
Я лежу, а вурдалак
Со стаканом носится –
Сейчас наверняка набросится, –
Ещё один на шею косится –
Ну, гад, он у меня допросится!*

*Кровожадно вопия,
Высунули жалы –
И кровиночка моя
Полилась в бокалы.*

*Погодите – сам налью,
Знаю, знаю – вкусная!..
Ну нате, пейте кровь мою,
Кровососы гнусные!*

*А сам – и мышцы не напряг,
И не попытался сжать кулак, –
Потому что кто не напрягается,
Тот никогда не просыпается,
Тот много меньше подвергается
И много дольше сохраняется.*

*Вот мурашки по спине
Смертные крадутся...
А всего делов-то мне
Было, что – проснуться!*

*...Что, сказать, чего боюсь
(А сновиденья – тянутся)?
Да того, что я проснусь –
А они останутся!..*

1971

*Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно – видим только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь один – туда, куда толпа.*

Петр Вайль, Александр Генис Шампанское и политура

<...> Высоцкий – это по-настоящему народное искусство в том смысле, что оно идет из глубины национального самосознания, и все, что он творит, растворяется в стране как свое, родное, от сохи.

Высоцкий как-то сразу нащупал свою тему: русский человек, и что из него сделала советская власть. <...> Высоцкий чутко улавливает все мелкое, так незаметные постороннему детали нашей жизни. Он знает ее до последней черточки, и образ его русского двойствен, как герой песни: "Могу одновременно грызть стаканы и Шиллера читать без словаря!".

Вот тот настоящий конфликт, который должен питать его творчество и часто делает его песни настоящими стихами – Россия и СССР. Русский и советский. Шампанское и политура. <...>

В стране, где анекдот выполняет функции газеты, трудно придумать лучший вид комментария к происходящим событиям, чем неподвластная цензору песня. Высоцкий как акын: что видит, про то и поет. И уж не его вина, что поет он только про плохое.

После всего сказанного можно, вроде бы, взять и подумать, что Высоцкий-бард – философ и публицист. Отчасти это так, но его многогранное творчество этим далеко не исчерпывается. Высоцкий еще и поборник жанра, создавший несколько высокохудожественных, не очень высокохудожественных и совсем не высокохудожественных песен. Понятно, что на одной философии и публицистике тут не уедешь – тут надо быть приверженцем песенной поэзии как таковой, искусства ради искусства. Песни, стих стремятся отрешиться от собственных слов и смысла, врываясь в сферу чистого жанра, здесь уже не допуская никакой градации – здесь все высокохудожественно.

Это – результат того самого эффекта сотворчества "под рюмку" и святой веры в крамольность Высоцкого, в которую, кажется, свято поверил и он сам. Высоцкий, хрипя и рвя струны, изобрел небольшой, но очень производительный станочек для печатанья самых подлинных ассигнаций. И как-то забылся – ручка вертится легко, педаль не тугая, мотор поет – и ненароком наводнил рынок. Началась инфляция. Который Высоцкий – сделанный добротнo, а который – штамповка в штурмовщину? А разве важно? Теперь уже – разве важно? Ведь стоит клеймо, и как джинсы фирмы "Ли" – где ни шей, все расхвывается. <...>

Необходимая часть функционального соавторства – чтение между строк – обращивается бессмысленными поисками запретного там, где его нет. А Высоцкий все намекает, все нагнетает, и с такой, бывало, мощью, такой пушечной по воробьям силой, что-нибудь этакое пустяковое загнет, что, содрогнувшись и стряхнув мурашки, задумаешься: "А вдруг, а может?.." Нет, – может, но не хочет! <...> Раздается по Советскому Союзу намекающий рев вместо смысла, и слабеют колени школьников, и напиваются студенты и учащиеся, и переглядываются доктора наук. А Высоцкий спекулирует на Высоцком. <...>

Высоцкого поют. Поют так, как не пели никогда и никого в России. <...> Да не так это сложно, и не то чтобы запрещено. Киноактер Владимир Высоцкий снялся в двух десятках советских фильмов и в каждом пел. Актер Театра на Таганке Владимир Высоцкий больше десяти лет играет на сцене. Бард Высоцкий записал с полдюжины пластинок – вплоть до партии попугая из "Алисы в стране чудес". Короче говоря, Высоцкий – отнюдь не Галич. при всем запрете на Высоцкого, Высоцкий не запрещен. Не разрешен, но и не запрещен.

Популярна не только песня, но и ее создатель. Высоцкий – это не только автор, но и герой. Этот образ составляет целый комплекс понятий: модель поведения, *modus vivendi*. По Высоцкому можно жить. Дружить и даже противостоять властям. Комплекс "Высоцкий" учитывает особенности многогранной советской жизни – это нечто среднее между комплексом "ГТО" и комплексом неполноценности. Сильный и благородный человек-хищник, искренний и истеричный в дружбе и в ненависти, первый любовник и первый герой, Высоцкий всегда играет "Высоцкого". <...>

Но главное – это Высоцкий страшных деревенских "Смотрин", страшного городского "Диалога", страшного союзного "Дома". Потому что, отбросив анализ особенностей, мотивов и тенденций, надо оставить лишь одно: "Ведь может же!" <...> Потому что в лучших песнях Высоцкого – подлинное гражданское отчаяние, глубина понимания песни и любви к ней.¹⁰⁴

Много лет назад, когда популярность Высоцкого только-только набирала обороты, я заметил, пожалуй, главную особенность его песен: лишние аккомпанемента и голоса, они – за редким исключением – не становятся стихами. Читать их трудно, а порой вовсе невозможно. Аритмичность, нарушение размера, неумелая рифмовка, множество необязательных и неточно используемых слов, небрежность... <...> Высоцкий не тянет ни на философскую простоту Окуджавы, ни на высокую зрелость Галича. Он мельче. <...> Смелость Высоцкого была строго дозирована и существующего у нас порядка вещей практически не затрагивала. <...> Нашему высокому начальству просто не за что было гневаться на Высоцкого, ибо он никому и ничему не мешал. <...> Умеренно талантливый актер, скорее характерный, чем универсальный, и уж во всяком случае – безо всяких признаков выдающегося; весьма слабый поэт, а композитор – и вовсе никакой; правда, в качестве исполнителя мог порадовать, но ненадолго: очень скоро хриплый, без обертонов, хотя и хорошо поставленный голос начинал утомлять, а содержание песен слишком примитивно, чтобы держать в напряжении.

Марк Дейч¹⁰⁵

В.Маслов

Не только возмущаться*

Энгельс когда-то образно сказал, что для знакомства с Францией эпохи первоначального накопления не нужно листать толстых статистических сборников, достаточно прочитать Бальзака. Если бы основоположник "научного социализма" дожил до наших дней и захотел познакомиться с социализмом в СССР, построенным отчасти и по его рецептам, ему достаточно было бы прослушать ленту с песнями Высоцкого... О "переходной эпохе от социализма к коммунизму" он узнал бы из них не меньше, чем в свое время узнал об эпохе первоначального накопления из Бальзака. <...> Все, что интересует страну, вы найдете в песнях Высоцкого. Все, чему она радуется, вы тоже найдете в них. Все, что ее возмущает, вы также в них найдете. Все самое лучшее, что в ней есть, и самое худшее, что в ней есть, вы опять же найдете в них.

Обличительная тенденция очень сильна в песнях Высоцкого, но лишь в немногих из них он сознательно выступает в роли обличителя. В других он просто запечатлевает жизнь такой, какая она есть, не сгущая красок и не призывая "к топору". Он умеет не только в о з м у щ а т ь с я – для этого у него слишком богатая фантазия; он умеет все – смеяться, плакать, любить, ревновать, тосковать, издеваться, испытывать жалость, проявлять равнодушие и жестокость и быть циничным, и это не только не обесценивает его творчества, но придает ему убедительность и силу подлинного реализма. <...>

Откуда у Высоцкого такое тонкое понимание психологии его героев, откуда у него такое острое чувство их языка? Он полиглот своего рода, он говорит на многих языках: в песнях о ворах – на языке воров, в песнях о спортсменах – на языке спортсменов, в песнях о космонавтах – на языке космонавтов. Из песен его невозможно определить, к какому слою он принадлежит сам и на каком языке он говорит, когда он не поет. Или жизненный опыт Высоцкого так богат и разнообразен, что позволяет ему легко переходить от одного языка к другому и с одинаковой легкостью изображать представителей всех слоев советского общества со всеми их проблемами, или его на редкость тонкая и живая фантазия позволяет ему это, но только, слушая его песни, не перестаешь удивляться его таланту п о д р а ж а т ь. Он неподражаемый подражатель.¹⁰⁶

*И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идет по замкнутому кругу.
И круг велик, и сбит ориентир.*

*Дождём размыта и грязна палитра,
Врываются галопы в полонез,
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.*

*Ничьё безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервёт.
Не есть ли это вечное движенье –
Тот самый бесконечный путь вперёд?*

1972

Королевское шествие

*Мы bravo и плотно сомкнули ряды,
Как пули в обойме, как карты в колоде.
Король среди нас – мы горды,
Мы шествуем бодро при нашем народе.*

*Падайте лицами вниз, вниз, –
Вам это право дано.
Пред королём падайте ниц
В слякоть и в грязь – всё равно!*

*Нет, нет, у народа не трудная роль:
Упасть на колени – какая проблема!
За всё отвечает король,
А коль не король – ну, тогда королева!*

*Света светлейших их лиц, лиц
Вам рассмотреть не дано.
Пред королём падайте ниц
В слякоть и грязь – всё равно!*

1973

Песня Кэрролла

*Этот рассказ мы с загадки начнём –
Даже Алиса ответит едва ли:
Что остаётся от сказки потом –
После того, как её рассказали?*

Андрей Синявский

От имени живой России*

До сих пор мы не вышли из полуфольклорного состояния, когда словесность не имеет силы расправить крылья в книге и пробавляется изустными формами. Но эта участь (участь всякого подневольного искусства) по-своему замечательна, и поэтому мы в награду за отсутствие печатного станка, журналов, театров, кино /.../ получили своих беранжеров, трубадуров и менестрелей – в лице блестящей плеяды поэтов-песенников. Я не стану называть их имена – эти имена и так всем известны, их песни слушает и поет вся страна, празднуя под звон гитары день рождения нового, нигде не опубликованного, не записанного на грамофонную пластинку, поруганного, загубленного и потому освобожденного слова.

*У меня гитара есть –
Расступитесь, стены,
Век свободы не видать
Из-за злой фортуны,
Перережьте горло мне,
Перережьте вены,
Но только не порвите
Серебряные струны...*

Так поют сейчас наши народные поэты, действующие вопреки всякой теории и практике насждаемой сверху "народности", которая, конечно же, совпадает с понятием "партийности" и никого не волнует, никому не западает в память, и существует в разреженном пространстве – вне народа и без народа, услаждая лишь слух начальников, да и то пока те бегают по кабинетам и строчат доклады друг другу, по инстанции, а как поедут домой, да выпьют с устатку законные двести грамм, так и сами слушают, отдуваясь, магнитофонные ленты с только что ими зарезанной одинокой гитарой. Песня пошла в обход поставленной между словесностью и народом, неприступной, как в Берлине, стены и за несколько лет буквально повернула к себе родную землю. Традиции старинного городского романа и блатной лирики здесь как-то сошлись и породили совершенно особый, еще неизвестный у нас художественный жанр, заменивший безличную фольклорную стихию голосом индивидуальным, авторским, голосом поэта, осмелившегося запеть от имени живой, а не выдуманной России.¹⁰⁷

Умер Владимир Высоцкий. Умер неправдоподобно молодым. В 42 года. В самом расцвете своих творческих сил. Его популярность в нашей стране была поистине грандиозной. Он работал в самом лучшем театре страны, он был известнейшим киноактером, а песни Высоцкого звучали в каждом доме России. «Магнитиздат» — явление чисто советское, вызванное гнетом цензуры. «Магнитиздат» дал нашей культуре Галича, Окуджаву, Кима и еще десятки прекрасных имен. Но и среди них Высоцкий выделялся своей универсальностью: песни Высоцкого действительно пела вся страна — и в маленьких рыбацких поселках, и в общежитиях больших заводов, и в студенческих клубах, за колючей проволокой лагерей и на дачах высокопоставленных советских чиновников. У Высоцкого был огромный талант, возможно, интуитивный — понимать суть вещей. Поэтому герои песен Высоцкого: подводники и альпинисты, уголовники и пьяницы, спортсмены и солдаты, ударники производства и еврей-отказники, пограничники на «нейтральной полосе» и обыкновенные Зина и Ваня, смотрящие телевизор, — это всё, как говорится, простые советские люди, со всеми своими заботами, горестями и радостями. Высоцкий пел про то, чем живет и о чем думает народ, а потому был истинно народным певцом современной России. И та стихийная многотысячная демонстрация, которая, несмотря на все усилия официальных властей, состоялась на похоронах Высоцкого, лишь подтверждает, что наш народ умеет ценить своих поэтов. За свою короткую жизнь Владимир Высоцкий успел сделать неправдоподобно много. Его сотни прекрасных песен останутся навсегда в русской культуре. Парадоксально, но факт: в основном пластинки Высоцкого изданы не на родине, а за границей. Но песням Высоцкого не страшна колючая проволока погранзастав. Русская культура была и остается единой. Мы склоняем голову над твоей могилой, Володя...

В. Аксенов, А. Гладилин, В. Максимов, В. Некрасов ¹⁰⁸

*Где, например, волшебный рожок,
Добрая фея куда улетела?
А? Э-э!.. Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело.*

*Они не испаряются, они не растворяются,
Рассказанные в сказке, промелькнувшие во сне:
В Страну Чудес волшебную они переселяются, —
Мы их, конечно, встретим в этой сказочной стране...*

*Много неясного в странной стране —
Можно запутаться и заблудиться, —
Даже мурашки бегут по спине,
Если представить, что может случиться!*

*Вдруг будет пропасть — и нужен прыжок?
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э-э!.. Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело.*

*Добро и зло в Стране Чудес —
как и везде — встречаются,
Но только здесь они живут на разных берегах.
Здесь по дорогам разные истории скитаются
И бегают фантазии на тоненьких ногах...*

*Ну и последнее: хочется мне,
Чтобы всегда вы меня узнавали, —
Буду я птицей в волшебной стране —
"Птица Додо" меня дети прозвали.*

*Даже Алисе моей невдомёк,
Как упакуюсь я в птичье тело.
А? Э-э!.. Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело.*

*И не такие странности в Стране Чудес случаются!
В ней нет границ, не нужно плыть,
бежать или лететь —
Попасть туда не сложно, никому не запрещается, —
В ней можно оказаться — стоит только захотеть.*

*... Не обрывается сказка концом.
Помнишь, тебя мы спросили в начале:
Что остаётся от сказки потом —
После того, как её рассказали?*

*Может, не всё, даже съев пирожок,
Наша Алиса во сне разглядела.
А? Э-э!.. Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело.*

*И если кто-то снова вдруг проникнуть попытается
В Страну Чудес волшебную в красивом добром сне, —
Тот даже то, что кажется, что только представляется,
Найдёт в своей загадочной и сказочной стране.*

1973

Королевский крохей

*Король, что тыщу лет назад над нами правил,
Привил стране лихой азарт игры без правил.
Играть заставил всех графией и герцогией,
Вальтей и дамов в потрясающий крохей.*

*Название крохея от слова "кроши",
От слова "кряхти", и "крути", и "круши".
Девиз в этих матчах: "Круши, не жалей!"
Даёшь королевский крохей!*

1973

Злой рок русской поэзии: за редким исключением, все сколько-нибудь значительное погибает, едва успев расцвести. Этой трагической участи не избежал и Владимир Высоцкий — артист, поэт, композитор — редкостного и неповторимого дарования. Но и недоиграв, недопев, недописав, он оставил нам так много, что о нем еще долго невозможно будет сказать "был". Он — "есть". Во всяком случае, до конца нашего поколения.

Владимир Максимов ¹⁰⁹

Давид Самойлов

Взамен бодрых песнопений*

Вместе с укреплением всенародной известности Высоцкого стала определяться и оппозиция его творчеству. Частично входят в нее люди, которые во всякой славе видят результат рекламы или даже злой деятельности по отравлению народа чуждыми ему понятиями и вкусами. Эти обычно прибегают к методам компрометации, недозволенным в приличном обществе. О них говорить не стоит.

Есть и другие, так сказать – теоретики, в теорию которых никак не укладывается Высоцкий, и потому они склонны считать, что слава его искусственно создана в среде "столичных снобов", которым почему-то легковверно следует простодушный народ. Обе категории – ругатели и "теоретики" – сходятся в своей подозрительности, но вторым все же хочется возразить, поскольку в теории их есть как будто рациональное зерно. Они утверждают, что культура XX века непереходимо разделена на элитарную и народную. В этих понятиях – так, как их трактуют противники Высоцкого, – много неувязок. Только ли в XX веке есть элитарная культура и что это такое? Являются ли Вольтер и Гете, русский философ Владимир Соловьев представителями элитарной или народной культуры? Нет ли переходов между той и этой? Не становятся ли достижения элиты постепенно доступны массам, не расширяется ли со временем объем народной культуры? Не лучше ли говорить о единой национальной культуре, основанной на единстве нравственных понятий народа и творцов его искусства и философии. Есть ли разница между массовой культурой и народной? Кто кому дал преимущественное право на толкование смысла и содержания народной культуры? Вот такие вопросы хочется поставить перед противниками и даже сторонниками творчества Высоцкого именно сейчас.¹⁰

Потребность в "неформальной" песне взамен звучавших по радио и с эстрады бодрых песнопений назрела в середине 50-х годов во всех слоях нашего общества. Такие песни появились не сразу. <...> Высоцкий творил в духе и во вкусе начального периода авторской песни, отражая одну из ее тенденций. <...>

Он сочинял много, пел щедро. Ранние стилизации отходили на второй план. Друзья поддерживали уверенность артиста в общественной необходимости его творчества. В серьезных разговорах о явлениях и событиях жизни он выработывал позицию и черпал темы для своих песен. Уже не "были московского двора" питали его вдохновение, а серьезные взгляды на устройство мира.

Он умел слушать и брать то, что ему нужно. Расширялся диапазон культурных традиций русской поэзии и песни, которые он впитывал. Художник тот, кто умеет впитывать разное и преобразовать в свое. Таким был Владимир Высоцкий.

Противники упрекают его в нарушении традиций. Некоторые сторонники склонны его рассматривать как феномен социальной жизни. Мало еще рассмотрена корневая система его творчества.

Думаю, что одна – и не последняя – из причин популярности художника – в том, что он воплотил и соединил множество традиций, близких народному сознанию, – Некрасова, "жестокий" романс, фабричную песню, балладный стих советской поэзии 20-х годов, солдатскую песню времен Великой Отечественной войны, да и многое другое. В этом еще предстоит разобраться знатокам стиха и песни.

Высоцкого интересовал не только конечный результат его песен и собственный успех. Ему важно

было соизмериться с современной поэзией, узнать о собственном поэтическом качестве. Именно для этого собрались однажды у Слуцкого он, Межиров и я.

Владимир не пел, а читал свои тексты. Он заметное волновался. Мы трое высказывали мнение о прочитанном и решали, годится ли это в печать. Было отобрано больше десятка стихотворений. Борис Слуцкий отнес их в "День поэзии". Если память не изменяет, напечатан был всего лишь один текст. Это, кажется, первая и последняя прижизненная публикация Высоцкого.¹¹

Облики облака

*Наблюдая, как тысячи
Наблюдают облака,
Вижу я, как в них неровно высечен
Образ века и не наверняка.*

*Можно видеть в утреннем облаке
Текущие лики и облики:
Космические вихри атома
И рядом профиль Курчатова.*

*И чему-то вселенскому родственно,
И стоустой молвы стоустей –
Нежное лицо Высоцкого,
Полное печали и предчувствий.¹²*

Песня о планах

*Чтобы не попасть в капкан,
Чтобы в темноте не заблудиться,
Чтобы никогда с пути не сбиться,
Чтобы в нужном месте
приземлиться, приводниться –
Начерти на карте план,*

*И шагай и пой беспечно,
Тири-тири-там-там-тирам.
Встреча обеспечена –
В плане всё отмечено
Точно, безупречно
и пунктиром.
Тири-тири-там-там-тирам,
Жирненьким пунктиром.*

*Если даже есть талант,
Чтобы не нарушить, не расстроить,
Чтобы не разрушить, а построить,
Чтобы увеличиться, удвоить и утроить –
Нужен очень точный план.*

*Мы неточный план браним, и
Он ползёт по швам, там-тирам.
Дорогие вы мои,
Планы выполнимые!
Рядом с вами мнимые –
пунктиром.
Тири-тири-там-там-тирам,
Тоненьким пунктиром.*

*Планы не простят обман, –
Если им не дать осуществиться,
Могут эти планы разозлиться,
Так, что завтра куколкой станет гусеница,
Если не нарушит план.*

*Путаница за разинею
Ходит по пятам-там-тирам.
Гусеницу синюю
Назовут гусынею.
Гните свою линию
пунктиром.
Не теряйте, там-там-тира,
Линию пунктира!*

Алексей Герман

Противоядие от фальши*

Он бывал беспощаден, но никогда не был злым, циничным. У него все замешено на любви, на вере в человеческую душу. Самым бедолажным своим героям он сострадает, готов спуститься с ними в любую бездну, но только для того, чтобы поднять их, за уши вытащить к достойной человека жизни.

Это надо ослепнуть, чтобы спутать Высоцкого с типажамы его песен. И надо оглохнуть, чтобы не слышать его отчаянной жажды идеала, его самозабвенного, со смертельным риском устремления к вершине. Настоящий герой песен Высоцкого – это, конечно, он сам: сильный, надежный человек, без котурнов, без тени фальши. <...>

Он был как противоядие от всякой фальши, и слушать его было – как насыщаться кислородом. И тем, что Высоцкий шел, ничего вроде бы не боясь и не оглядываясь /.../, он поддержал издали многих, меня в том числе. Смотрите, ведь можно же, как Высоцкий! Разве ему не страшно? Разве он не рискует? Разве ему не хочется, чтоб его издавали, награждали? <...>

Я думаю, что он эту любовь народную осознавал как свою миссию в искусстве – быть честным до конца. И свернуть с этого пути он уже не мог. Хотя были, наверно, ночи, когда он думал: все, нет больше сил, напишу "что надо"... Без страховки.¹¹³

Чем больше фальшивило вокруг искусство, тем необходимей делался человек, который не ф а л ь ш и в и л. И который пер напралом. <...> Дефицит правды в нашем государстве все больше и больше восполнял Высоцкий. <...>

Чем больше фарисействовало искусство, чем больше художники уходили в свои тома, чем большими классиками становились на наших глазах писатели, не умеющие писать, чем больше лытели в глаза по телевизору, тем громче звучал голос Высоцкого. <...>

Он почувствовал свою миссию. Возникла ситуация, над которой человек не властен. <...> Он говорил мне, что его вдалбливают, его вбивают в диссидентство...¹¹⁴

Валентин Гафт

*Мамаша, успокойтесь, он не хулиган.
Он не пристанет к вам на полустанке.
В войну – Малахов помните курган? –
С гранатами такие шли под танки.*

*Такие строили дороги и мосты,
Каналы рыли, шахты и траншеи,
Всегда в грязи – но души их чисты.
Навеки жили напрыглись на шею.*

*Что за манера – сразу за наган?
Что за привычка – сразу на колени?
Ушел из жизни Маяковский-хулиган.
Ушел из жизни хулиган Есенин.*

*Чтоб мы не унижались за гроши,
Чтоб мы не жили, мать, по-идиотски, –
Ушел из жизни хулиган Шукшин,
Ушел из жизни хулиган Высоцкий.*

*Мы живы, а они ушли туда,
Взяв на себя все боли наши, раны...
Горит на небе новая звезда –
Ее зажгли, конечно, хулиганы?!¹¹⁵*

*Кто-то высмотрел плод, что не спел, –
Потрусили за ствол – он упал...
Вот вам песня о том, кто не спел
И что голос имел – не узнал.*

*Может, были с судьбой нелады
И со случаем плохи дела,
А тугая струна на лады
С незаметным изъязном легла.*

*Он начал робко с ноты до,
Но не допел её, не до...*

*Не дозвучал его аккорд
И никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот –
Мышей ловил.*

*Смешно, не правда ли, смешно!
А он шутил – недошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.*

*Он пока лишь затевал спор,
Неуверенно и не спеша, –
Словно капельки пота из пор,
Из-под кожи сочилась душа.*

*Только начал дуэль на ковре –
Еле-еле, едва приступил,
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья ещё счёт не открыл.*

*Он знать хотел всё от и до,
Но не добрался он, не до...*

*Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин
И ту, которая одна, –
Недолюбил.*

*Смешно, не правда ли, смешно!
А он спешил – недоспешил, –
Осталось недорешено
Всё то, что он недорешил.*

*Ни единою буквой не лгу –
Он был чистого слога слуга,
И писал ей стихи на снегу...
К сожалению, тают снега!*

*Но тогда ещё был снегопад,
И свобода писать на снегу, –
И большие снежинки и град
Он губами хватал на бегу.*

*Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...*

- Человеческий недостаток, к которому вы относитесь снисходительно?
- Снисходительно? Физическая слабость.
- Недостаток, который вы не прощаете...
- Их много... Жадность.
- Отсутствие позиции, которое ведет за собой очень много других пороков.

Татьяна Орловская

Мифология в поэзии Высоцкого

В поэзии Высоцкого продолжилась скрытая тенденция русской литературы первой половины века к демифологизации – тенденция, которая не могла найти признания в обществе, охваченном сильным мифотворческим порывом. Высоцкий творил уже в эпоху распада лозунгового мышления. Поэтика Высоцкого – выражение тотального скептицизма по отношению к языку. Каждое его стихотворение – клеточка, разрушающая мифологическую конструкцию, где бы и когда бы она ни возникла: в обыденной жизни, в торжествующей официально-бюрократической, или в так называемом национально-поэтическом сознании.

Высоцкий пародирует нивелирующие лексико-стилевые стандарты, доводит до абсурда безличные лозунги и клише, высмеивает словесные шаблоны. Его язвительная ирония обращена на бездумные "железобетонные" формулы. Он выстраивает сатирический образ мертвого языка, лишая людей способности мыслить. Однако наиболее существенно для разрушения мифологической инерции использование Высоцким архетипических тем и сюжетов.

*Не добежал бегун, беглец,
Не долетел, не доскакал,
А звёздный знак его – Телец –
Холодный Млечный Путь лакал.*

*Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостаёт, –
Недостающее звено,
И не долёт, и не долёт!*

*Смешно, не правда ли? Ну вот, –
И вам смешно, и даже мне –
Конь на скаку и птица влёт, –
По чьей вине?..*

1973

Чужой дом

*Что за дом притих, погружён во мрак,
На семи лихих продувных ветрах,
всеми окнами обратясь в овраг,
А воротами – на проезжий тракт?*

*Ох, устал я, устал, – а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого, – только тень промелькнула в сенях
Да стервятник спустился и сузил круги.*

*В дом заходишь как всё равно в кабак,
А народишко – каждый третий – враг.
Своротят скулу, гость непрошенный!
Образа в углу – и те перекошены.*

*И затеялся смутный, чудной разговор,
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый – придурок и вор –
Мне тайком из-под скатерти нож показал.*

*"Кто ответит мне – что за дом такой,
Почему – во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился...
Али жить у вас разучились?"*

*Двери настезь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? – напоил бы вином".
А в ответ мне:*

*"Видать, был ты долго в пути –
И людей позабыл, – мы всегда так живём!"*

Так, стихотворение "Райские яблоки" – это крушение традиционного топоса "Сада", связанного с представлением о вечной счастливой жизни. Сад всегда – проекция в будущее. У Маяковского грядущий город-сад контрастирует с настоящим, которое изображено в апокрифических традициях хождения по мукам. В финале третьего действия чеховского "Вишневого сада", в монологе Ани, мифологема будущего сада предстает профанирующей пародией на надгробные речи древних.

У Высоцкого в "Райских яблоках" путь души в рай описан внешне традиционно – как восхождение к высокому через низменное, грязное, как преодоление земного. Однако в архаический сюжет встроено чужеродный мотив свободы личности. Возникает двойное отрицание: несвободы как реального факта и свободы как словесной декларации. Тем самым раскрывается механизм иллюзорного понимания свободы.

Мифология здесь – строительный материал. Общепринятые представления о рае разбиваются вдребезги благодаря анализу представлений о свободе. Рай оказывается лагерной зоной. Драма начинается с противопоставления точек зрения лирического героя и "этапа-богатыря". Освобождение из рая – это освобождение из замкнутого круга, порожденного мифологическим сознанием. Внутри круга – зона несвободы или иллюзия свободы как полная безответственность человека перед трансцендентными силами.

Ведь только поэты свободны – и только в тех пределах, в каких они являются поэтами. Это относится и к философам. Свобода есть способ существования в духовной деятельности. Как только мы опускаемся в деятельность практическую, свобода заменяется в лучшем случае – благом, а чаще – пользой. Герой "Райских яблок" обретает истинную свободу – чужеродную обыденному представлению о благе. Синоним такой свободы – любовь: "Ты меня и из рая ждала", – выход за предел смыслового поля понятия "благо", любовь – как деятельность духа.

Демифологизирующая тенденция в искусстве всегда направлена на восстановление целостности человеческой личности, языка и мышления. Подлинно свободный человек, включенный в систему творческой деятельности, несомненно оценит вклад Высоцкого в раскрепощение социального сознания глубоко художественными средствами.¹¹⁶

сле. В борьбе за правду были возможны тактические уступки. <...>

В чем коренное, принципиальное расхождение Высоцкого с этим типом мышления? Прежде всего в том, что Высоцкий не утопист. Свою веру в человека и в жизнь он никогда не пытался подкрепить обещаниями. Он дает читателям-слушателям реальный заряд энергии (лирической, трагической, смеховой),

Владимир Новиков

Весь путь между "да" и "нет"*

Есть такое свойство творчества Высоцкого – оно разомкнуто в мир культуры, и читателя туда энергично вовлекает. Высоцкому дорого все живое – и в культуре, и в хаосе повседневности. <...> Высоцкий из двух противоположных смыслов строит новый стереосмысл, который однозначно и сформулировать невозможно, который можно только пережить, проделав определенную работу мысли и чувства. Многие недопонимают и недооценивают песни Высоцкого именно потому, что видят их плоскостным, планиметрическим зрением, не могут шагнуть в третье измерение песни, в ее смысловую глубину. А чтобы шагнуть туда, надо для начала понять и пережить две истины, образующие художественную перспективу. <...>

Сам стих Высоцкого – стих прозаизированный. Отсюда его принципиальная "негладкость", наличие в нем порой каких-то ритмических "заусениц", скрадываемых мелодией и пением, но нередко ощутимых при попытке прочесть стихи вслух, продекламировать их. Но это вовсе не означает, что такой стих "хуже" стиха плавного, без интонационных препятствий. Чрезмерная гладкость может привести к монотонности, когда сознание читателя ни на чем не останавливается, ни за что не цепляется, а как бы отбивает такт, соответствующий использованному стихотворцем размеру. Тьянянов называл это "стихами вообще". Чего-чего, а таких стихов у Высоцкого нет. У него всегда – стихи "в частности". И ритмическая негладкость несет в себе смысловую значимость. <...>

Чрезмерная, по мнению некоторых, прозаичность и разговорность стихотворной речи Высоцкого надежно страховала от ритмической инерции. Устойчивость творческого почерка, верность однажды избранному стилю часто обрекает поэтов на постоянное варьирование нескольких привычных для них ритмико-интонационных ходов. Высоцкий же для каждой песни искал новое ритмическое решение. Отсюда "необкатанность" его стиховой интонации. Но именно благодаря этой "необкатанности" стих Высоцкого вступал в необходимое трение с новым жизненным и языковым материалом. <...>

"Перегруженному" в смысловом и сюжетном отношении стиху Высоцкого помогла прозвучать мелодия, облегчал ему дорогу и авторский голос. Но это вовсе не значит, что без мелодии и вне авторского исполнения этот стих не стоит на ногах. Песня – это не "меньше", чем стихотворение, а может быть – в чем-то и больше. Тем, кто считает, что стихи Высоцкого только поются, но "не читаются", можно только одно сказать: давайте повременим с окончательными выводами. <...> "Негладкий" стих часто заглядывает в будущее языка. То, что сегодня кому-то кажется неловкостью или неуклюжестью, – завтра может быть осознано как предельная речевая естественность. <...>

Доминанта мира Высоцкого – философская. Это глубокий и страстный интерес ко всему, что происходит вокруг, интерес, сочетающийся с "космической" иронией, анализом и оценкой жизни и человека "с точки зрения вечности". <...>

"Шестидесятничество" немыслимо без присущего ему социально-утопического начала, без преобладания тактики над стратегией. Какова была главная установка? Надо работать, приближать будущее, которого мы сами, скорее всего, не застанем, но которое безусловно будет "светлым" – не в официально-тоталитарном, а в гуманистически-демократическом смы-

*Траву кушаем, век – на щавеле,
Скисли душами, опрыщавели,
Да ещё вином много тешились, –
Разоряли дом, дрались, вешались".*

*"Я коней заморил, – от волков ускакал,
Укажите мне дом, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал, –
Где поют, а не стонут, где пол не покат".*

*"О таких домах не слышали мы,
Долго жить впотьмах привыкали мы.
Испокону мы – в зле да шёпote,
Под иконами в чёрной копот".*

*И из смрада, где косо висят образа,
Я башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и – как люди живут.*

*... Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня – не докинула.
Может, спел про вас неумело я,
Очи чёрные, скатерть белая?!*

1974

На смерть Шукшина

*Ещё – ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина, –
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужина.*

*Должно быть, он примет не знал, –
Народец праздный суесловит, –
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал.*

*Коль так, Макарыч, не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними, перепиши,
Переиграй, – останься живым!*

*Но, в слёзы мужиков вгоняя,
Ты пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс...
А рядом куст калины рос –
Калина красная такая.*

*А был бы "Разин" в этот год...
Натура где – Онега, Нарочь?
Всё – печки-лавочки, Макарыч, –
Такой твой парень не живёт!*

*Ты белые стволы берёз
Ласкал в киношной гулкой рани,
Но успокоился всерьёз,
Решительней, чем на экране.*

*Смерть самых лучших намечает –
И дёргает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму! –
Не поздоровилось ему, –
Не буйствует и не скучает.*

*Вот после временной заминки
Рок процедил через губу:
– Снять со скуластого табу –
За то, что он видал в гробу
Все панихиды и поминки.*

энергии, помогающей выжить и выстоять, но не дает им никаких оптимистических авансов и идейных векселей. Нет, он не впадал в истерическое отчаяние, не терял надежды, но надежда эта всегда сочеталась с трезвостью мысли и чувством тревоги. <...> Обещано больше, чем сделано, — вот оно, главное противоречие "шестидесятничества".

<...> Речь идет о двух системах жизненного и творческого поведения, двух системах миропонимания. Первая примерно такова: давайте мечтать! Пусть наши мечты не во всем будут осуществлены — важен сам прекрасный порыв. Обещаем сделать жизнь счастливой в нашей стране, а заодно и за ее пределами. Вторая система такова: ничего не обещать — ни от своего имени, ни от имени всего народа и страны. Просто работать, видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле. И показывать людям, какова их жизнь, показывать стране ее реальное место в мире и истории. Делать это все не только без надежды на благодарность, но и с постоянным риском обвинения в "очернительстве", в "цинизме". <...>

Высоцкому были творчески интересны явления преимущественно дисгармоничные, но общая картина жизни, им созданная, отмечена гармоничной пропорцией между миром и человеком, — пользуясь древними философскими терминами — между "макрокосмосом" и "микрокосмосом". Самые разные есть у Высоцкого персонажи, но ни один из них не выступает условной функцией, бездушным материалом, в каждом — потенциальный мир. Часто нереализованный, задавленный, искаженный, но — мир, составленный из противоположностей, имеющий полюсы добра и зла. <...>

Сегодня мы не только слушаем Высоцкого — мы его читаем и видим тот писательский путь, что был им пройден. Видим то особое место, которое занял в литературе Высоцкий.

Потому особое, что он помог литературе оглядеться вокруг, подумать о сотрудничестве с музыкой, с актерской игрой, с четкой театральной режиссурой, явленной в песнях-спектаклях Высоцкого. Особое и потому, что в работе Высоцкого осуществились внутренние возможности самой литературы, не всегда ею используемые: соединение поэтичности с прозаичностью, культуры с просторечием, пафоса с обыденностью, неистощимого остроумия с философской серьезностью. Особое, наконец, потому, что на нем мог находиться только Высоцкий. Нет ничего неразумнее, чем вычислять место Высоцкого в литературе по "спортивному" принципу: первое оно или не первое, кому Высоцкий уступает, а кого превосходит. Этот писатель никогда не брался за чужое дело, но зато свое он делал так, как не смог бы никто другой.

Высоцкому невозможно подражать — ни в формах авторской песни, ни в "письменном" стихотворчестве. В то же время влияние его на современную русскую литературу — огромно, и будет выявляться оно еще очень долго. Бывают такие писатели, которым невозможно следовать в частности, но после которых просто физически нельзя жить и работать по-старому, писать так, как будто этих писателей не было. <...>

Владимир Высоцкий принадлежит к таким упрямым и неумолимым ориентирам русской литературной истории. Опыт Высоцкого не учит, что описать и как писать, но он заставляет крепко задуматься о том, зачем писать. Его собственный ответ на этот, по словам Блока, "самый русский вопрос: "зачем?" — отчетлив и подкреплен многолетней работой со словом. Затем, чтобы сказать свое, только свое решительное "да" и "нет" жизни, честно пройдя мыслью весь путь между "да" и "нет". Затем, чтобы вновь и вновь находить в человеке человека. Затем, чтобы сделанная писателем работа духа вечно продолжалась в читателях. 117

*Того, с большой душою в теле
И с тяжким грузом на горбу,
Чтоб не испытывал судьбу,
Взять утром тёпленьким с постели!*

*И после непрременной бани,
Чист перед Богом и тверёз,
Вдруг взял да умер он всерьёз.
Спокойнее, чем на экране.*

*Гроб в грунт размытый опуская,
Средь новодевичьих берёз,
Мы выли, друга отпуская
В загул без времени и края...
А рядом куст сирени рос.
Сирень осенняя. Нагая...*

1974

Разбойничья

*Как во смутной волости
Лютый, злой губернии
Выпадали молодцу
Всё шипы да тернии.*

*Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну, а горе, что хлебнул, —
Не бывает горше.*

*Пей отраву, хоть залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно совьёшься в кнут!*

*Гонит неудачников
По миру с котомкою,
Жизнь течёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою.*

*А которых повело, повлекло
По лихой дороге —
Тех ветрами сволокло
Прямяком в остроги.*

*Тут на милость не надейся —
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно совьёшься в плеть!*

*Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да верёвкой склизкою!*

*А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! —
Ни пожить, ни выжить!*

*Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слёз-то нынче не простят.
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно укоротят!*

*Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают —
Не успеть к заутрене:
Больно рано вешают.*

*Ты об этом не жалей, не жалей,
Что тебе отсрочка?!
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка!*

*Лучше ляг да обогрейся —
Я мол казни не просплю...
Сколь верёвочка ни вейся —
А совьёшься ты в петлю!*

1975

Андрей Базилевский
Опять не в такт

"Не сгореть, если по совести, нельзя", – говорил Высоцкий. На исходе "оттепели" он играет Галилея, в год удушения "пражской весны" репетирует Хлопушу (не самое ли точное сценическое воплощение его души?). Гамлет, Ганнибал, Жеглов... – мужественные характеры, созвучные кризисной эпохе. И все же песни и неспетые стихи – главное. Высоцкий – актер-творец (не исполнитель!), поющий поэт-композитор ("Я не бард!"). Изысканно-"корявый", небумажный стих Высоцкого – реальная духовная альтернатива фальши и смятению, искупающая малодушие его собратьев по перу. Он посмел петь – т о и т а к. Делал не "красиво", а исцеляюще больно. По его песням люди учились не пропасть от тоски, во что бы то ни стало все-таки – б ы т ь: "Хоть какой – доберись, добреди, доплзи!..." Теперь, без него, у нас на многое не хватает юмора.

В конце пятидесятых студент Школы-студии МХАТа Высоцкий познакомился с драматургом Александром Галичем. Уже был Галич-поэт, уже начинался поэт Высоцкий. Не раз судьба сводила их потом, случилось и выступать вместе, после чего "вызывали" и того и другого. У них были общие враги и общие – близкие – друзья (среди которых художник Михаил Шемякин). Гуляли по Руси сотни песенных подделок под обоих. Блюстителю безгласности инквизировали то одному, то другому чужие тексты. Высоцкий пел песни Галича. Вещи Галича приписывали Высоцкому. И это – знак высокой пробы, как и то, что Высоцкого считали автором... некоторых стихов Брехта. "Штормит весь вечер, а пока..." Высоцкий написал в Париже, после смерти Галича... Давно запрограммирован галичевской строкой мемориал героической эпохи самиздата – памятник "магнитофону системы "Яуза" и пишмашинке "Эрика". На цоколе имена Высоцкого и Галича – рядом.

Любой его сюжет раскрывал подноготную опустыленной будничной псевдопростоты. Жесткое: "Я лирических песен не пою", означало – не хочу пустого, когда всё на грани, на изломе. Вольный человек, он был бельмом на глазу у властей – их отношение к нему было традиционно циничным. Его правда вызвала обоснованную ненависть. Ему учиняли разносы, почти "шили статью"... Бывало, режимные газетчики сворой, по команде облаивали поэта. Пришлось ему написать пару писем в жанре самооправдания – на том кондовом языке, который был "инстанциям" понятен (и кто вправе попрекать его этим? – может быть, лишь те, кто "вышел на площадь", но они-то как раз попрекать и не думали). За то, что поэт был на стороне тех, кто, не потакаая лжи, "выбирает деревянные костюмы", за то, что мечтал, "чтоб не стало по России лагерей", "черный человек" методично бил его под дых.

При этом – во времена, когда страна скатывалась в глубины маразма, "и эхо сковали, и в рот ему сунули кляп", он однажды ответил репортерам: "Не думаете ли вы, что если у меня есть проблемы с моим правительством, то я приехал решать их здесь?" (дело было "там"). Он преподнес нам уроки, до усвоения коих ох как далеко нынешним суперпатриотам. Горькой прозой очертил поэт преграду холуйско-хамскому патриархату. Веря: "не всё – суeta!" – гнул свою линию п у н к т и р о м.

Вспоминают о его жадности к работе, из-за чего жизнь превращалась в сплошной цейтнот. "На бис не пою", "не надо аплодисментов", – его типичные ре-

плики на концертах. Не репродуцировать достигнутое, а – дальше – к новому рубежу постижения... к новой ступени отчаяния. "Приготовьтесь, я скоро умру..." – шептал он в последний год. И продолжал делать дело. "На взлете умер он, на верхней ноте" – как Бабель, как Хармс, как блаженной памяти Венедикт Ерофеев...

И началась кич-канонизация, закипел бизнес на крови, зашелестел-загромыхал марш карточной колоды. В одном и том же номере журнала один и тот же критик восхваляет литератора Брежнева и пишет снисходительную преамбулу к публикации Высоцкого (чье творчество "неравноценно" – о, любимейшее словцо фасовщиков культуры). "Сопис", где поэт не состоял, но куда – увы – подавал прошения о приеме, формирует комиссию по наследию. А венец всего – посмертное оскорбление госпремией. Будь он жив, сказал бы он упрямя "пару слов без падежей"...

Длится спор об "уровне" Высоцкого. Для кого-то он – "текстовик" (эрзац, дескать, все это, но ладно, что хоть так пел, – другие-то и вовсе помалкивали). Для радетелей "истинной духовности" стихи его – безвкусица и любительщина. Охота им все выстричь по ранжиру, все от всего ровненько отрезать: народное от "массового", высокое от фельетонного, от "канканов" и "куплетов". И уж так неймется отнести успех поэта на счет "антуража" и презренных "механизмов популярности". Сверхрусский строго судит дешевую музыку "амбалов", ползут слухи о затоптанной оголтелыми фанатами Высоцкого чьей-то мнимой могилке... А еще – шепотком – из 70-х в 90-е – другое: мол, этот "дозированно" смелый "мог, да не хотел". А стало быть, и талантце-то был сомнительный... Лево-правые снова сомкнули ряды. Словно хочется кому-то, чтоб люди не пробилась сквозь муть и шумиху – к п о н и м а н и ю. Тот, кому угодно "экономить правду", сумеет перелицевать и Высоцкого; в чем – в чем, а уж в подтасовках мы сильны. Опять – не в такт, Владимир Семенович...

"Когда на смерть идут, поют", – выхрипел любимый им Гудзенко. Высоцкий погиб, "недовоевав", но он – в ряду тех, кто пал на вечной войне. О таких, как Высоцкий, Брехт сказал: "Люди, которые не могут уйти". Он приближал наше время горьких прозрений, тяжелой правды и – возвращения надежды. В заколдованном российском лесу расплодились "глушь, верность, грусь" – нечисть и бесовщина. Одолеть их (ясно ведь!) может только Время – если мы его на этот раз не о б и д и м. ¹¹⁸

Эрлена Лурье

Всего пяток прибавил Бог

к той цифре – тридцать семь.

Еще пять лет накинуд жизни плотской.

И в сорок два ее закончил Джо Дассен,

И в сорок два – закончил петь Высоцкий.

И пусть по радио твердят, что умер Джо Дассен,

И пусть молчат, что умер наш Высоцкий.

Что нам Дассен? –

О чем он пел, не знаем мы совсем.

Высоцкий пел –

о жизни нашей скотской!

И этих ран не залечить и не перевязать.

И вдруг затих, и холодом подудло...

*Хоть умер от инфаркта он, но можем мы сказать –
За всех за нас*

он лег виском на дуло. ¹¹⁹

* * *

*Штормит весь вечер, и пока
Заплаты пенные латают
Разорванные швы песка -
Я наблюдаю свысока,
Как волны головы ломают.*

*И я сочувствую слегка
Погибшим - но издалека.*

*Я слышу хрип, и смертный стон,
И ярость, что не уцелели, -
Еще бы - взять такой разгон,
Набраться сил, пробить заслон -
И голову сломать у цели!..*

*И я сочувствую слегка
Погибшим - но издалека.*

*А ветер снова в гребни бьет
И гривы пенные ерошит.
Волна барьера не возьмёт, -
Ей кто-то ноги подсечёт -
И рухнет взмыленная лошадь.*

*И посочувствуют слегка
Погибшей ей, - издалека.*

*Придет и мой черёд вослед:
Мне дуют в спину, гонят к краю.
В душе - предчувствие, как бред, -
Что надломлю себе хребет -
И тоже голову сломаю.*

*Мне посочувствуют слегка -
Погибшему, - издалека.*

*Так многие сидят в веках
На берегах - и наблюдают
Внимательно и зорко, как
Другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.*

*Они сочувствуют слегка
Погибшим - но издалека.*

- Какое событие стало бы для тебя трагедией?
- Потеря голоса.
- Чему последний раз радовался?
- Хорошему настроению.
- Что последний раз огорчило?
- Всё.

Белла Ахмадулина

Полагаю судьбу его совершенной*

Голос – всегда изъятие души. Голос Высоцкого – щедрый, расточительный подвиг. Но других – расчетливых, скаредных – подвигов и не бывает. Высоцкий сделал для нас все, что мог, что же мы можем сделать для Высоцкого? Ведь ему ничего не нужно... <...>

Мне довелось принять на себя жгучие оскорбления за отношение к нему как к независимому литератору. Я знаю, как была уязвлена столь высокая, столь опрятная его гордость. <...> ...Владимир Высоцкий по урождению своему прежде всего был Поэт. Таков был способ устройства его личности, таков был сюжет его судьбы. В эту роль на белом свете входят доблесть, доброта, отважная и неостановимая спешка пульсов и нервов, благородство всей жизни. Таков всегда удел Поэта. <...>

Мандельштамом сказано /.../: смерть поэта есть его художественное деяние. То есть смерть поэта – не есть случайность в сюжете его художественного существования. И вот, когда мы, желая утешить себя и друг друга, применяем к уже свершившейся судьбе какое-то сослагательное наклонение, может быть, мы опрометчивы. Если нам исходить из той истины, что главное в Высоцком – это поэтическое уродение, его поэтическое устройство, тогда мы поймем, что препоны и вредоносность ничтожных людей и значительных обстоятельств – все это лишь вздор, сопровождающий великую судьбу.

Чего бы мы могли пожелать Поэту? Разве когда-нибудь Поэт может обитать в благоденствии? Нет. Сослагательное наклонение к таким людям неприменимо. Высоцкий, несомненно, вождь своей судьбы. Он – предводитель всего своего жизненного сюжета.

Я полагаю его судьбу совершенной, замкнутой, счастливой. Потому что никаких поправок в нее внести невозможно. Несомненно, что его опекала его собственная звезда, перед которою он не провинился. И с этим уже ничего не поделаешь, тут уж никаких случайностей не бывает. Все, что сопутствовало Поэту в его столь возвышенном, доблестном и столь трудном существовании, – все это какие-то необходимые детали. Да, редакторы ли какие-то, чиновники ли какие-то – но ведь они получают как бы необходимыми крапинками в общей картине трагической жизни Поэта. Без этого никак не обойдешься. Видимо, для этого и надобны.

То, что ему приходилось так много быть на сцене, – за это воздалось ему всенародной славой. Он был всенародно любим, слава его неимоверна. Но что, собственно, есть слава? Это ведь еще и доука, это еще и усугубление одиночества человека, которому нужно выбрать время, сил и доблести для того, чтобы сосредоточиться и быть наедине с листом бумаги.

Теперь, когда рукописи Владимира Высоцкого открыты /.../, видно, как он работал над строкой, как он относился к слову. И единственное, что я могу сказать в утешение себе, – то, что я всегда ценила честь приходиться ему коллегой, всегда пыталась хоть что-нибудь сделать, чтобы не скрыть его сочинения от читателей.

Мы еще мало преуспели в этом. Но путь Поэта не соответствует тому отрезку времени, в который умещается его жизнь. Самое главное – это потом... И сейчас можно удостовериться, что разлука, которую с таким отчаянием, с таким раздираньем души все время переживали соотечественники и современники Высоцкого не только из-за смерти, а еще из-за того,

что как будто какая-то препона стояла между ним и теми, для кого он был рожден и для кого он жил. – эта разлука таит в себе еще и радость новых встреч.

Владимир Высоцкий – это наше неотъемлемое достояние и не будем предаваться отчаянью, а напротив, будем радоваться за отечественную словесность. ¹²⁰

Жизнь художника исчисляется не очевидной длиной, но объемом значения. Ее скоропалительная протяженность отнимает у друзей и современников житейское блаженство встреч, созерцание милого земного соседства, но прибавляет дорогому образу и образу таланта вообще черты исключительной драгоценности, беззащитной и родимой непрочности.

Безмерность печали усугубляет наше обожание к артисту, осуществившему свою жизнь не как вялую длительность, а как сильный поступок плодородного и расточительного сердца.

Дар Высоцкого – дар нам, и мы приняли его с благодарностью и наслаждением, не обделив людей следующего времени, которым предстоит получить этот долгий подарок, этот привет от наших дней. ¹²¹

Владимир Высоцкий – постоянная боль. Но мысль о нем должна быть счастливой. 25 января – день его рождения, наступит раньше, чем 25 июля, день смерти. Мы должны радоваться, что этот человек родился, а все остальное как-нибудь разберется. <...> С такими людьми никаких случайностей не бывает, все не случайно, все предопределено, – и жизнь и смерть. ¹²²

*У профессиональных игроков
Любая масть ложится перед червой, –
Так век двадцатый, – лучший из веков, –
Как шлоха упадет под двадцать первый.*

*Я думаю – учёные наврали, –
Прокол у них в теории, порез:
Развитие идёт не по спирали,
А вкривь и вкось, вразнос, наперерез.*

1976

*Новые левые – мальчики бравые
С красными флагами, буйной оравой –
Что вас так манят серпы и молоты?
Может, подкурены вы и подколоты?*

*Слушаю полубезумных ораторов:
"Экспроприация экспроприаторов..."
Вижу портреты над клубами пара:
Мао, Дзержинский и Че Гевара.*

*Не разобраться, где "левые", "правые"...
Знаю, что власть – это дело кровавое.
Что же, валяйте – затычками в дырках.
Вам бы полгодика, только в Бутырках!*

*Не суетесь, мадам переводчица,
Я не спую, мне сегодня не хочется.
И не надеюсь, что я переспорю их, –
Могу подарить лишь учебник истории.*

1976

*Я вам расскажу про то, что будет,
Вам такие приоткрою дали...
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.*

Твой случай таков,
 что мужи этих мест и предместий
 белее Офелии бродят с безумьем во взоре.
 Нам, виды выдавшим, ответствуй,
 как деве прелестной.

Так – быть? Или – как?
 Что решил ты в своем Эльсиноре?

Пусть каждый в своем Эльсиноре
 решает, как может.

Дарующий радость,
 ты – щедрый даритель страданья.

Но Дании всякой, нам данной, тот славу умножит,
 кто подданных душу возвысит до слез, до рыданья.

Спасение в том, что сумели собраться на площадь
 не сборищем сброда, бегущим глазеть на Нерона,
 а стройным собором собратьев,
 отринувшим пошлость.

Народ невредим, если боль о Певце – всенародна.

Народ, народившись, – не неуч, он ныне и присно –
 не слушатель вздора и не покупатель вещицы.
 Певца обожая, расплачемся. Доблестна тризна.
 Ведь быть иль не быть – вот вопрос.

Как нам быть? Не взыщите.

Хвалю и люблю не отвергшего гибельной чаши.
 В обнимку уходим – все дальше, все выше и чище.
 Не скаредны мы, и сердца разбиваются наши.
 Лишь так справедливо.

Ведь если не наши – то чьи же? ¹²³

Возвратятся на свои на круги
 Ураганы поздно или рано,
 И как сыромятные подпруги,
 Льды затянут брюхо океану.

Чёрные, лиловые, цветные
 Сны придут, и тяжко смежат веки...
 Все тогда вы – добрые и злые –
 Станете счастливыми навеки.

Это будет так и не иначе,
 Не скажу когда, но знаю: будет!
 Если плачут северные люди –
 Значит, скоро южные заплачут.

И тогда не орды чингиз-ханов,
 И не сабель звон, не конский топот, –
 Миллиарды выпитых стаканов
 Эту землю грешную затопят.

1976

Райские яблоки

Я умру, говорят, –
 мы когда-то всегда умираем.
 Съезжу на дармовых,
 если в спину сподобят ножом, –
 Убиенных щадят,
 отпевают и балуют раем.
 Не скажу про живых,
 а покойников мы бережём.

В грязь ударю лицом,
 завалюсь покрасивее на бок,
 И ударит душа
 на ворованных клячах в галоп.
 Вот и дело с концом, –
 в райских куцах покушаю яблок.
 Подойду не спеша –
 вдруг апостол вернёт, остолоп.

Владимиру Высоцкому

Эта смерть не моя есть ущерб и зачет
 жизни кровно-моей, лбом упершейся в стену.
 Но когда свои лампы Театр возожжет
 и погасит – Трагедия выйдет на сцену.

Вдруг не поздно сокрыться в заочность кулис?
 Не пойду! Спрячу голову в бархатной щели.
 Обреченных капризников тщетный каприз –
 вжаться, вжиться в укромность – вина неужели?

Дайте выжить. Чрезмерен сей скорбный сюжет.
 Я не помню из роли ни жеста, ни слова.
 Но смеется суфлер, вседержитель судеб:
 говори: все я помню, я здесь, я готова.

Говорю: Я готова. Я помню. Я здесь.
 Сущ и слышим тот голос, что мне подыгрывает.
 Средь безумья, нет, средь слабоумья злодейств
 здраво мыслит один: умирающий Гамлет.

Донесется вослед: не с ума ли сошед
 тот, кто жизнь возлюбил, да забыл про живучесть.
 Дай, Театр, доиграть благородный сюжет,
 бледноликий партер повергающий в ужас. ¹²⁴

Чур меня самого!

Наважденье, знакомое что-то, –
 Неродящий пустырь
 и сплошное ничто – беспредел,
 И среди ничего
 возвышались литые ворота,
 И этап-богатырь –
 тысяч пять – на коленках сидел.

Как ржанёт коренник, –
 я смирил его ласковым словом,
 Да репей из мочал
 еле выдрал и гриву заплёл.
 Пётр-апостол, старик,
 что-то долго возился с засовом,
 И кряхтел, и ворчал,
 и не смог отворить – и ушёл.

Тот огромный этап
 не издал ни единого стона,
 Лишь на корточки вдруг
 с онемевших колен пересел.
 Вон – следы пёсьих лап.
 Да не рай это вовсе, а зона!
 Всё вернулось на круг,
 и Распятый над кругом висел.

Мы с конями глядим –
 вот уж истинно зона всем зонам! –
 Хлебный дух из ворот –
 так надёжней, чем руки вязать.
 Я пока невредим,
 но и я нахлебался озоном,
 Лепоты полон рот,
 и ругательства трудно сказать.

Засучив рукава,
 пролетели две тени в зелёном.
 С криком – "В рельсу стучи!"
 пропорхнули на крыльях бичи.
 Здесь малина, братва, –
 нас встречают малиновым звоном!
 Нет, звенели ключи –
 это к нам подбирали ключи.

Андрей Вознесенский

Опустив голову*

Я встретил его впервые в 1965 году, когда "Таганка" ставила "Антимиры". Был он так, один из таганцев, в вечно подростковой куртке своей, в арсенале его было пять-шесть песен, но огромная затаившаяся энергия уже угадывалась в нем. Это было задолго до того, как вся страна томительно ворочалась, опутывая его, подобно Лаокоону, магнитофонными пленками. Но голос его уже хрип на ветру времени. <...>

Смерть его просветила даже снобов. Многие нынче повернулись к нему. <...>

Высоцкий страстно, по-мальчишески мечтал напечататься. Он наивно хотел стать членом СП. Хотел свои певчие строфы, как птиц, запереть в металлическую сетку печатного шрифта. Удалось однажды напечатать его в "Дне поэзии".¹²⁵

На днях ко мне подошел поэт, когда-то заведовавший отделом поэзии издательства "Советский писатель": "Сейчас все оказываются друзьями Высоцкого, везде его печатают, но когда он еще был жив, ты был единственным, кто приносил рукопись его книги стихов, пытался пробить. Жаль, тогда не удалось". В то время не только книгу – строку его нельзя было напечатать. Железобетонная стена. Глядишь, вышла бы книга, может быть, он жив остался. В "О" странички о нем с трудом прошли.¹²⁶

В проем двери, затягивая, глядела великая тьма колодца двора. Двор пел голосом Высоцкого.

Когда он рванул струну, дрожь пробежала. Он пел "Эх, раз, еще раз...", потом "Коней". Он пел хрипло и эпохально: "Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее..." Это великая песня. Когда он запел, страшно стало за него. Он бледнел иступленной бледностью, лоб покрывался испариной, вены вздувались на лбу, горло напрягалось, жилы выступали на нем. Казалось, горло вот-вот перервется, он рвался изо всех сил, из всех сухожилий...

Пастернак говорил про Есенина: "Он в жизни был улыбчивый, королевич-кудрявич, но когда начинал читать, становилось понятно – этот зарезать может". Когда пел Высоцкий, было ясно, что он может не зарезать, а зарезаться.

Что ты видел, глядя в непроглядную лунку гитары?

В сорок два года ты издашь свою первую книгу, в сорок два года у тебя выйдет вторая книга, и другие тоже в сорок два, в сорок два придут проститься с тобой, в сорок два тебе поставят памятник – все в твои теперь уже вечные сорок два.

Постой, Володя, не уходи, спой еще, не уходи, пусть подождут там, спой еще... Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...

Опустив голову, осторожно в день его рождения, 25 января, мы несем венки на могилу. Уже вторая годовщина его смерти.

Венок выше нас.¹²⁷

*Наверно, ты скоро забудешь,
Как жил на краткой земле.
Ход времени не разбудит
Оборванный крик шансонье.
Несут тебе свечки по хляби,
И дождик их тушит стуча.
На каждую свечку по капле.
На каждую каплю – свеча.¹²⁸*

*За упокой Высоцкого Владимира
коленипреклопенная Москва,
разгладивши битловки, заводила
его потусторонние слова.*

*Владимир умер в два часа.
И бездыханно
стояли полные глаза,
как два стакана.*

*А над губой росли усы
пустой утехой,
резинкой врезались трусы,
разит аптекой.*

*Спи, шансонье Всея Руси,
отпетый,
ушел твой ангел в небеси
обедать.*

*Володька,
если горлом кровь,
Володька,
когда от умных докторов
воротит,
а баба, русский журавель,
в отлете,
орет за тридевять земель:
"Володя!"*

*Бродил закатною Москвой,
как богомаз мастеровой,
чуть выпив,
шел популярней, чем Пеле,
носил гитару на плече,
как пару нимбов.*

*(Один для матери – большой,
золотенький,
под ним для мальчика – меньшей...)
Володька!*

*За этот голос с хрипотцой,
дрожь сводит
отравленная хлеб-соль
мелодий,
купил в валютке шарф цветной,
да не походишь.
Отныне вечный выходной –
свободен.*

*О златоустом блатаре
рыдай, Россия.
Какое время на дворе –
таков мессия.*

*Но в Склифосовке филиал
Евангелия.
И воскрешающий сказал:
"Закреть едальники!"
Твоею песенкой ревя
под маскою,
врачи произвели реанимацию.*

*Вернули серые твои,
как в повоселье.
Сказали: "Топай. Чти ГАИ.
Пой веселее".*

*Вернулась снова жизнь в тебя.
И ты, отудобев,
нам говоришь: "Вы все – туда.
А я – оттуда!.."*

*Гремите, оркестры,
козыри – крести.
Высоцкий воскрес.
Воистину воскрес!¹²⁹*

Певец

Не называйте его бардом.
Он был поэтом по природе.
Меньшого потеряли брата –
всенародного Володю.

Остались улицы Высоцкого,
осталось племя в "леви-страус",
от Черного и до Охотского
страна неспетая осталась.

Вокруг тебя за свежим дерном
растет толпа вечно живая.
Ты так хотел, чтоб не актером,
чтобы поэтом называли.

Правее входа на Ваганьково
могила вырыта вакантная.
Покрыла Гамлета таганского
землей есенинской лопата.

Дождь тушит свечи восковые...
Все, что осталось от Высоцкого,
магнитофонной расфасовкою
уносят, как бинты живые.

Ты жил, играл и пел с усмешкою,
любовь российская и рана.
Ты в черной рамке не уместисься.
Тесны тебе людские рамки.

С какою страшной перегрузкой
ты пел Хлопушу и Шекспира –
ты говорил о нашем, русском,
так, что щемило и щепило.

Писцы останутся писцами
в бумагах тленных и мелованных.
Певцы останутся певцами
в народном вздохе миллионном. ¹³⁰

Я подох на задах,
на руках на старушечьих дряблых,
Не к Мадонне прижат
Божий сын, а в хоробах – холоп.
В дивных райских садах
просто прорва мороженных яблок,
Но сады сторожат
и стреляют без промаха в лоб.

Херувимы кружат,
ангел окает с вышки – занятно!
Да не взыщет Христос, –
рву плоды ледяные с дерев.
Как я выстрелу рад –
ускакал я на землю обратно,
Вот и яблок принёс,
их за пазухой телом согрев.

Я вторично умру –
если надо, мы вновь умираем.
Удалось, бог ты мой,
я не сам – вы мне пулю в живот.
Так сложилось в миру –
всех застреленных балуют раем.
А оттуда землёй –
бережёного Бог бережёт.

В грязь ударю лицом,
завалюсь после выстрела на бок.
Кони хочут овсу,
но пора закусить удила.
Вдоль обрыва, с кнутом,
по-над пропастью, пазуху яблок
Я тебе принесу –
ты меня и из рая ждала.

Надгробие

Врубите Высоцкого в полную силу
без всякого цоколя в небо России.

Вне мрамора бродят дорогами родины
охрипшие памятники Володины. ¹³¹

Две судьбы

Жил я славно в первой трети
Двадцать лет на белом свете – по учению,
Жил безбедно и при деле,
Плыл, куда глаза глядели, – по течению.

Заскрипит ли в повороте,
Затрещит в водовороте – я не слушаю.
То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде любуюсь – брагу кушаю.

И пока я наслаждался,
Пал туман и оказался в гиблом месте я, –
И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо, злая бестия.

Я кричу, – не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка, вижу плохо я,
На ветру меня качает...
"Кто здесь?" Слышу – отвечает:
"Я, Нелёгкая!"

Брось креститься, причитай, –
Не спасёт тебя святая Богородица:
Кто рули да вёсла бросит,
Тех Нелёгкая заносит – так уж водится!"

И с одышкой, ожиреньем
Ломит, тварь, по пням, кореньям
тяжкой поступью.

Я впотьмах ищу дорогу,
Но уж брагу понемногу – только по сту пью.

Вдруг навстречу мне – живая
Колченогая Кривая – морда хитрая:
"Не горюй, – кричит, – болезный,
Горемыка мой нетрезвый, – слёзы вытру я!"

Взвыл я, ворот разрывая:
"Вывози меня, Кривая, – я на привязи!
Мне плавать, что кривобока,
Криворука, кривоока, – только вывези!"

Влез на горб к ней с перепугу, –
Но Кривая шла по кругу – ноги разные.
Падал я и полз на брюхе –
И хихикали старухи безобразные.

Не до жиру – быть бы живым, –
Много горя над обрывом, а в обрыве – зла.
"Слышь, Кривая, четверть ставлю –
Кривизну твою исправлю, раз не вывезла!"

Ты, Нелёгкая, маманя!
Хочешь истины в стакане – на лечение?
Тяжело же столько весить,
А хлебнёшь стаканов десять – облегчение!"

И припали две старухи
Ко бутылки медовухи – пьянь с ханыгою, –
Я пока за кочки прячусь,
К бережку тихонько пячусь – с кручи прыгаю.

Огляделся – лодка рядом, –
А за мною по корягам, дико охая,
Припустились, подвывая,
Две судьбы мои – Кривая да Нелёгкая.

Грёб до умопомраченья,
Правил против ли теченья, на стремнину ли, –
А Нелёгкая с Кривою
От досады, с перепоею там и сгнули!

Владимир Высоцкий
Мы играем без грима*

Когда бы вы ни проехали по Таганской площади, здесь стоит толпа людей. Утром. Вечером. Ночью. В теплые летние ночи ночуют на раскладушках в соседних дворах для того, чтобы успеть утром к переключке. Отмечаются, пишут номерки на руках. И наконец все-таки кому-то удается за десять дней, за месяц достать билет.

А если это новый спектакль, например, "Мастер и Маргарита", то совсем невозможно прорваться. И не только из-за того, что некоторые зрители требуют, предъявляя разные документы, пустить их на спектакль "Солдат и Маргаритка", в котором, как им рассказали, показывают голую женщину. Не только поэтому хотят придти в этот театр. <...>

В чем же, если говорить серьезно, секрет популярности этого театра? Мне кажется, первая причина в том, что театр имеет свою четкую, внятную позицию, с которой его не могут сбить недоброжелательные критические статьи. Позиция эта была декларирована давно уже /.../ в спектакле "Добрый человек из Сезуана". Высказывается она четко, откровенно. И, самое главное, зрители чувствуют, что они необходимы в этом театре. Потому что здесь существует почти на каждом спектакле атмосфера доверия, потому что люди, которые работают на сцене, абсолютно уверены, что сидящие в зале точно так же беспокоятся за происходящее в мире.

И еще. Этот театр не похож ни на какой другой даже по форме. Почти каждый спектакль сделан в нем необычно, удивительно. Никогда вы не увидите декорации в привычном смысле слова. Мы не малюем задников, где нарисовано звездное небо, не делаем фанерных деревьев, не городим павильонов. Ничего этого нет. В оформлении каждого спектакля существует поэтическая метафора, символ. Например, в "Пугачеве" вместо берега реки Яик, где происходит действие, вы увидите гигантский помост из грубоструганых досок. Там стоит плаха впереди, в нее воткнуты два топора. Иногда она превращается в трон. А рядом четырнадцать есенинских персонажей, по пояс голых. И это дает дополнительную нервность, когда острое рядом с обнаженным телом. И этот клубок тел с каждой картиной катится все ближе к плахе. И в этом есть метафора – восстание захлебнется в крови, подавят этот бунт жестоко...

Мы играем без грима, почти без грима. Вот я, например, играя роль семидесятилетнего Галилея, не рисую себе глубоких морщин, не клею бороду и усы – не пытаюсь на него походить. Потому что не это главное. Весь вопрос в том, что с ним происходит. Тем более что написана пьеса в этом веке, вопросы там затрагиваются современные, вечные. Поэтому зачем огород городить и притворяться?

Наш театр начинался с Брехта, а Брехт исповедовал принципы уличного театра, в котором могут участвовать все. Он может случиться здесь вот, сейчас. Театр, в котором человек работает, а не халтурит. Я это очень ценю. Пусть наши артисты срывают голоса, иногда нечисто выговаривают, но зато по-настоящему очень часто бьются в высокой степени нервного и творческого напряжения. И это видно, и это привлекает людей. <...>

Из-за чего я говорю так много о театре? Потому что без этого театра, вероятно, я не стал бы продолжать в таком качестве работать, в котором когда-то начинал. Я начинал, вы помните, писать и блатные, и уличные песни. Потом все это обросло,

как снежный ком, и приобрело другие очертания именно из-за того, что я работаю в этом театре. <...>

Есть в нашем репертуаре несколько спектаклей, сделанных на чистой поэзии. Это спектакли о Пушкине, о Маяковском, на поэзию Вознесенского, Евтушенко, Есенина. Есть спектакль, который я больше всего люблю, называется он "Павшие и живые" – пьеса о поэтах и писателях, которые участвовали в войне. Одни из них погибли, другие живы до сих пор. И они написали о том времени, о своих друзьях. У нас в этом спектакле горит пламя Вечного огня. Вот уже шестьсот раз весь зрительный зал встает, чтобы почтить память погибших минутой молчания. И по трем дорогам выходят поэты, читают свои стихи. А когда дороги вспыхивают красным, они уходят назад, где висит черный бархат. Вот опять метафора – в черный бархат уходят, как в землю, как в братскую могилу. А в память о них снова звучат стихи и песни их друзей, такой реквием по погибшим. Я написал несколько песен для этого спектакля...¹³²

"В поисках себя"

Этот спектакль очень странный. Это даже не спектакль, это новое зрелище. Я считаю, что мы придумали новую форму театрального действия. Нам вдруг стало досадно в какой-то определенный момент, что все, что мы пишем для фильмов, для театров других или для спектаклей, которые сходят со сцены, – все пропадает. Получается, что это работа в корзину. И мы решили из этих вещей, которые исчезнут навеки и которые якобы привязаны к определенному фильму, спектаклю или там передаче телевизионной, сделать просто спектакль. Такой концерт, спектакль, я не знаю, как хотите назовите, – такое

зрелище. Попробовали... Сначала он был с объяснительным текстом, я его произносил. Потом Любимов придумал привозить с нами макет нашего театра, освещать его одним маленьким фонарем: на меня ставят красный свет, Золотухину – он играл в кино миллионеров, – на него врубают такую зеленую бумажку, – ему, значит, везде открыта дорога... то есть мы в этом маленьком зальчике делали еще освещение. Получалось действо. Мы сможем этот спектакль – почему он нам удобен – возить в любое место, в любой город. Потому что мы возим планшет, то есть рисованный такой ковер, точно размером с нашу сцену. В общем, свои стены помогают. И получилось вот такое, с теплотой, с нашей стороны, сделанное действо. Смотрят его с громадным интересом и удовольствием везде. Сначала были люди в недоумении, но сейчас в Москве, я думаю, это самое популярное зрелище. На него так же трудно попасть, как на "Мастера и Маргариту", на который приходит очень много людей, а после первого акта человек пятьдесят уйдут, потому что ни черта не понимают и идут потому, что достали билеты. В основном это работники торговли.¹³³

У голой стены*

Гамлет... Я сам себя предложил на эту роль. Я давно хотел сыграть ее, сыграть так, как, мне казалось, ее видел Шекспир. Ну, вероятно, так думают все актеры.

В нашем театре важнее сама личность, чем роль. Самое интересное – человек, который играет: что он хочет сказать, что несет. Не просто артист, надевший на себя роль, как костюм. Наклеил парик, голос изменил, перевоплотился – а за этим сам пропал.

Поэтому, когда я стал репетировать, имелось в виду, что Гамлета играет человек, которого знают: человек с гитарой, он сам сочиняет стихи и поет. Перед началом спектакля меня усадили с гитарой в глубине сцены, у голой стены. В прологе я исполняю песню на стихотворение Пастернака "Гамлет", в котором ключ ко всему спектаклю: "Но продуман рас- порядок действий, и неотвратим конец пути".

Гамлету не уйти от рокового конца. Он ясно понимает, что происходит с ним, с его страной. Время жестокое, сложное. Принца готовили на трон, а его место занял царевич. Гамлет помышляет только о мести. Хотя он против убийства. И это его страшно мучает.

И здесь, мне кажется, я нашел ход. Все Гамлеты искали доказательств вины Клавдия, чтобы оправдать убийство. А я ищу доказательств невинности короля, я подстраиваю мышеловку, чтобы убедиться: он не виноват, он не убивал моего отца. Делаю все, чтобы кровь не проливалась. Когда Гамлету говорят, что повсюду бродит тень его отца, а это значит, дух его не успокоен, отец убит, я киваю головой, будто сам его вижу. А я действительно могу его видеть когда угодно. У меня Гамлет настолько любит отца, что может видеть его в любую минуту. Позовешь его, и он появится.

Я хочу, чтобы люди, приходя в театр, о чем-то

задумались, понервничали. Конечно, есть и другой вид творчества – дивертисмент, что ли. Можно и развлекать публику. Порой хочется и отдохнуть. Я в концертах тоже стараюсь давать какие-то шуточки, передышки. Но все равно обязательно вкладываю в них серьезное содержание. Если его нет в тексте, оно рядом, за текстом. Я предпочитаю традицию русскую, гоголевскую – смех сквозь слезы. Хохочешь, а на душе кошки скребут.¹³⁴

Высоцкий тратил и отдавал прежде всего самого себя. Что он благодаря этому выразил? Люди, в жизни стиснутые тысячью повседневных обстоятельств, не кричат, подавляют в себе это желание. К подмосткам оно обычно ищет путей косвенных, закрытых. Высоцкий выразил этот крик души. Через себя, через свою боль он выражал чувства многих.

Анатолий Эфрос¹³⁵

Игорь Резголь Моя Таганка

*"Но никогда им не увидать нас
прикованными к веслам на галерах!"
В.Высоцкий*

I

*Позабыта Таганка острожная,
Напрочь скрыта Таганка каторжная...
На Таганку попасть невозможно,
Хоть она и распахнута настежь.*

*Здесь галерка – в рядах партера,
Здесь набатом звучит гитара.
Не прикованы к веслам галеры
Золотыми цепями корсары.*

*Пусть ветшают моды и стили,
Пусть сменяют друг друга эпохи –
Но всегда при штурмах бастилий
Впереди идут скоморохи!*

II

*Не был ты любимцем фортуны
И болел тем, чем мы болели.
На гитаре твоей не струны –
Обнаженные нервы звенели.*

*Выходя на сцену вразвалцу,
Из себя не корча мессию,
Ты держал в своих чутких пальцах
Гриф гитары и пульс России.*

*И как Шлиман раскапывал Трою,
Взяв на веру слепого Гомера,
По стихам твоим люди откроют
Наши муки и нашу веру.¹³⁶*

– Ваше представление о счастье.

– Счастье – это путешествие, необязательно из мира в мир... Это путешествие может быть в душу другого человека, путешествие в мир писателя или поэта... И не одному, а с человеком, которого ты любишь.

Новый Гамлет

*Играет Гамлет на гитаре,
законы классики поправ,
ах, как он шпарит, как он шпарит,
и в чем-то, видимо, он прав.*

*Полушутливые куплеты
понятны сердцу и уму.
Их современные поэты
сложили весело ему.*

*Поет. И сам себя пытается
с привычной бледностью лица.
Играет, и над ним витает
Шекспира тень, как тень Отца.*

*Он Гамлет. И уже не Гамлет,
когда Офелию зовет.
Он снова медлит. Но регламент
эпохи новой признает.*

*Он внемлет жизни, внемлет праху,
всему приходит свой черед.
И на гитару, как на плаху,
он тихо голову кладет. ¹³⁷*

Валентин Гафт

Гамлету

*Нет, Гамлет, мы неистребимы.
Пока одна у нас беда.
Пред нами тень отцов всегда,
А мы с тобой – как побратимы.*

*Решая, как нам поступить,
Пусть мы всегда произносили –
Сомнительное слово "или",
Но выбирали слово "быть!" ¹³⁸*

Поэт, рожденный театром

В Театре на Таганке всегда любили поэтов. <...> Многих поэтов здесь любили, а один тут родился. <...> В театре поэтический дар Высоцкого шлифовался, как наждаком – Брехтом, Маяковским, Есениным, жестким репетиционным методом Любимова, средой, наконец. Можно было бы проследить влияние поэтики любимовского театра на поэзию Высоцкого. То, что для других иногда становилось вынужденной тягостью (монтаж, ассоциативные сцепления эпизодов, роли-крохи и т.д.), для Высоцкого было школой, необходимым для разбега пространством. <...>

Среди актеров, поющих в фойе на спектакле "Десять дней, которые потрясли мир", был морячок с гитарой. Могло показаться – знакомый тип "братишки", которому театр поручил установить "свойское" общение с залом. Но у тех, кто пробовал с ним перемигнуться, ничего не получалось. Этот морячок и вышел из толпы, и стоял в толпе, и пел для нее, до него можно было дотронуться рукой, – но любую фамильярность пресекало его лицо. Оно было замкнутым и каким-то яростным изнутри. Шутейные слова песни – необычно серьезное лицо. И гитару он держал так, что было ясно – ударь, не отдаст. <...>

Оттолкнувшись от собственной песни, он мог вывести из нее какую-то роль. Мог сделать песню эмоциональным содержанием или кульминацией спектакля – песня буквально взрывала поэтический строй действия, а вместе с ним и зрительный зал. А иногда благодаря театральной роли Высоцкий выходил к целому песенному циклу, множил, варьировал в нем содержание спектакля, чтобы потом уйти от него совсем к созданию совершенно самостоятельных ролей в песнях-монологах и песенных диалогах.

Самое замечательное /.../ было то, что на сцене театра, знаменитого смелой условностью решений, он в чем-то главном был вне условности. Можно сказать так: никакая внешняя условность не стесняла этого актера и не подавляла. Он всегда давал сй надежную психологическую опору, –внутреннюю человеческую основательность. И никакое размытое правдоподобие ему не грозило. Он придавал правдоподобию четкость формы и силу мощного удара. В этом смысле в театре он шел как вожак и других за собой вел. Он шел к высокой поэзии. И его поступь на сцене с годами теряла уличную "развалочку", становилась легкой и грациозной. <...>

В репетициях он всегда был примером сосредоточенности. Но работа над Гамлетом требовала еще и смирения, а смирить этого человека было невозможно... "Гамлет" не подстраивался к известному ряду, а выламывался из него – прежде всего благодаря Высоцкому. <...> В зале было немало вопросов. Стихи Пастернака – можно ли сопровождать их гитарой? Некоторые радовались, другие пожимали плечами. И если вот так сразу, в самом начале, одним стихотворением, да еще с такой силой подан весь сгусток смысла – то что играть дальше? И голос Высоцкого кому-то показался грубым, и манеры шокировали не только Гертруду. "Если герои выражаются в трагедиях Шекспира как конюхи, нам это не странно", – писал Пушкин. Но нам было странно. Шекспира театр на свой лад веками обрабатывал, и его грубость не избежала разнообразной эстетической обработки. А у Высоцкого манера выражаться не имела никакого привычного лоска, никакой изящной обертки. Он вышел на сцену таким, каким был. И сыграл не что иное, как свою судьбу. Вряд ли он сам понимал это. Еще меньше – не веря в силу пророчеств – понимали мы. ¹³⁹

Посвящается Вадиму Туманову

Был побег на рывок –
Наглый, глупый, дневной, –
Вологодского – с ног
И – вперёд головой.

И запрыгали двое,
В такт сопя на бегу,
На виду у конвоя
Да по пояс в снегу.

Положен строй в порядке образцовом,
И взвыла "Дружба" – старая пила,
И осенили знаменьем свинцовым
С очухавшихся вышек три ствола.

Все лежали плашмя,
В снег уткнули носы, –
А за нами двумя –
Бесноватые псы.

Девять граммов горячие,
Аль вам тесно в стволах!
Мы на мушках корячились,
Словно как на колах.

Нам – добежать до берега, до цели, –
Но свыше – с вышек – всё предрешено:
Там у стрелков мы дёргались в прицеле –
Умора просто, до чего смешно.

Вот бы мне посмотреть,
С кем отправился в путь,
С кем рискнул помереть,
С кем затеял рискнуть!

Где-то виделась будто, –
Чуть очухался я –
Прохрипел: "Как зовут-то?
И – какая статья?"

Но поздно: зачеркнули его пули –
Крестом – в затылок, пояс, два плеча.
А я бежал и думал: добегу ли? –
И даже не заметил сгоряча.

Я к нему, чудачку:
Почему, мол, отстал?
Ну а он – на боку
И мозги распластал.

Пробрало – телогрейка
Аж просохла на мне:
Лихо бьёт трёхлинейка –
Прямо как на войне!

Как за грудки, держался я за камни:
Когда собаки близко – не беги!
Псы покروпили землю языками –
И разбрелись, слизав его мозги.

Приподнялся и я,
Белый свет стервения, –
И гляжу – кумовья
Поджидают меня.

Пнули труп: "Сдох, скотина!
Нету прока с него:
За поимку полтина,
А за смерть – ничего".

И мы прошли гуськом перед бригадой,
Потом – за вахту, отряхнувши снег:
Они обратно в зону – за наградой,
А я – за новым сроком за побег.

Я сначала грубил,
А потом перестал.
Целый взвод меня бил –
Аж два раза устал.

Он говорил о той стороне жизни, о которой "официальная" поэзия не говорила. Он говорил о всякой боли, об обидах, о том, что в жизни не получается. Он говорил о людях, которых вроде бы списали со счетов, но они живут и хотят жить. <...> Горлом Высоцкого хрипело и орало время. <...>

Высоцкий очень хотел увидеть напечатанными свои стихи. Те, от кого это зависело, не считали его поэтом и относились к нему только как к исполнителю своих песен. <...> Как ни странно, его поэтическое творчество полностью мало кто знал. Пел он в основном всегда одно и то же. А его стихи мы узнали только после смерти.

Его не приняли в Союз писателей. Сыграли здесь, конечно, свою роль стереотипы его восприятия отдельными социальными кругами населения как представителя "контркультуры", противостоящей определенным формам культуры, в том числе поэтической и песенной. К концу жизни он уже и не стремился к напечатанию своих стихов. <...>

В последние годы он писал без "маски", не прикрывался образом. Писал даже не от имени своего лирического героя, писал просто от своего "я". Его стихи /.../ открывают нам трагическую фигуру Поэта. Свою судьбу он знал, знал, как и его Гамлет, не мог поступать по-другому, иначе он не был бы Гамлетом. <...> Однажды на спектакле, когда я играла с Высоцким, для меня вдруг определилось, что такое талант. Талант – это прежде всего психическая энергия. Можно все очень хорошо знать, все очень хорошо уметь, ремесло, в принципе, можно набрать к тридцати годам, а энергия – или она есть, или ее нет. Энергия, которая действует как магнетизм. <...>

Когда я думаю о Высоцком, вспоминаю его в театре, на репетициях, на гастролях, просто в кругу друзей, с непосредственной реакцией, – я вижу его маленькую складную фигурку, и мне его до спазм в горле жалко. Жалко, что он ушел, жалко, что его нет с нами сейчас. Он действительно "не дожил", "не доиграл", "не допел", действительно не сумел воплотиться полностью. У него заряд был на большее. А когда думаю о его творчестве, о времени, в котором он жил, – я понимаю, как много он отдал, какая мощная была у него концентрация всех творческих сил, какая была уникальная способность их собрать и отдать людям. Ощущение жизни как высшего долга. Не разъединить, а объединить. Быть на службе великой эволюции души, эволюции жизни. <...>

Высоцкий ощущал себя проводником высших, космических сил. Большой талант это свойство всегда в себе чувствует, поэтому у Высоцкого так развито высокое чувство долга. Долг – соединение людей. Не было спокойствия. Всегда ощущение, что не успеет. От этого ощущения некоторая неврастения. Нездоровая психика, но здоровые чувства. От него очень много требовали. Его надо было просто любить. Он должен был погибнуть – ибо много отдал. Поэтическое восстание одиночки против Времени. К концу жизни он израсходовал все свои физические силы. Оставался только мощный Дух. <...>

Мы многое не могли выразить в словах, но крик боли резонировал. Высоцкий своим уникальным голосом, как никто, подхватил эту ноту. Читая его стихи, видишь, что некоторые из них несовершенно. Но у него нет ни строчки лжи, ни поэтического флера, ни тех завитков, которыми так грешила наша авангардная поэзия того времени. Чувство – слово – средства выражения у него сливались. Не возникало ни зазоринки, ни щели – для обмана и туфты. ¹⁴⁰

Даниэль Ольбрыхский
Поминая Высоцкого

<...> Володя никогда не расставался со своей гитарой. Но однажды, к нашему удивлению, приехал в Польшу без нее. Оказалось, на границе советский таможенник заявил: "Высоцкий, ваша гитара нам слишком дорога". Пришлось оставить ее в камере хранения. Чиновник решил, что не может допустить, чтобы Высоцкий где-то там для кого-то давал концерты. Вообразил, наверно: если до его начала детства слух о каком-нибудь нелегальном концерте в дружественной Польше, ему, таможеннику, будет поставлено в заслугу, что он пытался это предотвратить, — легендарную семиструнку Высоцкого за границу не выпустил. Впрочем, Бог знает, что этот человек думал. Может, до того он любил эту гитару и столько она для него значила, что просто не хотел, чтоб Володя ее где-нибудь по дороге поломал или потерял. Мы, конечно, сразу нашли Высоцкому новую гитару. Правда, шестиструнную, но все же. <...>

Это не мы придумали "подпольную" культуру. Русский неподцензурный "второй круг", особенно песни Высоцкого, был весьма специфичен: записи доходили до эзков и чекистов, до партчиновников и диссидентов, до студентов, крестьян, профессоров и солдат. До всех — ей-богу. Чекистам записи нравились до такой степени, что в очередную, кажется, 55-ю годовщину ЧК-НКВД-КГБ они обратились к своему тогдашнему руководству, чтобы на торжества по этому случаю пригласили Высоцкого. Предложили, между прочим, огромный гонорар. Ясное дело, Высоцкий вызов принял. Как Адам Михник, он верил, что каждого можно изменить. Мне бы тоже хотелось вскричать. На магнитофонной записи того концерта я слышал гром аплодисментов.

*Зря пугают тем светом, —
Тут — с дубьём, там — с кнутом:
Врежут там — я на этом,
Врежут здесь — я на том.*

*Я гордость под исподнее упрятал —
Видал, как лизут пятки гордецы, —
Пошёл лизать я раны в изолятор, —
Не зализал — и вот они, рубцы.*

*Надо б нам — вдоль реки, —
Он был тоже не слаб, —
Чтобы им — не с руки,
А собакам — не с лап!..*

*Вот и сказке конец.
Зверь бежал на ловца.
Снёс — как срезал — ловец
Беглецу пол-лица.*

*Всё взято в трубы, перекрыты краны, —
Ночами только воют и скулят,
Что надо, надо сыпать соль на раны:
Чтоб лучше помнить — пусть они болят!*

1977

Вадиму Туманову

*В младенчестве нас матери пугали,
Суля за послушание Сибирь, грозя рукой, —
Они в сердцах бранились — и едва ли
Желали детям участи такой.*

*А мы пошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...*

*К каким порогам приведёт дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?*

*Мы Север свой отыщем без компаса —
Угрозы матерей мы зазубрили как завет, —
И ветер дул, с костей сдувая мясо
И радую прохладою скелет.*

*Мольбы и стоны здесь не выживают —
Хватает и уносит их позёмка и метель,
Слова и слёзы на лету смерзают, —
Лишь брань и пули настигают цель.*

*И мы пошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведёт дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?*

*Про всё писать — не выдержит бумага,
Всё — в прошлом, ну а прошлое —
быльё и трын-трава, —
Не раз нам кости перемила драга —
В нас, значит, было золото, братва!*

*Но чуден звон души моей помина,
И белый день белей, и ночь черней, и суше снег,
И мерзлота надёжней формалина
Мой труп на память схоронит навек.*

*А мы пошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведёт дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?*

*Я на воспоминания не падаю,
Но если занесла судьба — гляди и не тужи:
Мы здесь подошли — вот он, тот распадок, —
Нас выгребли бульдозеров ножи.*

*Здесь мы прошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу, —
К таким порогам привела дорога...
В какую ж пропасть напоследок прокричу?..*

1977

Песни Высоцкого попадали во все уголки огромной страны благодаря несовершенным записям с частных квартир, с концертов, которых он давал великое множество в самых неожиданных местах — в самолетах, в тайге, на стоянках геологов... Увы, невероятно редко, точнее — непомерно редко Володя записывал их официально, в той форме, какой они заслуживали. А как он пел! Когда Высоцкий, этот невысокий мужчина, в жизни довольно тихий и мягкий, брал в руки гитару, возникала взрывчатая смесь. Натянутая струна, тетива лука, самозабвение до грани безумия, смерти. А голос какой... Казалось, у него вот-вот лопнут связки, у нас перепонки, а гитара воспламенится в его ладонях... Когда он доходил до форти-

симо, никто не мог устоять перед магической мощью его исполнения. Никто, даже те, кто понимал только по-китайски. Во всяком случае, я не встречал исполнителя, который умел бы так овладеть публикой.

Высоцкий использовал невероятно экономные средства выражения, и несмотря на это, или благодаря этому, его песни производили колоссальное впечатление на слушателей. Чувствовалось, это необыкновенная личность: поэтический гений таинственным образом усиливал тут исполнительское искусство. Его песни были словно скручены из нервов и жил, он пел всем собой, всем телом. Каждый концерт давался ему огромным физическим напряжением. Исполнение Высоцкого – как водяные знаки на ценных бумагах: его невозможно подделать, оно единственно в своем роде. Я не поддаюсь на уговоры, когда меня просят петь его вещи. Слишком близко я был к Володе, к его песням, видел, как они рождались. Я не осмелился бы петь их иначе, а неуклюже имитировать не хочу. Мои коллеги, тысячи людей поют эти песни. Ничего не имею против. Но не надо ждать от меня того же.

Бывало, мы пели вместе, так, ради забавы, часто дурачась. Я делал это немного "под него". Хорошо, что нет никаких записей этого пения; такое – не на продажу. Публично я бы не осмелился изображать Высоцкого.

Только в его исполнении вибрировала так сильно натянутая струна. Такова привилегия самых выдающихся артистов – их судьба, счастье и, быть может, проклятье. Проклятье – плата за великую любовь.

*Упрямо я стремлюсь ко дну.
Дыханье рвётся, давит уши.
Зачем иду на глубину?
Чем плохо было мне на суше?*

*Там, на земле, – и стол, и дом.
Там я и пел, и надрывался.
Я плавал всё же, хоть с трудом,
Но на поверхности держался.*

*Линяют страсти под луной
В обыденной воздушной жиже,
А я врываю в мир иной, –
Тем невозвратнее, чем ниже.*

*Дышу я непривычно – ртом.
Среда бурлит – плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом –
Быстрее, в пику Архимеду.*

*Я потерял ориентир,
Но вспомнил сказки, сны и мифы.
Я открываю новый мир,
Пройдя коралловые рифы.*

*Коралловые города...
В них многорыбно, но не шумно –
Нема подводная среда,
И многоцветна, и разумна.*

*Где ты, чудовищная мгла,
Которой матери страшат?
Светло, хотя ни факела,
Ни солнца мглу не освещают.*

*Всё гениальное и не-
Допонятое – всплеск и шалость.
Спаслось и скрылось в глубине
Всё, что гналось и запрещалось.*

*Дай Бог, я всё же дотяну.
Не дам им долго залежаться.
И я вгребуюсь в глубину,
И всё труднее погружаться.*

*Под черепом – могильный звон,
Давленье мне хребет ломает, –
Вода выталкивает вон,
И глубина не принимает.*

*Я снял с острой карабин,
Но камень взял – не обессудьте, –
Чтобы добраться до глубин,
До тех пластов, до самой сути.*

*Я бросил нож – не нужен он.
Там нет врагов, там все мы – люди.
Там каждый, кто вооружён,
Нелеп и глуп, как вошь на блюде.*

*Сравнюсь с тобой, подводный гриб,
Забудем и чины, и ранги.
Мы снова превратились в рыб,
А наши жабры – акваланги.*

*Нептун, ныряльщик с бородой,
Ответь и облегчи мне душу:
Зачем простились мы с водой,
Предпочитая влаге сушу?*

*Меня сомненья, чёрт возьми,
Давно буравили, сверлили:
Зачем мы сделались людьми?
Зачем потом заговорили?*

*Зачем, живя на четырёх,
Мы встали, распрямили спины?
Затем, и это видит Бог,
Чтоб взять камень и дубины.*

*Мы умудрились много знать,
Повсюду мест наделать лобных,
И предавать, и распинать,
И брать на крюк себе подобных!*

*И я намеренно тону,
Ору: "Спасите ваши души!"
И, если я не дотяну,
Друзья мои, бегите с суши!*

*Назад – не к горю и беде,
Назад и вглубь, но не ко гробу,
Назад – к прибежищу, к воде,
Назад – в извечную утробу!*

*Похлопал по плечу трепанг,
Признав во мне свою породу.
И я выплёвываю шланг
И в лёгкие пускаю воду.*

*Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши.
Ушёл один – в том нет беды.
Но я приду по ваши души!*

1977

Когда Володя пел драматические песни, он был весь сосредоточен на гитаре. Склоненная голова, взгляд, устремленный на инструмент. Только иногда – короткие взгляды вперед, слегка вверх, минуя глаза слушателей. Во время концертов, чаще всего многочасовых, он полностью концентрировался на том, чтобы удержать эту потрясающую гармонию: диафрагма, гортань, руки, струны гитары. А гитара в его руках становилась чем-то необычайным и... громко-голосым. <...>

"Человеска из железа" я впервые смотрел в Канне. Меньше чем через год после бурного рождения "Солидарности"; как известно, Вайда сделал этот фильм очень быстро. Мы сидели с Мариной. Когда в финальных кадрах Кристина Янда запела с той же экспрессией, что Володя, Марина разрыдалась. И тут же, через мгновение сказала: "Боже мой, ну почему Володя этого не дождался, не видит, что творится в

Западе и Востоке, несомненно, им в этом помогал. На одного-двоих Володя бы так, до хрипоты, не кричал. <...>

Через день после поминок, уже вернувшись в Польшу, я случайно встретил Агнешку Осецкую. Рассказал ей о пережитом и попросил, чтоб она написала об этом стихи. Она как-то странно на меня посмотрела и твердо сказала: "Сам возьми, да и напиши!". В первое мгновение я смутился. Но тут же понял – она права: раз я пережил нечто такое, да к тому же имел честь быть другом Володи, то сумею раз в жизни стать поэтом. Вот так я и сочинил стихотворение "Разбитые гитары". С эпиграфом: "Осень – на кладбище, где похоронен Высоцкий, горят разбитые гитары".

*Под грохот злой гитары
нам Вера сердце рвет,
и хрип Надежды старой
по струнам нервов бьет!
Но как всегда безвестен
в грязи дорожной след.
И душен мир, и тесен...
Всё не так, братишка, нет!*

*Под крик Твоей погони
свои нас мучат сны.
Гордо мчимся – волки, кони,
а вокруг всё те же псы!*

*Их свора с диким лаем
нас хочет разогнать.
Волки, волки, наши стаи
не пора ль соединять?!*

*С волчьей нашей земли
щерим свои клыки.
Не будем бить гитары
– склейте гитары и вы!*

В этом стихотворении я пытался передать характерный ритм песен Высоцкого и применить сходную технику подбора согласных в словах строках, строфах. Словом – хотел приблизиться к его способу письма. Облегчало задачу то, что несколько раз я наблюдал его за работой. Писал он в основном ночью. Выступивал ритм – кулаком по колену или ладонью по столу. Слова подбирал так, чтобы на русском языке, где, как и во всех славянских, доминируют согласные, добиться соответствующего замыслу звучания. Он умел феноменально артикулировать все эти наши неблагозвучные "х", "вр", "кр", "гр", "ш", "ч", "щ". Пел так, что звучали не только гласные – они в любом языке дают напевность, – но прежде всего твердые согласные. В стремительной, пылающей поэзии Высоцкого эти звуки обретали ценность, прямо-таки красоту. Зная свои актерские возможности, он использовал их сознательно, часто, мастерски.<...>

Помню, как-то раз, мимоходом, Володя обронил что-то о политике. В Париже: "Видишь ли, Даниэль, – с ударением, по русски растягивая последний слог моего имени и смягчая "л", – видишь ли, с этими западными демократиями ничего плохого не случится. потому что здесь невозможно, чтобы родился культ личности, какого бы то ни было цвета. Нет речи о том, чтобы кто-нибудь одержал на выборах сокрушительную победу, а если бы кто этого и возжелал, его бы сочли сумасшедшим. Вот..." <...>

*Эх, Володя, эх, Владимир,
ты не видишь, жаль, не видишь,
как уже другая ведьма
травит нам все те же бредни.
А за ней пустились в пляс
и твой Рус, и Чех, и Лях...
Верь не верь – опять кошмары,
спасу нет нам без гитары!*

<...> Десять лет прошло. Целая эпоха. Сколько переменялось, со сколькими друзьями мы за это время простились навсегда. <...> Уходят друзья. Уходят деспоты и тираны. <...> Мир несется как шальной, как кони Высоцкого. Новые ситуации, новые люди. Рушатся режимы. Старый мир, которому – казалось – конца не видно, трещит, как мачта во время шторма. Что бы сегодня спел мой друг?

Мы с Мариной одного мнения. Гитара как прежде трепетала бы в его руках. Он все так же заклинал бы микрофон, как змею. Хрипел бы, задыхаясь, срывая голос, – против рождающейся заново глупости и ненависти. Не важно – злое ли они предзнаменование возврата старого, носят ли они темную униформу "Памяти"... "...Отправив этих выродков налево, торжествовать пока еще не надо: еще плодоносит способно чрево, которое вынашивало гада" [Б.Брехт. "Карьера Артуро Уи, которой могло не быть". Перевод Е.Эткинда]. Одно ясно: ни на какой заслуженный отдых Володя не ушел бы. А сколько бы еще всего он высмеял в нас. Вот...

Перевод А.Базилевского ¹⁴¹

*Мой чёрный человек в костюме сером –
Он был министром, домуправом, офицером, –
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.*

*И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой, –
И я немел от боли и бессилья,
И лишь шептал: "Спасибо, что живой".*

*Я суеверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдёт, терпи, всё ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: "Больше – никогда!"*

*Вокруг меня кликуши голосили:
"В Париж мотает, словно мы – в Тюмень, –
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, – видать, начальству лень!"*

*Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег – прорва, по ночам кую.
Я всё отдам – берите без доплаты
Трёхкомнатную камеру мою.*

*И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья – известные поэты:
"Не стоит рифмовать "кричу – торчу".*

*И лопнула во мне терпенье жила –
И я со смертью перешёл на ты, –
Она давно возле меня кружила,
Побаиваясь только хрипоты.*

*Я от суда скрываться не намерен,
Коль призовут – отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил –
И худо-бедно, но тащил свой воз.*

*Но знаю я, что лживо, а что свято, –
Я понял это всё-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, –
Мне выбора, по счастью, не дано.*

1979

*Слева бесы, справа бесы!
Нет, по новой мне налеп!
Эти – с нар, а те – из кресел, –
Не поймёшь, какие злей.*

*И куда, в какие дали,
На какой ещё маршрут
Нас с тобою эти врали
По этапу повед:*

Юрий Сенокосов

Он подобрал ключ к нашим душам

В какой непрекращающейся, постоянной мучительной муке жил Высоцкий, знают все, кто хоть раз слышал или видел его. Но я думаю, не все сознавали и признают, что это была наша общая продолжающаяся мука рождения, родовая боль, пронзающая всех нас. Кто-то должен был выкричать эту боль. Мы носили ее в себе все. Но выкричал и выпел ее Высоцкий. Его песни – о нашем рождении. Крик о необходимости и неизбежности человеческого рождения. Не физического только, которому можно помочь, а духовного, в т о р о г о рождения, где помочь невозможно, ибо здесь каждый рождается сам. <...>

Поистине, терпение, надежда и отчаяние, то есть наша неспособность отказаться (даже в момент пробуждения в нас личности) от чаяний и общих коллективных надежд и заблуждений, были, в сущности, единственно мыслимыми состояниями, во власти которых мы жили и которыми даже гордились. Короче, в ситуации, когда большинство думало, что "страдания есть, а виновных нет", что... все течет и уравновешивается! (Достоевский), нами ценилась лишь одна философия – оправдания этого.

Высоцкий не разделял ее. И не оправдывал. Как человек и поэт он следовал в своей жизни иному принципу, иной философии: если я знаю, что я есть, то знаю и то, как я должен поступать. Он знал это, показав и нам, что огромное, слепое человеческое горе даже в минуту отчаяния находит себе союзника в Слове и через Слово обретает способность светиться не только надеждой, но и сознанием достоинства. Коллективное зло порождает мифологию коллективных упований. И, видимо, нужен был в том числе и Высоцкий, чтобы напомнить, сказать нам об этом. Его хриплый, от земли и небес, голос – чтобы мы его услышали. <...> Я вовсе не собираюсь, однако, считать или называть Высоцкого "героем-спасителем". Отнюдь. Это было бы неверно. Полагаясь во всем на себя и друзей, он сам не вставал в эту позу. И, возможно, поэтому мы не встретим в его песнях заискивающих ссылок на народ, как не найдем в них и упований на помощь со стороны или свыше. Его путь духовного рождения действительно передаваем. <...> Известно, что целый ряд ученых ставили эксперименты на себе, расплачиваясь порой за это собственной жизнью. Я думаю, вся жизнь Высоцкого также была подобным экспериментом, но связанным не с поиском истины научного характера, а с доказательством необходимости своего личного, духовного присутствия в мире, восстановления нравственных начал жизни. <...>

В отличие от интеллигентов поколения Пастернака и Ахматовой, сумевших сохранить полученную ими по праву рождения культуру, поколению Высоцкого еще нужно было родиться и наработать мускулы ума, достоинства, чести, чтобы появилась возможность восстановления нравственных основ нашей жизни. Высоцкий был человеком русской культуры. Отсюда – особенности его характера и жизни и самого факта его духовного рождения: готовность к самопожертвованию, ясный и бескомпромиссный ум и непомерное чувство ответственности, доходившее до жестокости в отношении себя. Вся жизнь его, безусловно, – символ того пространства, культурного и исторического, в котором он жил и, преодолевая которое, не только обозначил своими песнями границы этого пространства, но и подобрал ключ к нашим душам, открыл нам путь к обретению самих себя.¹⁴²

Ну а нам что остаётся?
Дескать, горе не беда?
Пей, дружище, если пьётся, –
Всё – пустыми невода.

Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой...

1970

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана, –
Учителей сожрало море лжи –
И выплюнуло возле Магадана.

Но, свысока глаза на невежд,
От них я отличался очень мало:
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

А мы шумели в жизни и на сцене:
Мы путаники, мальчики пока, –
Но скоро нас заметят и оценят.
Эй! Против кто?

Намнём ему бока!

Но мы умели чувствовать опасность
Задолго до начала холодов,
С бесстыдством шлюхи приходила ясность –
И души запирали на засов.

Юрий Трифонов
Горестный урок*

...Творчество Владимира Высоцкого – биография нашего времени. <...> Высоцкий затронул очень важные или, лучше сказать, очень болезненные моменты нашей истории. Он рассказывал нам почти обо всем, чем жили мы, чем жил народ – при нем и до него. <...> Великая, фантастическая его популярность, возникшая так неожиданно, объяснима: Высоцкий вошел в самую гущу народа, он был п о н я т е н многим, почти всем. <...> Он взял на себя с м е л о с т ь выражать самое насущное и никем не выражаемое: то истинное, чем народ на самом деле болел, о чем действительно думал, что было предметом повседневных разговоров простых людей между собой. Он начинал с того, что сочинял и пел для "своих", для людей, его окружавших, для тех, кого он лично знал и кто знал его. А с в о и м и оказались миллионы... <...> Он выражал нечто такое, чему в русском языке я даже не могу подобрать нужного слова. <...>

На его похоронах было так много людей, что даже те, кто, казалось бы, понимал тогда его значение, не ожидали такого. Конечно, Высоцкий снимался в кино, выступал на эстраде, был артистом Театра на Таганке, но ведь он не был в официальном почете, о нем почти не писали, не говорили по радио... Оказалось, что Высоцкий не нуждался ни в каком официальном признании, прославлении, вернее, его талант не нуждался: талант все сделал сам. Это безусловный урок, если говорить об искусстве и судьбе в искусстве.

Мы недостаточно ценим людей при их жизни. Все мы, кто его знал и любил, понимали, что это большой человек, но подлинного масштаба личности Высоцкого в общем-то никто не осознавал. Это тоже урок – очень горестный, – и, как все уроки, он не пойдет впрок человечеству. Так было, и так будет, но каждый раз, когда это происходит с конкретной судьбой, становится очень горько.¹⁴³

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

1979

Я спокоен — Он мне всё поведал.
"Не таись", — велел. И я скажу —
Кто меня обидел или предал,
Покарает Тот, кому служу.
Не знаю как — ножом ли под ребро,
Или сгорит их дом и всё добро,
Или сместят, сомнут, лишат свободы,
Когда — опять не знаю, — через годы
Или теперь, а может быть — уже...
Судьбу не обойти на вираже
И на кривой на вашей не объехать,
Напропалую тоже не протечь.
А я? Я — что! Спокоен я, по мне — хоть
Побей вас камни, град или картечь.

1979

Михаил Ульянов

Жил, как пел*

Он обладал двумя голосами — дар редкостный. Он имел голос драматического актера... Но он имел еще уникальный талант — владел песней. Может быть, потому и оборвалась его жизнь так трагически рано, что тратил себя вдвойне: два голоса хлестали, два горла рвались. Говорят, мол, если брать по гамбургскому счету, то в песне он был сильнее, чем на сцене. Я так не думаю. Его Гамлет, Лопухин, Хлопуша, другие роли на театре и в кинематографе были не менее пронзительны, в них был тот же надрыв и тот же неистовый размах, что и в песнях этого замечательного художника. Но песня доходчивей, проникновенней, демократичней, песня всепроникающа, поэтому его, конечно, лучше знали по песням. А я вспоминаю его роли и вижу, что это был единый сллав. Хотя, быть может, в песнях он был выразительнее. И не потому, что они были более яростны и темпераментны, но потому, что в них он передавал те мысли, чувства и слова, которых ему не доставало в иных ролях, которые выражали его точнее.

Песни Высоцкого... Чем объяснить их феноменальную, неслыханную славу? Их все слушали, их все пели, пели для себя, но никто не мог исполнять. Это удивительно, но никто по-настоящему не пел и не спел его песен. Нужен его темпераменту, нужен этот сложный, странный, надорванный, казалось, уже погибающий голос, которым он пел столько лет, ни разу его не сорвав. И только он мог на таком смертельном пределе вложить всего себя в песню — не смотря на порой непритязательный текст, несмотря на подчас уличную мелодию, песня Высоцкого становилась горьким, глубоким философским раздумьем о жизни¹⁴⁶.

...Он был искренен, когда многие другие лукавили, он был предельно откровенен, когда иные поэты не отличались правдолюбием. Он говорил о таких вещах, о которых мы сейчас все говорим вслух. Он говорил об этом раньше других — для этого нужно было особое мужество. <...> Ведь это факт, что его песни слушали на всех этажах нашего общества, решительно на всех! Его ругают, хвалят, захлебываются — на всех этажах — и слушают. Почему? <...> Слушают тех, кто тебя выражает. Я — безголосый, я — беспесенный, я — не поэт, но у меня есть чувства! И вдруг находится человек, который мои чувства как бы подглядел и выразил. <...> Он был как бы форточкой в какой-то другой мир, в какой-то свободный мир, откровенный, честный мир, прямой, простой и в то же время сложный.¹⁴⁷

Прощание отменено

<...> И была панихида в смутном свете зала, и много было сказано горького и верного, но никто не сказал так, как Михаил Ульянов. Где-то, почти на краю авансцены, так же хрипло и страстно, как и тот, кто теперь молча слушал

их всех, проклинавших и клявшихся, Ульянов обвиняюще кричал в застывший зал:

— Сегодня всему русскому искусству нанесена незаживающая рана! Говорят, люди заменимы. а кем мы заменим его? Где возьмем другой, равный ему, талант? Где возьмем другой, такой же, голос? Не где!!! <...>

Очень скоро после Высоцкого ушедший Федор Абрамов пророчески сказал:

— Для его стихов еще не наступил настоящий срок. Он будет необходим как воздух, когда у нас в доме стрясется беда. С его песнями будет ходить в атаку...

Сегодня зло и ложь развешивают свои черные флаги на каждом углу. И как бы мы ни прятались, ни обставлялись рухлядью, ни утыкали носы в книги и дачи, — настанет день и час, когда снова все будет сброшено и надо будет выбирать между жизнью и смертью. Такая уж судьба России — стоять на расставнях и выбирать свой путь, самый опасный, самый смертельный. Когда это случится и снова разверзнется пропасть, мы знаем: он, как в детской песенке, перепрыгнет ее (ведь для него и в жизни было плевое дело — перепрыгивать через пропасти), встанет с нами рядом в костюме Гамлета, и мы скажем ему: — ЗДРАВСТВУЙ, БРАТ!¹⁴⁴

...Толпа провожала писателя, который умел петь хриплым голосом. ...Люди слушали Володю и вспоминали, что они люди. Милый Володя. Очень милый Володя. Пропасть легко, но... командир должен при аварии уходить последним. Ведь ты по возрасту мог бы быть моим сыном.

Виктор Шкловский¹⁴⁵

Александр Осмоловский
"КПД лишь там высок,
где есть пуля и висок"

Автор формулы этой – один из друзей и поклонников Владимира Высоцкого, физик. Известно, что в физике, ядерной особенно, зазор между явлением и описанием его нежелателен и очень опасен. То же и в серьезном искусстве, – где явлением выступает сам творец. Работая в жанре звучащего слова, научаешься ценить эту волшебную адекватность:

*Слабо стреляться?
В пятки, мол, давно ушла душа?
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души.*

Должно было пройти время, сквозь белый лист должны были проступить знаки черных свинцовых литер, должны были отвалиться, как земля от лемеха, тонны пустых пород, отзвучать попугайские хрипы подражателей и имитаторов, высохнуть слюны налившихся по самые глаза водярой неумытых апологетов "ВОЛ-ЛОДИНЫХ", – все это должно было пройти и прошло. Как и всякий серьезный поэт, Высоцкий работал не по "правилам", создав свой свод законов поэтического творчества. Этот индивидуальный закон и позволил ему дать искусство, адекватное эпохе – славному периоду активного продвижения "назад к сталинизму" (современные высшие функционеры называют это время более ласково – "период застоя").

Поэт полностью отработал этот жуткий период и сгорел в нем. Остались буквы и голос. Коэффициент сгорания таков, что гул не стихает. Да и есть, достаточно еще есть, чему сгорать.

*Сон мне снится – вот те на! –
Посреди квартиры
На мои похорона
Съехались вампиры.
Стали речи говорить,
Все про долголетие!
Кровь сосать решили погодить –
Вкусное на третье.*

Семь видов ритма в цитируемой вещи, двойная рифма (середина и конец строки), звуковая инструментовка уникальны. Одна из фундаментальных особенностей поэзии Высоцкого – в абсолютной невозможности отсебятины со стороны ее исполнителя (КПД лишь там высок...). Интерпретировать его недопустимо, нужно – выполнять, как приказ в атаке. Отсюда – столь малый эффект театральных его интерпретаций. Помните растерянных таганковских актеров на вечере памяти Поэта в Лужниках? Случайно ли путали они текст, неоправданно дилетантски купировали? И как бедны были их голоса!

*Мой черный человек в костюме сером,
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых внезапно, без причины...*

Серость – вот наш "черный человек", изобретение славной системы. Какой бы флер вы ни набросили сверху, серость проступит тотально. Если там, в эпохе торжества бандократии, бил эпатаж, то сейчас, в 90-х, обывателю сквозь этот напор страсти-мысли не продохнуть, и он затыкает уши – наблюдали? Поэзия Высоцкого продолжает работать в "нежелательном" направлении? А мы ее сквозь "капустнички" прокрутим, развлечемся заодно. Не получается? Значит, устарел поэт! Профессиональное отношение к наблюдаемому явлению заставляло его осторожно

(так он работал) продвигаться босыми пятками души своей по этому самому лезвию, которое зовется "жизнь-смерть". А мы, актеры, ин-тер-пре-тируем! На радость и умиление "костюму серому".

*Всего лишь час дают на артобстрел,
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел –
Кому до ордена, а большинству – до вышки!*

А у нас нет даже этого часа. Ноты Высоцкого до сих пор не взяты обществом нашим бедным, штрафные батальоны продолжают хрипеть в яростном беге по кругу, президенты улыбаются и вешают очередную лапшу на уши миллионам, театры и театрики борются за выживание (за счет зрителя), серые уверенно консолидируются, золотые строки покрываются пылью – обычное дело! И тут может сказать слово Культурный центр Высоцкого, и первыми учениками его аудиторий должны стать актеры, пока – полные дилетанты в мирах Шукшина, Высоцкого, Тарковского. У нас в стране нет искусства поэзии-театра, оно всегда было противопоставлено "стране победившего...", оно аккуратно, с отличным КПД уничтожения, – преследовалось партийной мафией. Ибо это искусство выбивает из-под толстых задов кресла. И оно же учит профессионализму жизни человеческого духа. Так же, как в свое время звуковая партитура и синтаксическая структура поэзии Андрея Вознесенского, вещи Высоцкого требуют новой грамотности, иных, непривычных навыков актерской и режиссерской работы. Тут "откровениями" и голыми задами не возьмешь, тут учиться надо, за партой, с первого класса. В поэтическом театре – спасение. От актерского дилетантизма, самовлюбленности, бедности техники, скудости души.

*Наматываю мили на кардан.
И пулю в скат влечь себе не дам.
Но тормоза отказывают – куда!
Я горизонт промахиваю сходу.*

Ребята-шестидесятники "выжали скорость" впервые (Вознесенский), а он вырвался из круга, – не было возможности тормознуть; когда попытался-таки, педаль провалилась – та самая, – что называют сердцем.

Стиль Высоцкого... осторожен, случайности исключались, тщательность завораживает; его текст нельзя продекламировать или прохрипеть. Кстати, о хрипе ("расщепленка", по-вокальному). На двадцатой-тридцатой минуте концерта техника Элвиса Пресли является сама. Король и создатель рок-н-ролла

Михаилу Шемякину – чьим другом
посчастливилось быть мне!

*Как зайдёшь в бистро-столовку,
По пивку ударишь, –
Вспоминая всегда про Вовку:
– Где мол – друг-товарищ.*

*А в лицо – трёхстопным матом,
Можешь хоть до драки.
Про себя же помни –*

братом

Вовчик был Шемяке.

*Баба, как наседка, квохчет
(Не было печали!).
Вспоминай!!! Быть может, Вовчик –
"Поминай как звали".*

*М. Chemiakine – всегда, везде Шемякин,
А посему французский не учи!..
Как хороши, как свежи были маки,
Из коих смерть схимичили врачи.*

Мишка! Милый! Брат мой Мишка!
Разрази нас гром!
Поживём ещё, братишка,
По-жи-вьём!
po gi viot.

1980

Две просьбы

М. Шемякину – другу и брату
посвящён сей полужэкспромт

1

Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я
Гоню их прочь, стеная и браня.
Но вместо них я вижу виночерпия,
Он шепчет: "Выход есть, к исходу дня –
Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердие
Отпустит и расплавится броня!"

Я – снова Я, и Вы теперь мне верьте, я
Немногого прошу взамен бессмертия, –
Широкий тракт, холст, друга да коня
Прошу покорно, голову склоня.
Побойтесь Бога, если не меня, –
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

2

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу – дьяволу – ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...
Ты эту дату, Боже, сохрани, –
Не отмечай в своём календаре, или
В последний миг возьми да измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли.
Чтоб люди не хихикали в тени.
От них от всех, о Боже, охрани
Скорее, ибо душу мне они
Сомненьями и страхами засеяли.

1 июня 1980

И снизу лёд и сверху – маюсь между, –
Пробить ли верх иль пробуровать низ?
Конечно – всплыть и не терять надежду,
А там – за дело в ожиданьи виз.

Лёд надо мною, надломись и тресни.
Я чист и прост, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Всё помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека – сорок с лишним, –
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть,

представ перед Всевышним,

Мне есть, чем оправдаться перед Ним.

11 июня 1980

становится рядом с королем русских бардов конца
XX-го. Начало и конец века смыкаются, и никто не
знает, а что же дальше.

Никакого "вперёда" нет ("Оза" Вознесенского это
сформулировала исчерпывающе). Остаются – "верх"
и "низ". Куда? Высоцкий опять честен:

...Зов предков слыша сквозь далекий гул,
Я шел на зов, сомненья кралась с тылу:
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

Ноги Гамлета закопаны в землю, а с вертолета

уже спустили петлю. Обречен. Обречены. Куда бе-
жать – он не знал. Хотя и делал попытки наметить
запасные ходы – "вглубь", "вверх", "к природе", "в
излучную утробу"... Это очень напоминает стацио-
нарный ДОТ – долговременную огневую точку (я
служил там офицером): никто кроме командира не
знал, что за фанеркой с надписью "ЗАПАСНЫЙ ВЫ-
ХОД" в углу третьего этажа (третий в ДОТе означа-
ет – самый нижний, последний) – рельсы буквой X, а
за ними – мертвый грунт. Отчаянье Поэта – может
быть, последняя инстанция в осмыслении человече-
ством себя. Мгновение, которым владеет Поэт, более
существенно, чем вечность, ибо его нельзя, уже ни-
когда, опровергнуть. Высоцкий владел этой техникой.
Ставя простейшие, до примитива, слова в строку, он
раздавал нам ключи и отмычки к безвременью, в ко-
тором барахтаемся.

Знатоки шуточно-блатного репертуара (и этим от-
лично владела муза Высоцкого) заметно скучнеют,
когда оказываются (если хватает ума и работы души)
на крашке омота, – холодно там и музыка не игра-
ет. Так же происходит и с Шукшиным Василием Ма-
карычем в многочисленных литературных и театраль-
ных "интерпретациях". Неудобные они оба для уве-
селительного раута:

...Грязью чавкая, рыжей да ржавою,
Вязнут кони по стремяна.
Но влекут меня сонной державою,
Что охрипла, опухла от сна...

Так и живем.

Для чего необходимо воплощать поэзию Высоцко-
го? Чтобы освоить иные пространства, иную технику
сценического искусства. Сложная духовная жизнь ре-
ализуется сиюминутным языком, понятным любой
социальной группе. Богатство ритмической импрови-
зации, профессиональная игра с ассоциативными воз-
можностями русского слова, жесткий темп, не позво-
ляющий произведению рассыпаться, – это и многое
другое (о чем уместно говорить с актерами в специ-
альных беседах) помогает организовать душевно и
духовно в хаосе вероятностного мира, где нет причи-
ны в начале и следствия в конце. Работа Высоцкого –
это жанр, которого не было. Ни так называемым чте-
цам, евнухам слова, ни актерам нашего обычного те-
атра (а весь наш театр – обычный) этого жанра без
специальной тренировки не поднять. Высоцкий был в
одном лице и поэзией и театром. Равное распределе-
ние талантов поэта и актера позволяет этот жанр ре-
ализовать. Или – все виды искусств уже созданы?

Лучше я загуляю, запылю, заторчу,
Все, что ночью кропаю, в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу, –
Но не буду скользить, словно пыль по лучу.

Иное искусство – иная работа. Умные и состоя-
тельные жители других стран спешат сейчас к нам на
помощь, и надо учиться чувствовать благодарность
(имеется в виду сфера материальная). Но ведь и нам
есть, чем помочь. Имеется в виду сфера духовно-ду-
шевного. Иной жанр, жанр ПОЭЗИИ-ТЕАТРА, мо-
жет внести свою долю. Несметные богатства поэтиче-
ских строк накоплены русским языком. Системой
соцреализма они были исключены из оборота. Вели-
кий Станиславский, как и положено великому, ска-
зал о поэзии (звучащей) просто: "Этого "системой"
не взять, тут совсем другое". По-гречески слово "поэ-
зия" означает "делаю, творю". Известно – что, как
правило, ожидало тех, кто своей жизнью воплощал
этот буквальный смысл. Читаем у Высоцкого:

Кто кончил жизнь трагически,
тот истинный поэт.

А если точно в срок – то в полной мере...

Действие этого закона надо пытаться ослабить. 148

Песня об обиженном Времени

Приподнимем занавес за краешек:
Такая старая, тяжёлая кулиса!
Вот какое время было раньше,
Такое ровное – взгляни, Алиса!

Но... плохо за часами наблюдали
Счастливые,
И нарочно Время замедляли
Трусливые,
Торопили Время, понукали
Крикливые,
Без причины Время убивали
Ленивые.

И колёса Времени
Стачивались в трении –
Всё на свете портится
от тренья...
И тогда обиделось Время
И застыли маятники Времени.

И двенадцать в полночь не пробило,
Все ждали полдня,
но опять не дождались.
Вот какое Время наступило –
Такое нервное – взгляни, Алиса!

И... На часы испуганно взглянули
Счастливые,
Жалобные песни затянули
Трусливые,
Рты свои огромные заткнули
Болтливые,
Хором зазевали и заснули
Ленивые.

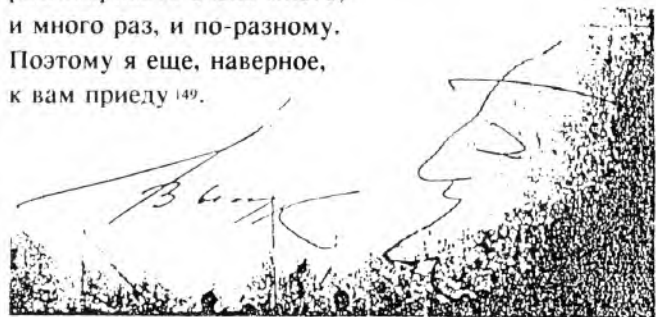
Смажь колёса Времени –
Не для первой премии –
Ему ведь очень больно
от тренья.
Обижать не следует Время.
Плохо и тоскливо жить
без Времени.

1973

Я успеваю улыбнуться —
Я видел, кто придёт за мной...

А я ведь на бис никогда не пою. Знаете, почему? Потому что это обман. Все знают, сколько артисты споют, просто они уходят раньше времени, а потом появляются, чтобы вы сказали: "Какой он милый, симпатичный, мы его просили – он остался". Я никогда не недовыполняю план, я всегда перевыполняю. Или – норму. Я все закончил, все рассказал вам. Тема моей лекции неисчерпаема, о ней можно разговаривать очень много, и много раз, и по-разному. Поэтому я еще, наверное, к вам приеду ¹⁴⁹.

**Не волнуйтесь – я не уехал,
И не надейтесь – я не уеду!**

Источники текстов:

Четверостишие на тит.л.цит.по: Самоволка: Дневник В.Высоцкого//Октябрь. 1991. N 6. С.199.
Текст на 4 с.обл. — по: Жизнь без сна//В.Высоцкий. Сочинения. Т.2. М.: Худож.лит., 1991. С.367.

- 1 Менестрель. 1981. N 1. С.11.
- 2 В.Высоцкий: Все не так. М., 1990.
- 3,5 Вспоминая Владимира Высоцкого. М.: Сов.Россия, 1989. С. 358, 360.
- 4 Лит.обозрение. 1981. N 7. С.94-99.
- 6 После смерти//Комс.правда. 1990. 22 июня. С.4.
- 7 [Грампластинка] Чужая кося (На концертах Владимира Высоцкого,6). М.: Мелодия, 1988.
- 8 Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988. С.112-113.
- 9 Живая жизнь. М.: Мос. рабочий, 1988. С.4-5.
- 10 Цит.по: А.Демидова. Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю. М.: СТД РСФСР, 1989. С.145.
- 11 Живая жизнь. С.291.
- 12 Четвертая власть//Уральский каменщик. 1990. 24 авг. С.4-5.
- 13 Цит.по: А.Демидова. Владимир Высоцкий... С.137.
- 14 [Грампластинка] Спасите наши души (На концертах Владимира Высоцкого,2). М.: Мелодия, 1987.
- 15 [Вступ.слово]//В.Высоцкий. Избранное. М.: Сов.писатель, 1988. С.3.
- 16-18 Б.Окуджава. Избранное. М.: Мос.рабочий, 1989. С.209, 230, 308.
- 19 Негромкое слово проповедника//Магк. Пушкино, 1989. 18 июля.
- 20 В.Высоцкий. Песни и стихи. Т.2. Нью-Йорк: Лит.зарубежье, 1983. С.254-255.
- 21 Я уговаривал его не умирать//Работница. 1989. N 8. С.26.
- 22 А.Галич. Возвращение. Л.: Киноцентр, 1989.С.148.
- 23 Живая жизнь. С.313.
- 24 Ю.Мориц. На этом берегу высокою. М.: Современник, 1987. С.269.
- 25 Песни Окуджавы и Высоцкого//К.Рудницкий. Театральные сюжеты. М.: Искусство, 1990. С.402-405, 410-411.
- 26 Вагант. 1991. N 7. С.13-14.
- 27 "Нет меня, я покинул Россию..."//Континент. 1980. N 26. С.167-170.
- 28 Континент. 1980. N 26. С.170-172.
- 29 Вспр.литературы. 1988. N 7. С.241.
- 30 Народный тип таланта//В.Высоцкий. Песни и стихи. Т.2. С.331-332.
- 31 Ю.Визбор. Я сердце оставил в синих горах. М.: Физкультура и спорт, 1989. С.139-140.
- 32 Четыре четверти пути. С.8-10.
- 33 Вагант. 1991. N 9. С.11.
- 34 В.Долина. То ли кошка, то ли птица. Таллинн: Ээсти раамат, 1989. С.100.
- 35 [Грампластинка] Москва - Одесса (На концертах Владимира Высоцкого, 3). М.: Мелодия, 1988.
- 36 Вагант. 1990. N 2. С.9.
- 37 Из коллекции З.Лихачевой.
- 38 Рок-разговор//Юность. 1983. N 6. С.87.
- 39 Аврора. 1984. N 9. С.131.
- 40 Я, конечно, вернусь... М.: Книга, 1988. С.134.
- 41 [Грампластинка] Маскарад (На концертах Владимира Высоцкого, 15). М.: Мелодия, 1990.
- 42 Владимир Высоцкий как явление русской национальной культуры//В.Высоцкий. Песни и стихи. Т.2. С.337-338.
- 43 Четыре четверти пути. С.138-139.
- 44 Живая жизнь. С.302-303.
- 45-46 Четыре четверти пути. С.109, 120-124.
- 47 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.160.
- 48-49 Четыре четверти пути. С.119-120, 140-141, 139.
- 50 Лит.Россия. 1986. 8 авг.
- 51 Живая жизнь. С.309.
- 52 Четыре четверти пути. С.110-111, 113-114, 128-131, 124-125.
- 53-54 Живая жизнь. С.316, 304, 314-315, 312.
- 55 Нева. 1990. N 3. С.181-185.
- 56 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.72.
- 57 Владимир Высоцкий в кино. М.: Киноцентр, 1989. С.193-194.
- 58 Менестрель. 1981. N 1. С.15.
- 59 Живая жизнь. С.191-192.
- 60 Песня. 1979. N 5. С.56.
- 61 Улица должна говорить языком поэта//Неза-

- вислаз. 1991. 23 июня.
- 62 Он не мог жить иначе//Муз. жизнь. 1988. N 2. С.3.
- 63 Это был голос, казавшийся безграничным//Столица. 1991. N 4. С.47.
- 64 Улица хочет кричать//Сов.культура. 1987. 28 фев.
- 65 Четыре четверти пути. С.134-135.
- 66-67 Живая жизнь. С.316, 6-9.
- 68 Сов.культура. 1973. 2 апр.
- 69 "Толпа послушна звонким фразам..."//Ленинец. Владивосток, 1968. 11 янв.
- 70 О чем поет Высоцкий//Сов.Россия. 1968. 9 июня.
- 71 Что за песней//Комс.правда. 1968. 16 июня.
- 72 С чужого голоса//Тюмен. правда. 1968. 7 июля.
- 73 Да, с чужого голоса//Тюмен. правда. 1968. 30 авг.
- 74 Модно - не значит современно//Сов.Россия. 1968. 15 нояб.
- 75 Магнитофонные открытия//Комсомолец Кубани. Краснодар, 1969. 18 янв.
- 76 О массовом музыкальном воспитании//Сов.музыка. 1969. N 3. С.10-11.
- 77 Пестрый камень [1969]//Чивилихин В. Серебряные рельсы. М.: Мол.гвардия, 1982. С.453.
- 78 Конфюз с "Метрополем"//Кузнецов Ф. Размышления о нравственности. М.: Сов. Россия, 1979. С.400-401.
- 79 Романтика современности//Мол.гвардия. 1982. N 7. С.256.
- 80 Из песни слова не выкинешь//Лит.Россия. 1986. 21 марта. С.17.
- 81 Пища? Лекарство? Отравы?//Куняев Ст. Огонь, мерцающий в сосуде. М.: Современник, 1986. С.263-265.
- 82 Обращение к вечности//Студ.меридиан. 1986. N 12. С.65.
- 83 От войны до войны//Мол.гвардия. 1989. N 8. С.195-196.
- 84 "И опять я в мыслях полагаюсь на слова людей"//Новый мир. 1988. N 2. С.246-249.
- 85 Голос мой не задрожит//Вагант. 1990. N 8. С.9.
- 86 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.273-274.
- 87 А.Жигулин. В надежде весной. М.: Сов.писатель, 1983. С.312.
- 88 М.Влади. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989. С.53-54, 93-94, 174.
- 89 Я, конечно, вернусь... С.88-90.
- 90 Я, конечно, вернусь... С.60.
- 91 В.Смехов. Живой и только. М.: Интерконтакт, 1990. С.100-101.
- 92 Живая жизнь. С.221.
- 93 Живая жизнь. С.104-105.
- 94 Четыре четверти пути. С.142-143, 116-118.
- 95 Известия ЦК КПСС. 1989. N 12. С.129-130.
- 96 Аврора. 1990. N 6. С.146-147.
- 97 Живая жизнь. С.233, 235-242.
- 98 Володя был очень добрым человеком//Волжский комсомолец. 1991. 26 янв. С.19.
- 99 Вагант. 1990. N 2. С.4.
- 100 Владимир Высоцкий: Человек, поэт, актер. М.: Прогресс, 1989. С.222-225, 227.
- 101 В.Высоцкий. Собрание стихов и песен. Т.3. Нью-Йорк: Аполлон; Руссика, 1988. С.385-386, 392-393, 398, 401-402.
- 102 Время и мы. 1978. N 36. С.135-142.
- 103 Феномен Высоцкого//Я. 1991. N 1. С.78-81.
- 104 Три знакомства с Высоцким//Песня. 1971. N 1. С.57-59.
- 105 Абрам Терц. Литературный процесс в России//Континент. 1974. N 1. С.166-168.
- 106 Континент. 1980. N 25.
- 107 Новая газ. 1980. 9-15 авг.
- 108 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.99-100.
- 109 Владимир Высоцкий: Человек, поэт, актер. С.267.
- 110 Д.Самойлов. Голоса за холмами. Таллинн: Ээсти раамат, 1985. С.28.
- 111 Лит.газ. 1986. 18 июня.
- 112 Время Высоцкого//Веч.Одесса. 1990. 25 янв.
- 113 В.Гафт. Стихи, эпиграммы. М.: Союзтеатр, 1990. С.22
- 114 Впервые публикуемый текст.
- 115 В.Новиков. В союзе писателей не состоял...: Писатель Владимир Высоцкий. М.: Интерпринт, 1990. С.65-66, 158-159, 165-166, 191-194, 196, 197, 204, 220-221.
- 116 Впервые публикуемый текст.
- 117 Из коллекции З.Лихачевой.
- 118 Я, конечно, вернусь... С.48-52.

- 119 Вагант. 1990. 25 июля. С.7.
- 120 Судьбу не выбирают//Лит.газ. 1987. 1 янв. С.7.
- 121 Б.Ахмадулина. Сад. М.: Сов.писатель, 1987. С.45.
- 122 Б.Ахмадулина. Избранное. М.: Сов.писатель, 1988. С.359.
- 123 Дружба народов. 1982. N 1. С.136-137.
- 124 Ах, шестидесяти...//А.Вознесенский. Ров. М.: Сов.писатель, 1987. С.214.
- 125 О//А.Вознесенский. Прорыв духа. М.: Сов.писатель, 1984. С.172-173.
- 126 А.Вознесенский. Безотчетное. М.: Сов.писатель, 1981. С.132.
- 127 А.Вознесенский. Дубовый лист виолончельный. М.: Худож.литература, 1975. С.209-211.
- 128 А.Вознесенский. Безотчетное. С.33.
- 129 Цит.по: Л.Георгис. Владимир Высоцкий - знакомый и незнакомый. М.: Искусство, 1989. С.140.
- 130 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.163-165.
- 131 Живая жизнь. С.9.
- 132 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.159-160.
- 133 Аврора. 1984. N 9. С.131.
- 134 Менестрель. 1982. N 1. С.11.
- 135 Юность. 1976. N 6. С.70.
- 136 В.Гафт. Стихи, эпиграммы. С.24.
- 137 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.146-148, 151, 153-156.
- 138 А.Демидова. Владимир Высоцкий... С.136-137, 145-146, 158, 170-172.
- 139 D.Olbychski, Wspominki o Wlodzimierzu Wysockim. Warszawa: Zebra, 1990. S.29-30, 33-34, 37-38, 42-43, 57-58, 76-79, 82-83.
- 140 Вспоминая Владимира Высоцкого. С.112, 117.
- 141 Я, конечно, вернусь... С.170-172.
- 142 Сельская молодежь. 1988. N 1.
- 143 Цит.по: В.Конекский. Тут обидемся без названия//Нева. 1981. N 10. С.181-182.
- 144 Театр. 1987. N 5. С.153-154.
- 145 Телесвидение: Вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1989. С.195-202.
- 146 Впервые публикуемый текст.
- 147 Живая жизнь. С.301.

Заглавия, обозначенные*, даны составителем.

Произведения В.Высоцкого печатаются по изд.: Сочинения. Т.1-2. М., 1990; Собрание стихов и песен. Т.1-3. Нью-Йорк, 1988. Тексты и датировка выверены С.Жильцовым.
На с.3,12,23,33,38,51 приведены ответы В.Высоцкого на анкету А.Меншикова (1970); на с.21,46,57 - фрагменты его интервью В.Первоозникову для Пятигорского телевидения (1979); на с.1, 40 - фрагменты выступлений (по фонограмме).

Авторы фотографий:

П.Бернар (41), В.Борисов (29), Л.Данковский (60), Ю.Кадобин (10), В.Меклер (7), В.Мурашко (15,44), В.Плотников (30,58), А.Сааков (2 с.обл.), А.Стернин (14,30,20,33), А.Феокистов (32), Д.Чижков (19,28), А.Шпиев (8,23).

Авторы рисунков:

В.Назаренко (42), М.Шемкин (Илл.к песне "Побег на рывок", 39), неизвестный автор (//Я.Перельман. Занимательная физика. М.: Наука, 1982. С.194; 36).
На с.75 - рис.из программы спектакля Театра на Таганке "Пугачев".

Настоящее издание является третьим, переработанным и дополненным вариантом альманаха. Первый вариант, сверстаный в виде газеты, был подготовлен для театра "У Никитских ворот" и вышел в свет осенью 1990 года. Второй, измененный и дополненный зимой 1991 года, очевидно, не был отпечатан вовсе (благодаря одному киевскому эксперту по интеллектуальной собственности). Редактор-составитель благодарит всех, чье содействие, бездействие и противодействие помогли альманаху принять нынешний вид.

Художественно-политический альманах

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

мировая культура и тоталитаризм

Среди авторов: А.и Б.Стругацкие, Б.Брехт, Дж.Оруэлл, Г.Гессе, А.де Сент-Экзюпери, А.Камю, А.Кестлер, Э.Фромм, Х.Арендт.

»Вахазар« 1992

Пугачев:

...Дорогие мои... Хор-рошие...

Что случилось? Что случилось?

Что случилось

Кто так страшно визжит и хохочет

В придорожную грязь и сырость?

Кто хихикает там исподтишка,

Злобно отплевываясь от солнца?

.....

...Ах, это осень!

Это осень вытряхивает из мешка

Чеканенные сентябрем червонцы.

Да! Погиб я!

Приходит час...

Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...

...Это она!

Это она подкупила вас,

Злая и подлая оборванная старуха.

Это она, она, она,

Разметав свои волосы зарею зыбкой,

Хочет, чтоб сгибла родная страна

Под ее невеселой холодной улыбкой.

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?

Хочешь встать - и рукою не можешь

двинуться!

Юность, юность! Как майская ночь,

Отзвенела ты черемухой в степной провинции.

Вот всплывает, всплывает синь ночная

над Доном,

Тянет мягкой гарью с сухих перелесиц.

Золотую известкой над низеньким домом

Брызжет широкий и теплый месяц.

Где-то хрипло и нехотя кукарекает петух,

В рваные ноздри пылью чихнет околица,

И все дальше, все дальше,

встревоживши сонный луг,

Бежит колокольчик, пока за горой

не расколется.

Боже мой!

Неужели пришла пора?

Неужель под душой так же падаешь,

как под ношей?

А казалось... казалось еще вчера...

Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Сергей Есенин

Из драматической поэмы "ПУГАЧЕВ"

8-001

Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит?
Никто!
Вот моя последняя записка:

”Я вчера много работал. Прошу не будить!
Никогда. Засыпаю насовсем.
Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны!”

А вот мое завещание.
Я не терплю завещаний, они все фальшивые,
особенно политические, за некоторым
исключением, конечно.
Но вот оно:

”Да здравствует международная солидарность
сумасшедших –
единственно возможная из солидарностей!
Да здравствует безумие, если я и подобные мне
– безумны!
И да здравствует всё, что касается всего, что
волнует и утешает!”

Всё.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

**В. ВЫСОЦКИЙ:
ВСЁ НЕ ТАК**

»WANAZAR« 1991
ISBN 5-88190-005-7